

РУССКІЕ

Н О В Ъ С Т И

ПОЛНОЕ

РАЗСКАЗЫ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. Марлинскаго.

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ IV.

Изданіе второе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Толкованіи, составленныя редакціей В. Н. П. Барановскаго.

1885.

ПОЛНОЕ

СОБРАНИЕ СОМНЕНИЙ

4. МАРТОВСКОЕ

ЧАСТЬ IV

ROBBINS

РАЗСКАЗЫ

А. Марлинскаго.

И з д а н і е т р е т і е.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ III. ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ.

1838.

РАСКИЕ

И Т О В О И

И

РАЗОЖА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ, 13 Апрѣля 1838 года.

Ценсоръ А. Никитенко

И с о б щ е н н о

РАСТР. РЕВЕРТА

САНКТПЕТЕРБУРГ.

ИЗДАНИЕ И. И. ВОИНСКОГО ВЪЗЛЕТУ И. И. ВОИНСКОГО

1838.

ЛАТНИКЪ,

разсказъ Партизанскаго офицера.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

только, чтобы не извлекать из него ничего

Цензуры Императорской

Санкт-Петербурга, 13 апреля 1838 года.

Императорское Правительственное Печатное

Мы гнались за Наполеономъ по горячимъ слѣдамъ. 22-го Ноября послалъ меня Сеславинъ очистить лѣвую сторону Виленской дороги, съ сотнею Сумскихъ гусаръ, взводомъ драгунъ Тверскаго полка, да дюжиною Донцевъ. Мѣстомъ сбора назначено было мѣстечко Ошмяны, и я, получивъ приказаніе, что дѣлать и чего не дѣлать, на рысяхъ пустился проселками. День былъ не морозенъ, но туманенъ, и порой перепархивалъ снѣжокъ: лихая пороша на звѣрей и непріятелей. Впрочемъ, и безъ нея легко можно было узнать, гдѣ прошли Французскіе отряды: взорванные ящики, брошенные повозки, павшіе кони, и,

что всего ужаснѣе, замерзшіе солдаты усталили дорогу. Мы, правда, ужъ привыкли къ подобнымъ картинамъ, и хладнокровно ѣхали мимо труповъ, распухшихъ и посинѣлыхъ отъ антонова огня, не заставляя даже усталыхъ коней своихъ черезъ нихъ перепрыгивать. На лицахъ этихъ несчастныхъ видна была тяжкая печать мучительной кончины. Я бы привелъ туда молодцевъ, которые, сидя на печкѣ, увѣряютъ, что смерть отъ мороза — сладкое усыпленіе: они увидѣли бы тамъ всю постепенность боренія съ одолевающею судьбою, бореніе судорожное, отчаянное тѣмъ болѣе, что они обнажены были товарищами заживо — чувство самохраненія заглушало тогда во всѣхъ сердцахъ голосъ состраданія, человѣчества и братства; мертвецы валялись обнаженные, и лишь снѣгъ одѣвалъ ихъ холоднымъ покрываломъ своимъ. Отсталые и, какъ видно, послѣдніе были еще не совсѣмъ раздѣты, но одежда ихъ была плоха, изорвана, ноги обернуты соломой; и такъ велика была неопытность Французовъ, что у многихъ изъ нихъ на спинахъ вѣяли бараньи шкуры сверхъ мундира, вмѣсто того, чтобъ надѣть ихъ подъ исподъ. Иные сидѣли и лежали у потухшихъ огней, съ которыми потухла въ нихъ жизнь; другіе сгорѣли полуживые, не

могши отъ истощенія отодвинуться. Всѣхъ болѣе поразилъ меня гренадеръ старой гвардіи: глядимъ — онъ стоитъ вдали, опершись о ружье, — подѣзжаемъ ближе: онъ мертвый. Густая медвѣжья шапка отъняла сдвинутыя страданіемъ брови и закатившіеся его глаза; изъ-подъ огромныхъ усовъ, на которыхъ недвижимо низался иней — сверкали стиснутые зубы. Онъ былъ раненъ въ грудь, и кровь, струившаяся на снѣгъ, замерзла на немъ клубами.

Подъ моей командою былъ прекрасный молодой человѣкъ, поручикъ Зарницкій, и волонтеръ Кравченко, полковой аудиторъ, который, видя, что въ народную войну пуживе сабли, чѣмъ перья, бросилъ артикуль и принялся разрѣшать Гордіевы узлы по-Александровски. Малый добрый, храбрый какъ пуля, за то и тяжелый какъ свинецъ, изъ котораго она вылита.

Мы всѣ трое подѣхали къ замерзшему, и съ содраганіемъ смотрѣли на его выразительное лицо. Казалось, душа его улетѣла къ милой родинѣ въ послѣднемъ взорѣ, но, улета, оставила въ чертахъ слѣды прежней гордости и отваги: движеніе губъ выражало презрѣніе боли, его побѣдившей. Онъ прижималъ къ груди товарища своихъ походовъ — неизмѣн-

ное ружье, и на этой груди видѣлись раны — свидѣтели битвъ, и крестъ Почетнаго легиона, порука храбрости, звѣзда побѣды.

— Бѣдняга, сказалъ аудиторъ: — какъ не жаль такого молодца, хоть, между нами будь сказано, и Француза: вѣдь въ любой полкъ во флигельманы годится.

— Завидная смерть! сказалъ я: онъ умеръ съ оружіемъ и стоя.

— За то, какого имени стоитъ этотъ Наполеонъ, бросая такихъ людей на жертву своему властолюбію! возразилъ поручикъ съ негодованіемъ, показывая на мертвеца и на кровавый слѣдъ его: эти кровавыя буквы приговоръ его осужденія!

— Попадись только Наполеонъ къ намъ въ когти, подхватилъ съ жаромъ нашъ коротенькій аудиторъ: я какъ разъ подведу законецъ, чтобы его, яко неимѣющаго дворянскаго званія, прогнать за побѣгъ сквозь строй шпирутеномъ, а за мятежъ весьма лишить живота!

Такъ разговаривая, приближались мы къ лѣсу. Двое самыхъ расторопныхъ казаковъ почти за версту впереди оглядывали дорогу, а нѣсколько другихъ тянулись по бокамъ и сзади отряда. Вдругъ завидѣли мы, что одинъ изъ нихъ сталъ на мѣстѣ — между тѣмъ, какъ другой началъ разводить на скаку круги шире

и шире. — Зная, что это значить, я выстроилъ людей съ права по шести.

— Сабли вонъ и стой — равняйся!

Поджидаю, что будетъ. Страхъ люблю видѣть Русскаго солдата передъ дѣломъ. Каждый, оглядывая кремень и отирая ногтемъ полку шепчетъ товарищу: слава Богу, добрались до нихъ! И потомъ съ такою непритворною набожностію крестить грудь свою, съ такою теплою вѣрою взглядываетъ на небо! И потомъ такъ гордо встряхивается въ сѣдлѣ, такъ увѣренно смотритъ изъ-подъ руки вдаль, какъ будто говоритъ: Ну, сколько васъ тамъ, бусурманы? Подавай ихъ сюда!

Синій дымокъ взвился съ пистолета передоваго казака — и долго послѣ слышали мы выстрѣлъ. Казакъ уже неся къ намъ на встрѣчу, между тѣмъ какъ товарищъ его принялся кружиться передъ опушкою, и выманилъ нѣсколько выстрѣловъ.

Непріятель оказался — впередъ!

Въ тотъ же мигъ мы выстроили взводную колонну и пошли рысью къ лѣсу.

— Много ли Французовъ, землякъ? спросилъ я у казака.

— Словно крупа сыплется — да съ ними и пушки есть, отвѣчалъ онъ.

— Тѣмъ лучше, вскричалъ поручикъ Зар-

ницкій : авось онъ стрѣльнуть въ меня Георгіевскимъ крестомъ !

Скоро мы были на полвыстрѣла отъ опушки — однако ни одна пуля не встрѣчала насъ. Это что за извѣстіе ?

Чтобы не наткнуться на засаду, я не прежде ввелъ своихъ въ лѣсъ, какъ увѣрившись, что непріятель стянулъ своихъ стрѣлковъ на дорогу. Спѣшивъ драгунъ съ примкнутыми штыками, я осѣдлалъ ее, раскинувъ по чащѣ въ обѣ стороны застрѣльщиковъ. Мы скоро нагнали отступающихъ Французовъ : отрядъ ихъ состоялъ изъ баталіона пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Жалко и страшно было смотрѣть на обезображенныхъ усталостію, морозомъ и голодомъ гренадеровъ; смѣшно бы было видѣть ихъ костюмы, если бъ мы сами не были убраны чуть не также. И у нихъ и у насъ были люди въ рясахъ, въ балахонахъ, въ женскихъ шапочкахъ — у кого нога въ лапть, у кого въ сапогъ — мой вахмистръ, лихой рубака, цѣлыхъ два мѣсяца щеголялъ въ салопъ какой-то купчихи, а я самъ былъ завернуть въ коверъ, посреди котораго прорѣзалъ мѣсто для головы. Въ столицахъ смѣялись карикатурамъ бѣгства Французовъ изъ Россіи, но походъ и бивачная

жизнь нарядили и насъ въ ихъ мундиры: пестрота была невообразимая!

Французскій отрядъ шелъ медленно — зато въ непроницаемомъ порядкѣ, и съ каждымъ разомъ, какъ мы порывались ударить на нихъ — обращался и, твердой ногой ставши, отстрѣливался. Баталіонный командиръ вился около своихъ, ободряя ихъ словомъ и примѣромъ: *allons, courage, mes enfans — montrez les dents, camarades — serrez vos rangs, halte! criblez moi d'importance ces landrins, ça tient le coeur chaud: filez, filez, vous dis-je . . . feu!* и тому подобныя приговорки лились у него рѣкой.

Всякой разъ, когда перемежался огонь, голосъ его слышался громокъ и внятенъ. Видя невозможность успѣть въ нападеніи по узкой тропинкѣ, мы слѣдовали за ними, по временамъ мѣняясь пулями и бранью, которая со временъ Гомеровыхъ есть вѣчный припѣвъ сраженій и подстреканій удалцевъ. Непріятельскія орудія, подернутыя морозомъ, скрипя и гремя цѣпами, прыгали черезъ коренья Литовскихъ сосенъ: худые кони, натужась въ упоръ, едва тащили ихъ по гололедицѣ, — рвались, скользили, падали — наконецъ мы замѣтили, что одно изъ орудій стало отставать, отставать, и Французы, видя, что ни бичемъ, ни крикомъ нельзя ободрить коней, отпрягли

ихъ, загвоздили затравку, изрубили спицы и бросили пушку на дорогъ.

— Разумѣется, что и мы сдѣлали то же. Куда намъ было возиться съ этою дрянью; въ 12-мъ году пушками хоть прудъ пруди. Мимоходомъ сказать — большая часть кавалеріи и артиллеріи Наполеоновской погибла не столько отъ недостатка въ кормахъ, какъ отъ бездѣлицы — отъ неумѣнья ковать лошадей на шипы. Бѣдняги на гладкихъ Французскихъ подковахъ оставались, какъ раки на мели, на чуть-чуть гладкой дорогъ — и мы не рѣдко ремонтировались брошенными конями, излечая ихъ гарницомъ овса и парюю цѣпкихъ подковъ.

Но лѣсъ началъ рѣдѣть: непріятель выстроилъ колонну и сдвоилъ шагъ, чтобы черезъ поле скорѣе добраться до замка, который вдали выглядывалъ изъ-за деревеньки. Я усилилъ фланкеровъ.

Казаки и гусары мои налетали на колонну, какъ ласточки на ястреба, и щипали его по перу: одни за другими падали Французы на слѣды свои — порой валился и Русскій. Мнѣ наскучили эти шутки.

Выбравъ чистое мѣсто, я развернулъ фронтъ, въ надеждѣ смять натискомъ непріятеля и захватить пушку — но онъ угадалъ меня — на

бѣгу выстроилъ каре, маскировалъ орудіе и сталъ недвижимъ. Люди у меня были сорви-голова, набзжепы лихо, оружіемъ владѣть мастера, прокопчены порохомъ до костей и такъ приметались ежедневными стычками къ нападеніямъ, что слушались слова начальни-ка пуще пули непріятельской; со всѣмъ тѣмъ атаковать опытную пѣхоту конницею — заста-вить хоть у кого прыгать ретивое. Впрочемъ фланговые и замочные унтеръ-офицеры — это нравственное основаніе строя, были у насъ въ отрядѣ — народъ отличной храбрости. Хо-дили мы въ атаку не иначе, какъ рысью, за тѣмъ, что нестись во весь опоръ за версту кончается обыкновенно тѣмъ, что строй ра-зорвется, многіе кони задохнутся, многіе по-несутъ, и лишь одна горсть отважныхъ доска-кивается до непріятельскаго фронта, и опроки-нутая, улепетывается назадъ быстрѣе натиска. Кричать ура не было заводу — за тѣмъ, что тѣ, которые режутъ прежде всѣхъ и раньше поры, — первыя осаживаютъ подъ шумокъ коней, и отъ того разстроиваютъ купность удара. На-помнивъ гусарамъ, что и какъ должны они дѣлать, я повелъ атаку ровно, смѣло. Мерзлая земля загудѣла подъ мѣрною рысью; улан-скія пики, которыми тогда вооружены были и гусары, залепетали флюгерами, и бряцанье

оружія раздалось въ осеннемъ воздухѣ — все это покрывалось изрѣдка словами: равняться, не волноваться, не заваливать плечъ! Въ непріятельскомъ фронтѣ была смертная тишина, мы близились быстро; можно ужъ было различать блѣдныя лица и сверкающіе надъ стволами глаза гренадеровъ подъ наклоненными ихъ шапками. Въ стѣ шагахъ я скомандовалъ маршъ-маршъ, и съ поднятою саблею кинулся на рогатку штыковъ — въ то же мгновение, за крикомъ: feu! грянулъ пушечный выстрѣлъ, картечи запрыгали около, и густой батальный огонь покатился вдоль фасовъ — онъ развѣялъ нашъ фронтъ, какъ пухъ. Кони смѣшались, на раненыхъ спотыкались здоровые, мы принуждены были обратиться назадъ. Картечь и штыки, нестерпимыя вещи для лошадиной натуры. Три раза еще порывались мы пробить каре, и три раза были отбиты. Я грызъ зубы. Поручикъ бѣсновался по дѣлать было нечего. Пришлось, сберегая людей, ограничиться перестрѣлкою, ожидая удобнѣйшаго мѣстоположенія или времени. Завязать дѣло было необходимою, чтобы развлечь вниманіе непріятельскаго корпуса. Пускай себѣ думаютъ, что мы, обманувшись, преслѣдуемъ Наполеона проселками — между

тѣмъ, какъ наши летучіе отряды катились у него на шпорахъ.

Такъ догнали мы храбрыхъ своихъ враговъ до небольшой деревеньки при замкѣ Треполь. Между тѣмъ люди и кони мои изнурились давнимъ палетомъ, какъ нельзя болѣе — надобно было освѣжить тѣхъ и другихъ, а въ полѣ ни стога сѣна, въ саквахъ ни крошки сухарей: волей и неволей приходилось добыть себѣ хлѣбъ насущный и почлегъ въ деревнѣ, прогнавъ изъ нея непріятеля. На Русскаго солдата всего сильнѣе дѣйствуетъ такая логика, и когда я объявилъ имъ, въ чѣмъ дѣло, — они съ жаромъ кинулись выбивать Французовъ изъ засады. Впереди шли драгуны въ штыки: гусары съ карабинами подкрѣпляли ихъ — казаки зажигали дома съ боковъ — это подѣйствовало: мы потѣснили ихъ до самаго замка — ворвались во дворъ, и наконецъ они заняли только самый корпусъ дома панскаго, и въ немъ отстрѣливались тѣмъ отчаяннѣе, тѣмъ безопаснѣе, что взвезли на подѣздъ свое орудіе, и очищали имъ весь дворъ, сквозь огромныя двери сѣней. Съ другихъ сторонъ окна были высоко отъ земли, и потому самою выгодною точкою нападенія оставалось — орудіе, во-первыхъ потому что къ нему, и мимо его въ домъ можно было вбѣ-

жать по подъѣзду, — а въ окна подъ ружейнымъ огнемъ — плохая дорога; во-вторыхъ, проникнувъ въ средину, мы бы разрѣзали осажденных на двѣ половины, и слѣдственно могли гораздо легче съ ними управиться. Чего долго думать.

— Ребята, впередъ, ура, въ штыки, въ дротики! — За мной! закричалъ мой поручикъ, и бросился на пушку съ охотниками — выстрѣлъ сверкнулъ — и нашихъ обдало какъ варомъ. Зарницкій упалъ со стономъ, и солдаты отступили въ безпорядкѣ. Я былъ впереди, кричалъ, сердился, приказывалъ, грозилъ — все даромъ: люди мои будто ничего не слышали, перестрѣливаясь издали, медленно, лѣниво — я кипѣлъ негодованіемъ и досадой.

Вдругъ, видимъ мы, несется къ намъ на рыжемъ конѣ, всадникъ, въ черныхъ латахъ, въ блестящей каскѣ; изъ-подъ заброшенной за спину шинели сверкалъ штабъ-офицерскій эполетъ. Прискакавъ подъ выстрѣлъ, онъ спрыгнулъ съ коня и обнажилъ палашъ свой. Впередъ, впередъ! крикнулъ онъ: сомкни ряды; г. ротмистръ, вы должны непременно взять этотъ замокъ! Ребята! вы Русскіе, — вамъ стыдно отступать, за мной, товарищи; я вамъ начальникъ: смерть тому, кто отстанетъ — на

руку, ура! Съ этимъ словомъ онъ кинулся къ стѣнѣ, не оглядываясь назадъ, какъ будто увѣренный, что магическій примѣръ его увлечетъ всѣхъ за собою. И въ самомъ дѣлѣ, неожиданное появленіе этого латника, его колоссальныя формы, его безстрашная осанка, его повелительный голосъ — показались солдатамъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ; они ожили, по-сильнѣли. Ура! раздалось въ отвѣтъ на призывъ латника, на усиленный огонь Французовъ, и всѣ мы кинулись къ подъѣзду, вынося другъ друга на плечахъ; выстрѣлъ — картечь черезъ головы — пошла рѣзня рукопашная. Мы ворвались въ комнаты, и дѣло рѣшилось. Кирасиръ рубилъ безъ пощады; каждый взмахъ его падалъ смертию — онъ разсѣкъ голову Французскому баталіонному командиру, едва тотъ успѣлъ запалить затравку — и несчастный упалъ въ крови черезъ лафетъ; солдаты мои остервенились потерей многихъ товарищей, и съ ожесточеніемъ ко-доли всѣхъ Французовъ и вооруженныхъ шляхтичей, упорно противъ насъ защищавшихся.

Картина была ужасная!

Пороховой дымъ густыми облаками ходилъ по заламъ: кровь, смѣшанная съ разсыпаннымъ порохомъ, залила паркетъ, на которомъ лежали, между множествомъ труповъ, украше-

ніа потолка, обрушенныа отъ выстрѣловъ. Разъяренныа побѣдители ломали мебели, били стекла и зеркала, обдирали обои, наконецъ, вызванныа изъ замка для фуражировки, добычи, гораздо для нихъ нужнѣйшей самаго золота, они разсыпались по деревнѣ, и въ замкѣ все утихло. Воображать себѣ, что солдаты въ военное время такъ смирны, какъ это пишется — надо быть или очень легковѣрну, или вовсе слѣпу: общая опасность уравниваетъ больше или меньше всѣ чины, а необходимость заставляетъ глядѣть сквозь пальцы на нѣкоторыа своевольства. Такъ идетъ въ строю; въ летучемъ же партизанскомъ отрядѣ, котораго главная цѣль есть вредить непріятелю всякими средствами, вести, такъ сказать, разбойничью войну — еще болѣе случаевъ пограбить за глазами начальниковъ. Слѣдуя правилу своему, расхищать, что могутъ найти, истреблять, чего нельзя унести, чтобы врагу не досталось ни синяго пороха — ни соломенки на кровлю, ни прутика для огня, мои молодцы съ особенною ловкостію пустились шарить и шныхарить. Взявъ всѣ предосторожности отъ внезапностей, я велѣлъ караульнымъ разложить въ одной изъ комнатъ, менѣе другихъ пострадавшихъ, — огонь въ каминѣ — и перенесъ туда оконтуженнаго по-

ручика. Онъ кряхтѣлъ и бранился, между тѣмъ какъ фельдшеръ натиралъ ему больной бокъ спиртомъ. Я, усталый, лежалъ передъ огонькомъ на гусарскихъ плащахъ. Въ окно свѣтило зарево пожара, и отъ времени до времени слышались въ селеніи пистолетные выстрѣлы.

— Проклятая пушка! приговаривалъ охая Зарницкій при каждомъ разѣ, когда фельдшеръ касался до контуженнаго мѣста: она словно кладъ не давалась мнѣ въ руки. Подъ Краснымъ, Французская сабля мнѣ хотя прорѣзала на груди петлицу, да по крайней мѣрѣ я вдѣлъ въ нее Владиміра съ бантомъ, а эта упрямица отбоярилась отъ меня однимъ чугуннымъ поцѣлуемъ. Охъ, проклятая пушка!

— Утѣшься, Зарницкій, — она не ушла отъ насъ! сказалъ я.

— Да не пойдетъ и съ нами. Дорога еще не окрѣпла, кони истощены, и колеса будутъ рѣзать за ступицы. Она свяжетъ насъ по рукамъ и по ногамъ; при летучемъ отрядѣ не впору ползти этому мѣдному тюленю.

— О перевозкѣ не заботься — я ужъ велѣлъ положить ее на розвальни, и тебя жалую начальникомъ всей нашей зимней артиллеріи.

— Эта зимняя артиллерія нагрѣла мнѣ бокъ не хуже Петровокъ; да скажи, пожалуй, куда

дѣвался этотъ кирасирскій великанъ, который выхватилъ у меня пушку изъ-подъ носу? Когда я очнулся, то въ облакахъ сѣрнаго дыма, онъ, въ бѣломъ мундирѣ и въ латахъ своихъ, показался мнѣ за привидѣніе. Нечего сказать, удалецъ — онъ крошилъ палашемъ своимъ, какъ будто въ кулакъ у него сидѣлъ цѣлый легіонъ чертей, и метался въ схваткѣ, будто на немъ надѣта была заговоренная кожа Ахиллеса. Не убить ли, не раненъ ли онъ?

— Не знаю. Видѣлъ его я до самаго конца дѣла — въ запальчивости онъ истреблялъ встрѣчнаго и поперечнаго; не было пощады даже тѣмъ, которые просили пардону. Кровь струей бѣжала съ его клинка съ особенною, какою-то дикою радостью рубилъ онъ вооруженныхъ враговъ, и всякой разъ, когда человѣкъ падалъ трупомъ къ ногамъ его, онъ, вглядываясь въ лице, восклицалъ: это не онъ! все еще не онъ! и спѣшилъ далѣе. Мнѣ сказывали — увязавшись за кѣмъ-то въ погоню, онъ исчезъ въ потемкахъ... можетъ статься, гдѣ нибудь и застрѣлили его... Я велѣлъ всюду его искать, но до сихъ поръ еще не нашли латника.

— Нашли, нашли! кричалъ вбѣгая, запыхавшись, нашъ кубическій аудиторъ. Ура! наша взяла! Миръ Россіи, слава и честь ауди-

тору 12 класса Кравченкѣ; поздравьте меня, обнимите меня, расцѣлуйте меня въ лепестки... Уфъ!... я не могу болѣе...

При этомъ онъ упалъ въ кресла и, пыхтя, съ гордымъ видомъ поглядывалъ на насъ съ висока. Мы съ улыбкою взглянулись, желая найти на лицѣ другаго разгадку этимъ междоуметіямъ.

— Теперь мое имя будетъ сіять не въ однихъ скрѣпахъ шнуровыхъ книгъ — оно загремитъ въ реляціяхъ, въ газетахъ, въ исторіяхъ! продолжалъ Кравченко, собравшись съ духомъ... да, да, въ исторіяхъ!

— По крайней мѣрѣ въ какой нибудь комедіи, сказалъ поручикъ, слѣдя глазами аудитора, который въ припадкѣ самодовольствія вертѣлся и прыгалъ по комнатѣ, словно кубарь.

— Чиновъ, крестовъ, пенсіоновъ — бери, не хочу! Да то ли еще? на меня сбѣгутся смотрѣть старъ и малъ, когда я приѣду въ Петербургъ, какъ на моржа, который въ кадкѣ играеть на гитарѣ. Меня на перехватъ будутъ звать вельможи на обѣды, а про мѣста и говорить нечего — хоть въ министры юстиціи — впрочемъ, господа, я и въ счастіи не позабуду васъ... вы, пожалуйста, обращайтесь ко мнѣ по-дружески, если припадетъ нужда — для ко-

го же и не послужить въ случаѣ, когда не для старыхъ пріятелей? — Кстати, г-да — вы будете моими дружками, когда я женюсь на дочери Платова! . . .

Мы долго смотрѣли серьезно на его проказы, какъ онъ, подымаясь на цыпочки, воображалъ, что задѣваетъ носомъ за облака; мы долго слушали его нелѣпости — но при последнемъ восклицаніи хоть и увѣрились, что онъ ряхнулся — но никакъ не могли удержаться отъ смѣха — такъ забавенъ былъ нашъ маленькій человѣчекъ. Въ свою очередь и онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на насъ изъ широкихъ креселъ, какъ сытый котъ изъ слуховаго окна: онъ не постигалъ чему хохочемъ мы, схватясь за бока.

— Не проглотилъ ли ты, любезный Лука Андронычъ, чертенка вмѣсто мухи? спросилъ поручикъ.

— Не опоили ли тебя Французы дурманомъ? сказалъ я.

— Или не хочешь ли ты прикинуться сумасшедшимъ, чтобы поправить прежнюю репутацію своего разсудка? — авось скажутъ, коли сошелъ съ ума, вѣрно было съ чего, подхватилъ Зарницкій.

— Не худо бы вамъ успокоиться, примол-

вилъ я: отъ бессонницы долго ли приключиться бѣлой горячкѣ?

— Совѣтовалъ бы я вамъ пустить себѣ самимъ рожечную кровь, отвѣчалъ Кравченко... Экая невидаль — дочь Платова! Да чѣмъ бы я не зять атаману? Вѣдь онъ самъ объявилъ всѣмъ и каждому циркулярно, что кто захватитъ Наполеона, за того онъ отдастъ дочь свою, будь онъ простой казакъ, не только аудиторъ 12 класса, представленный къ полученію Анны на шпагу! Развѣ не слыхали вы этой новости? *

— А вы, небось, ей повѣрили? Знайте же, г-нъ аудиторъ 12 класса, представленный къ полученію Анны на шпагу и проч. и проч. и проч., что у Платова нѣтъ дочери невѣсты, что онъ никогда не думалъ и не гадалъ объявлять подобнаго предложенія. Но если бѣ даже, по шучьему вѣльню, а по вашему хотѣнью, у него и была дочь, если бѣ даже нелѣпая доттерея эта была въ самомъ дѣлѣ вещь

* Кто не помнитъ этого слуха во время отечественной войны? Это была выдумка, но выдумка, характеризующая духъ народный: она объяла всю Европу. Я видѣлъ Англійскую картину, изображающую прекрасную казачку съ надписью: Miss Platoff, и внизу: I join my heart to my fathers will, т. е. придаю сердце къ волѣ отеческой.

сбыточная — я все таки не вижу, почему бы нашъ Лука Андроновичъ могъ имѣть право на ея руку?

— Не только на ея руку, ротмистръ, на ея обѣ руки, на нее всю съ головы до ногъ, съ душою и сердцемъ и съ богатымъ приданнымъ барыша. Да неужели я до сихъ поръ не объявилъ вамъ о славномъ моемъ подвигѣ, о счастливой находкѣ своей? Тамъ, въ темномъ подвалѣ, въ самой трущобѣ, между хламомъ и ломаною мебелью — знаете ли, какой кладъ открылъ я?

— Вѣрно боченокъ съ водкою или свиной окорокъ, хладнокровно отвѣчалъ поручикъ. Я не знаю, что бы иначе могло до такой степени переболтать всѣ параграфы умственного артикула въ головѣ нашей полевой юстиціи!

— О зависть, зависть! вскричалъ Кравченко, поднимая свои телячьи глаза къ потолку. Едва успѣлъ я отличиться, меня заранѣ хотятъ унижить насмѣшками, отбить славу клеветою. Пусть! Развѣ не всѣ великіе люди имѣли такую же участь — да хотя бы и не всѣ? . . . я тѣмъ не менѣе свершилъ дѣло знаменитое, и завѣрилъ его законными и уважительными свидѣтельствами — теперь никто въ свѣтѣ не оспорить, что я этими руками взялъ въ плѣнъ Наполеона!

— Наполеона? вскричалъ поручикъ, вскакивая со стула невольно — Наполеона, который уже два раза ускользнулъ у насъ между пальцевъ, вы сударь, — ты Кравченко — взялъ Наполеона?

— Я, сударь, я самъ взялъ Наполеона съ мясомъ и съ костями! говорю я вамъ... Неужто я не знаю его покляпаго носа, его зеленыхъ глазъ, его синяго мундира и шляпы корабликомъ? Развѣ не двадцать разъ видѣлъ я его — во снѣ и на карикатурѣ! Да вотъ онъ и самъ — лукавый легокъ на поминѣ.

Мы оба очень мало вѣрили проницательности аудитора, еще меньше возможности захватить на этой дорогѣ Бонапарта; но достигъ его было самою мѣткою мечтою, самымъ пылкимъ желаніемъ, такъ сказать осяю помѣшательства — и въ этотъ разъ, по обыкновенной всѣмъ людямъ слабости къ вѣстямъ самымъ несбыточнымъ, впали въ раздумье. — Чѣмъ чортъ не шутить! ворчалъ поручикъ. Легко статься можетъ, что Наполеонъ нарочно кипулся проселками, обманывая погоню! можетъ истребленный батальонъ былъ его конвоемъ!.. Изъ чего бы иначе имъ такъ упорно было драться! Въ такихъ мысляхъ бросились мы къ дверямъ, въ которыя входила толпа нашихъ наѣздниковъ съ плѣннымъ посреди.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! шумѣли гусары. Они ужъ вспрыснули побѣду некупленною водкою, и были, что называется, навеселѣ, и еще болѣе расхарахорились отъ увѣреній аудитора. Я первый увидалъ его, ваше благородіе! сказалъ, выступя впередъ, рослый драгунъ. Я первый нашелъ его! восклицалъ другой, пристукивая каблукомъ, чтобъ его не забыли, такъ мочно, что съ потолка падала известъ. — Я первый схватилъ его! увѣрялъ казакъ... Я вытащилъ, я держалъ за руку, за ногу, за шею! кричали другіе... Безъ насъ онъ бы далъ стречка, вопіяли третьи. — Я велѣлъ всѣмъ молчать.

— Подведите-ка плѣнника ближе къ огню.

— Бросьте въ огонь — только дайте мнѣ росписку, что получили отъ меня Наполеона въ цѣлости, ворчалъ аудиторъ сквозь зубы.

Плѣнникъ приблизился — и мы съ жадностію, почти съ трепетаніемъ страха и надежды, устремили на него глаза: передъ нами стоялъ тамбуръ-мажоръ какого-то егерскаго Французскаго полка, съ преглуною и вмѣстѣ съ прежалкою рожею; общипанный мундиръ съ полинявшими галунами, треугольная шляпенка на головѣ, и на ногахъ, вмѣсто сапоговъ, Русскія рукавицы — вотъ, въ какомъ видѣ представился намъ двойникъ всемірнаго завое-

вателя. Надобно къ этому прибавить, что, избѣгнувъ побоища, онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, исключая носа, изъ котораго и самъ страхъ не могъ выжать виннаго румянца. Онъ трепеталъ всѣмъ тѣломъ — потому что солдаты въ жару патріотизма, провожали барабаннаго императора, кажется, не одиѣми угрозами.

Мы покатались со смѣху. Аудиторъ между тѣмъ, выставя одну ногу впередъ, и водичуть не по лицу плѣнника указательнымъ пальцемъ, началъ разбирать его по частямъ.

— Видите ли вы этотъ желтый, пергаменный лобъ, на которомъ написаны его сатанинскіе замыслы? видите ли этотъ ястребинный носъ, который за тысячу верстъ чуетъ добычу? видите ли зеленые, какъ у змѣя, глаза, которыми онъ на яву морочитъ человека, эти коротенькія руки съ длинными когтями, это крутое брюхо, которое было несыто, — проглотивъ цѣликомъ Европу? . . . Видите ли, что у него на лицѣ написано, число 666, онъ же есть Антихристъ, сирѣчь Аполіонъ, то есть, Наполеонъ Бонапартъ?

— Прокатись-ка верхомъ, любезный Лука Андроновичъ, на этомъ плѣнникѣ — ты будешь — точно грѣхъ на звѣрѣ Апокалипсиса!

— Не подь сѣдло, а подь позѣ Русскихъ

надо низвергнуть этого сопостата. Зачѣмъ ты навалился на Русь съ двадесатью языкъ? Говори, отвѣчай! не заминайся! вскричалъ аудиторъ: признайся . . . кто у тебя были на Руси сообщники?

Бѣдняга тамбуръ-мажоръ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, и дрожалъ словно осиновый листъ, видя, какъ пѣтушится около него аудиторъ, котораго безъ сомнѣнія онъ считалъ по крайней мѣрѣ главнымъ начальникомъ отряда. »*Mon capitaine, mon colonel, mon général*« твердилъ онъ ему при каждомъ словѣ, прося пощады; но тотъ не хотѣлъ принимать отъ Корсиканскаго выходца ни даже маршальскаго достоинства. Наконецъ намъ стало жаль этого копѣечнаго Наполеона — и я, попрося нашего героя успокоиться — сказалъ ему, что онъ очень ошибся въ своемъ призвѣ — что это ни больше, ни меньше, какъ Французскій тамбуръ-мажоръ, т. е. почти барабанный староста.

— Хитрости, притворство, лицемѣріе! воскликнулъ нашъ аудиторъ: вотъ еще новости — тамбуръ-мажоръ! По барабану этого старосты плясала вся Европа — такъ пускай теперь спляшетъ по нашей дудкѣ. Какъ ты ни зовись, мусье Наполеонъ, чѣмъ ты ни прикидывайся, а не миновать тебѣ желѣзной клѣтки, какъ Пугачеву: будешь въ птичьемъ ряду

въ Москвѣ на потѣху ребятишкамъ! Вы, г-нъ ротмистръ, какъ я усматриваю, хотите измѣнить отечеству и отпустить этого Антихриста — такъ знайте, что если это сбудется, я донесу обо всемъ высшему начальству. Будьте увѣрены, я возьму свое . . . ни пенсія, ни приданое не ускользнуть отъ моихъ рукъ!

Я вовсе не былъ расположенъ сердиться, и потому очень скромно, однако жъ твердо сказалъ ему, чтобы онъ не вмѣшивался въ мои распоряженія; что если мнѣ дана власть, то само собой разумѣется, возложена за нее и отвѣтственность, только не передъ нимъ; что по окончаніи наѣзда, онъ можетъ доносить, что угодно и кому угодно, но когда будетъ писать объ этомъ приключеніи — то не худо бы прибавить туда статью: что онъ, г-нъ аудиторъ 12 класса, представленный къ ордену св. Анны 3-й степени, былъ не въ полномъ разумѣ.

— Эта статья будетъ излишня, замѣтилъ поручикъ, пуская ему подъ носъ клубы дыму: и безъ нея никто въ этомъ не усомнится. Впрочемъ, я не знаю, любезный ротмистръ, почему бы не послать въ главную квартиру Луку Андроновича курьеромъ вмѣстѣ съ этимъ Наполеономъ — они развеселили бы всю армию на цѣлую недѣлю.

Аудиторъ принялъ это за чистыя деньги, и вытянулся, какъ фельдъегерь, готовый получить подорожную. Но я въ такомъ же тонѣ возразилъ, что, по недостатку въ нашемъ отрядѣ хлѣба и водки, для насъ самихъ необходимо подобное ободреніе. Я велѣлъ между прочимъ стеречь этого плѣнника, да осмотрѣть его.

— И всеконечно осмотрѣть! вскричалъ аудиторъ: говорятъ, сопостать завсегда носить въ перстиѣ ядъ. Умри онъ — такъ и поминай какъ звали дочь Платова, неvěсту мою.

— Разумѣется, осмотрѣть, примолвилъ намѣшливо поручикъ: того и гляди, что у него носъ заряженъ картечью — сохрани Боже, чихнетъ, такъ и жениху не уйти.

— Мы ужъ и то обшарили его до самой кожи, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ гусаръ: да ничего не нашли въ карманахъ, кромѣ двухъ накрахмаленныхъ воротниковъ и фабричной щеточки!

Разсерженный аудиторъ усѣлся въ углу, что-то ворча про себя. Плѣнника увели очень довольнаго, что избѣгнулъ побоища по счастливой ошибкѣ. Мы съ поручикомъ усѣлись у огня. Не прошло пяти минутъ, къ намъ опять тащить другаго плѣнника: казаки, которые чуютъ золото лучше всякаго горнаго о-

ѣцера, то пробуя шомполомъ стѣны и полъ на звукъ, то наливая воду на землю, чтобы угадать по тому, скоро или медленно она всасывается ее — не взрыта ли она недавно, то перерывая даже золу въ печкахъ — казаки, говорю, вытащили съ чердака эконома замка, предобраго старика. Ободривъ его ласковыми словами, мы отъ нечего дѣлать принялись его спрашивать, чей это замокъ, и то и се, и пятое, и десятое. Вотъ вамъ въ короткѣ, что рассказывалъ дворецкій.

— Помѣстье Треполь родовое князей Глинскихъ. Послѣдній изъ нихъ, Наримунтъ Глинскій, мой добрый старый господинъ — помани Богъ душу его, имѣлъ дочь Фелицію панну, такую красавицу — что заглядѣнье. Жениховъ около нея вилось, словно пчелъ около майскаго розана, только она отъ нихъ отшучивалась, видно мила ей казалась воля дѣвическая. Въ околоткѣ, года за три до этого, расположена была Русская артиллерійская рота . . . Ею командовалъ капитанъ . . . дай Богъ памяти, имя такое мудреное, что нейдетъ ни въ умъ, ни изъ памяти. Собою былъ онъ человекъ рослый, видный — молодецъ лицомъ и поступью, а ужъ сердцемъ, да обычаемъ, такъ что твоя красная дѣвушка! онъ стоялъ

въ замкѣ . . . съ панной Фелиціей бывалъ съ утра до поздняго вечера . . . Молодежь-то крѣпко полюбилась другъ другу, да и самъ князь былъ не прочь сыграть свадьбу, благословить дочь за капитана: онъ страхъ любилъ Русскихъ: все бывало говаривалъ, что онъ самъ Русской крови. Вотъ ужъ дѣло пошло и на ладахъ. Капитанъ былъ повѣщенъ женихомъ панны Фелиціи: онъ и она были чуть не въ небѣ отъ радости; да и вся дворня и хлопы, не то что сосѣди, не нарадовались, что у нихъ будутъ такіе добрые господа. На бѣду ли, на грѣхъ, передъ самымъ шлюбомъ (свадьбою) пишетъ мать капитану, что она больна и хотѣла бы благословить его своей рукою, на совѣтную жизнь и на всякое счастье... Капитанъ свернулся мигомъ въ дорогу . . . слезъ-то, слезъ было на растаньяхъ, что не приведи Господи — индо вчужѣ сердце разрывалось. Панна Фелиція упала въ обморокъ, когда онъ сѣлъ на коня — вѣтеръ замелъ слѣды его на песокъ — Богъ не судилъ жениху воротиться. Здѣсь жилъ то же дальній родственникъ старому князю, грабе Остроленскій. Лицемъ, нечего сказать, красавецъ — за то душею व्यюнъ; онъ опуталъ старика сѣтью шелковою, да и къ жениху подналъ онъ такимъ другомъ — что ни тотъ, ни другой не пили, не ѣли безъ

него. Промежду тѣмъ онъ изъ подтишка больно зарился на панну Фелицію, и спряталъ въ сердцѣ досаду, когда капитанъ оторвалъ у него отъ губъ подвѣнечную чару. Чуть уѣхалъ капитанъ, грабе сталъ разсыпаться мелкимъ бѣсомъ пуще прежняго: улещаетъ старика, плачетъ словно отъ луку съ невѣстою. Ужъ не вѣдаю, какъ это случилось, только мы стали получать отъ капитана письма день ото дня рѣже, и съ часу на часъ холодѣлъ къ нему старый князь Наримунтъ. Вѣстимо, панове, дѣло заглазное; оправдать его было некому, а наговоривать на далекаго нашлись добрые люди. Грабе, какъ жаба, лежалъ у старика на ухѣ. Вотъ и совсѣмъ перепала вѣсть о жепихѣ; мѣсяца съ четыре ни слуху, ни духу, ни загадочки. Панна Фелиція не осушала очей на солнышкѣ: сидитъ, бывало, въ своей комнатѣ подъ окномъ, глядитъ на дороженьку, да горюетъ бѣдняга. Привозитъ однажды ѣздовой изъ города почту. Господа въ то время сидѣли за столомъ тихо, печально, словно на похоронахъ. Только панъ грабе шутилъ и смѣялся, чтобы развеселить гостей. — Подалъ ѣздовой князю связку писемъ — наверху одно съ черною печатью. Открылъ князь, прочелъ его, и молча, передалъ дочери... Не успѣла та заглянуть въ него — вдругъ по-

блѣднѣла, какъ платокъ: то была страшная вѣсточка для невѣсты — женихъ ея умеръ.

— Время текло у насъ тише воды; въ гостиныхъ было, какъ на кладбищѣ. Не прошло полугода — слышимъ: объявляютъ, что папъ грабе Остроленскій женится на нашей ксенжничкѣ (княжнѣ)! У дѣвушекъ коротка память, папна Фелиція однако жъ не забыла прежняго милаго: ее принудили выбрать другаго. Отецъ твердилъ то и дѣло: я не проживу долго; дай себя увидѣть не сиротою; выйди, да выйди за мужъ за грабія: надо было потѣшить отца на старости лѣтъ. У насъ отпраздновали свадьбу. Нечего и говорить, что всего было вдоволь, всего кромѣ радости — про любовь ни помину. Не прошло мѣсяца, все оборотилось у насъ вверхъ дномъ. Пану грабе нужно было не сердце, а приданое Фелиціи. Старикъ отдалъ ему полную волю въ домѣ и въ имѣньѣ, да и сталъ у себя первымъ невольникомъ. Никому не стало житья отъ новаго господина. Онъ сбилъ со двора даже старыхъ собакъ, не то что покоевцевъ и ловчихъ. А ужъ глядѣть на нашу милую пани Фелицію — такъ сердце кровью заливается: что-то, чего она не перенесла отъ злости мужа! Попреками, да укорами отравлялъ онъ ей каждую ложку за обѣдомъ, и

наконецъ до того мучилъ ее, что заставилъ принимать къ себѣ свою отъявленную любовницу — настоящую змѣю подколенную, которая, бывало, спить и видеть, какъ бы огорчить нашу голубку своею наглостью. Бѣдная графиня сохла, какъ былинка на камнѣ, таяла, какъ свѣча воску яраго — плакала передъ однимъ Паномъ-Богомъ, и молчала передъ добрыми людьми. Правду сказать, добрые люди скоро покинули замокъ нашъ — ворота заросли травою и двери въ столовой приржавѣли къ петлямъ — Богъ снялъ свое благословеніе съ маіоптка княжаго послѣ смерти старика Наримунта. То дождь вытопить луга, то градъ побьетъ хлѣба, то звѣрь попортить стадо; а карты, эта бѣсовская грамота, разсыпали по чужимъ карманамъ дѣдовское серебро и золото. Напировавшись со своими панибратами до сыта, графъ сталъ уѣзжать, Богъ вѣсть куда. Настала осень: желтый листъ засыпалъ дорожки сада — однако барыня, не глядя на вѣтеръ, бродила по немъ будто на прощанье съ Божьимъ свѣтомъ. Въ одинъ день въ сумерки (тутъ дворецкій оглянулся во всѣ стороны, и увѣрясь, что его никто не подслушиваетъ — перекрестился — и, понизивъ голосъ, продолжалъ) — это рассказывалъ мнѣ покоевецъ, который завсегда издали ходилъ за нею . . .

Въ одинъ день въ сумерки, она возвращалась тихими шагами въ замокъ — печальна, блѣдна, потупивъ голову . . . какъ вдругъ передъ ней сталъ всадникъ на вороной, какъ воронье крыло, лошади Покоевецъ присягалъ на свою душу, что всѣ двери сада были заперты накрѣпко, и что онъ не слыхалъ ни топоту, ни ржанія конскаго — онъ явился какъ тѣнь, спрыгнулъ долой и схватилъ графиню за руку. Между тѣмъ, какъ перепуганный покоевецъ стоялъ какъ вкопанный, — всадникъ что-то тихо и долго говорилъ съ нею что-то похожее на поцѣлуй раздалось въ потьмахъ — и вдругъ графиня застонала пронзительно когда слуга подбѣжалъ къ ней, чернаго всадника ужъ не было! На утро не нашли даже конскихъ слѣдовъ по дорожкамъ сада. Спрашивать о томъ графиню никто не смѣлъ; сама она молчала. Когда ей послѣ этого испуга предложили лакарства, она отвѣчала, что все напрасно что она знаетъ навѣрное часъ своей смерти, и что едва прорѣжется рогъ у новаго мѣсяца, ея не станетъ. Съ той поры въ каждую пятницу сиживала она по вечерамъ въ этой самой комнатѣ, одна одиныхопька съ своею собачкою, до поздней ночи, безъ свѣчекъ и словно съ кѣмъ разговариваетъ. Здоровье ея стало на закатъ, часъ отъ часу

плоше: похудѣла хоть насквозь гляди, и вотъ на ущербъ мѣсяца ей стало очень трудно — а все еще на ногахъ бродила. Въ четвертую пятницу она опять пришла сюда сидѣть у этого окошка и глядѣть на поле, покрытое снѣгомъ. Было ужъ 11 ночи . . . Вдругъ всѣ ея ближніе слышали: кто-то сходить тяжелой стопой на лѣстницу. Что за диво! наружныя двери я самъ заперъ крѣпко на крѣпко. Слушаемъ: чудится, будто графиня съ кѣмъ-то разговариваетъ . . . тише, тише, тише — все утихло. Со страхомъ вбѣжали въ комнату ея панны: глядь, графиня лежитъ на софѣ въ обморокъ . . . На завтра по утру пріѣхалъ грабе изъ Вильны, и въ слѣдующую ночь — когда блеснулъ ноготокъ молодаго мѣсяца — она скончалась. Радость, которую нашъ панъ не хотѣлъ и скрывать . . . мучительная кончина графини такъ скоро послѣ его пріѣзда и синія пятна, проступившія на лицѣ покойницы — все это, панове, свело на него подозрѣнье, будто графиня умерла отъ яду. И то сказать: кого не любятъ за дѣло, на того сплетаютъ и небылицы . . . Богъ судья, правда ли это; осудитель Богъ, если это правда! Только графъ, едва переждавши три мѣсяца послѣ похоронъ, женился на прежней своей любовницѣ. Сказывали, что на

кладбищѣ у кляштора, гдѣ положена графиня Фелиція, три раза послѣ того являлся черный всадникъ, невѣдомо откуда, скрывался невѣдомо куда. Такъ прошло два года. Грабе нашъ, схоронивъ съ первой женою совѣсть послѣднюю, разорилъ крестьянъ, измучилъ всѣхъ насъ и наконецъ отослалъ въ землю и вторую жену. Послѣ этого, слава пану Богу, онъ уѣхалъ служить во Францію, и съ тѣхъ поръ мы не видали его до вчерашняго дня: онъ воротился бѣглецомъ изъ Москвы, какъ разъ возмутилъ всю околицу, скликалъ шляхту, вооружилъ неволею слугъ и хлоповъ своихъ, чтобы драться противъ Русскихъ, до смерти: ему вѣстимо не жить въ родинѣ — имѣнья и добраго имени не выкупить изъ чернаго долга. Вы видѣли, что онъ рубился на пропалюю. Однако жъ у него въ саду заготовлена была лошадь для побѣгу, и наши сказывали, что панъ ускакалъ, когда увидѣлъ бѣду неминуемую. Дай панъ Богъ, чтобы онъ никогда къ намъ не ворочался!

Старикъ кончилъ. Я успокоилъ и выслалъ его.

Аудиторъ спалъ въ углу, сидя, мертвымъ сномъ; поручикъ сидѣлъ въ глубокой думѣ передъ каминомъ. Простой рассказъ дворецкаго насъ тронулъ обоихъ. — Какъ неспра-

ведливо жалуются писатели, будто мы живемъ не въ романическомъ вѣкѣ! сказалъ я. Пусть заглянуть въ деревни, въ маленькіе городки, гдѣ еще не истерлась характерность и особенность съ лицъ, и они найдутъ неисчерпаемый источникъ, ключъ прямо Русскій, самородный, безъ примѣси. Притомъ, покуда существуютъ страсти и слабости, развиваемыя обстоятельствами или связанныя узами приличія, человѣкъ всегда будетъ любопытенъ, занимателенъ для человѣка; — каждый вѣкъ только обновляетъ новыми образами сердце. Я увѣренъ, что, перебравши тайныя преданія каждаго семейства, въ каждомъ можно найти множество разнообразныхъ происшествій и случаевъ необыкновенныхъ. Сколько ужасовъ схоронено въ архивной пыли судебныхъ лѣтописей! — но во сто разъ болѣе таится ихъ въ самомъ блестящемъ обществѣ! Я зналъ многихъ, которые подписывали чуть не смертные приговоры съ гордымъ лицомъ, на которомъ бы должно лежать заслуженное клеймо отверженія; я зналъ людей, которые громко вошіяли противъ порока, и не заглушили тѣмъ голоса сознанія въ собственныхъ злодѣяніяхъ!! Но оставя умышенное, сколько еще остается случаевъ отъ невѣдѣнія, отъ неопытности, отъ заблужденія!

Зарницкій молчалъ.

Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ мы привыкли называть мечтателями: отъ самой шумной веселости, отъ самаго насмѣшливаго разговора отпадалъ онъ вдругъ въ глубокую думу, въ грусть неразвлекаемую, и тогда вы бы сказали, глядя на его неподвижныя очи, что предъ вами одинъ трупъ его, а душа улетѣла. Въ другое время напротивъ, вы бы могли видѣть на лицѣ его всю игру мыслей, какъ работу пчелъ въ стекляномъ ульѣ. Въ этотъ разъ онъ будто пробѣгалъ даль: то словно самъ чего-то бѣжалъ съ робостію, то улыбался младенчески.

— Другъ! сказалъ я, тихонько ударивъ его по плечу: вѣрно душа твоя была теперь въ домовомъ отпуску?

— Правда, отвѣчалъ онъ, очнувшись: тишина и сумерки стелютъ моему воображенію мостъ на родину. Разсказъ этого старика освѣжилъ во мнѣ многія картины изъ моего младенчества, изъ моей юности. Но всего болѣе эта унылая пѣсня сырыхъ дровъ, это завыванье трубы, словно призывъ какого-то великанскаго рога, напомнили мнѣ старину, когда, лежа въ постели, я любилъ слушать вѣтеръ, стонущій сквозь трубу печки. Чугунная вьюшка звучала, какъ далекій погребаль-

ный колоколь, и зимняя вьюга, сыпля иглами инея въ стекла, разсыпалась едва слышною гармоникою. Какой-то новый міръ, вовсе незнакомый, ощутительный, но безвидный, обнималъ меня; какія-то чудныя существа тѣснились къ душѣ . . . мнѣ казалось, я слышу лепетъ ихъ крыльевъ, шумъ стопъ, жаръ дыханія, невнятный ихъ говоръ; еще болѣе . . . порою предо мной вились, сверкали, огнились символическія ихъ письма, которыя вмѣстѣ были и буквами и живыми образами; самые звуки принимали на себя какую-то неопредѣленную форму. Не умѣю выразить, что бывало со мной въ этой дремотѣ: я трепеталъ, какъ струна, издающая божественный голосъ; томный и вмѣстѣ сладостный ужасъ пробѣгалъ по моимъ жиламъ: я хотѣлъ постичь его, и болѣзненно сознавался, что природа не дала самой душѣ органовъ для вкушенія этого безъименнаго чувства; на меня находила тогда тоска; я походилъ на человѣка, который страстно любить музыку, и страждетъ случайною глухотою. Бывало, завернувши въ одѣяло голову, изъ подобнаго состоянія я переливался въ чуткій сонъ; и въ немъ еще явственнѣе, еще живѣе мои видѣнія кружились около; но тогда я уже самъ становился дѣйствующимъ лицомъ: сражался, какъ Боярдъ, гово-

рилъ, какъ Демосѣенъ, читалъ невѣдомыя, прелестнѣйшія поэмы, но отъ нихъ при пробужденіи оставались во мнѣ только ощущеніе восторга, только слеза умиленія. То ли еще: я леталъ птицею въ безднахъ, я плавалъ какъ рыба, я какъ воздухъ проникалъ въ глубь земли. Мнѣ видѣлось, что я могъ глядѣться въ душу свою, и чужія рѣчи и мои мысли вставали, проходили передо мной, вѣ- очью совершались, какъ говорятъ Русскія сказки. Особыя мѣста дѣйствія, особый кругъ знакомства, особенное родство имѣлъ я въ сонномъ мірѣ своемъ: но каковъ былъ онъ, но кто эти знакомцы и родные? память моя не могла схватить, пробудившись совершенно. За то всякой разъ склоняя голову на подушку, я обнималъ ее, какъ друга чародѣя, который унесетъ меня къ милымъ.

Отрадно плыть во снѣ туманной Летою,
Забывъ часовъ бряцающую мѣдь;
Въ видѣніяхъ пожить внѣ жизни этой,
И безъ кончины умереть!!

Моралисты сулятъ покой несчастнымъ за дверью гроба: зачѣмъ ходить такъ далеко? Сонъ есть лучшій уравниатель въ жизни. Когда вздумаешь, что царь и послѣдній поденщикъ, богачъ и бѣднякъ, одинаково прово-

дять треть сутокъ, первые не пользуясь своими преимуществами, послѣдніе забывая свое горе, — то какое-то утѣшительное чувство проникаетъ душу. Я еще допустилъ, что счастливецъ и несчастный проводятъ одинаково пору сна — но обоемъ ли имъ стелеть постель усталость и чистая совѣсть! Не сидитъ ли часто раскаяніе у золотошвейнаго изголовья — не даритъ ли воображеніе царскими снами бѣдняка?

Ты спросишь, откуда пробился ключъ этихъ наслажденій моихъ? это перемѣщеніе сонныхъ призраковъ въ явную жизнь, и дѣйствительныхъ вещей въ сонныя мечтанія? Мнѣ кажется, этому виною было раннее вѣрованіе въ привидѣнія, въ духовъ, въ домовыхъ, во всѣхъ гражданъ могильной республики, во всѣхъ снѣжныхъ сынковъ воображенія мамушекъ, нянюшекъ, охотниковъ-суевѣровъ — столько же и раннее сомнѣніе во всемъ этотъ. Нянька рассказывала мнѣ страхи съ такимъ простосердечіемъ, съ такимъ внутреннимъ убѣжденіемъ — родители и учителя въ свою очередь говорили про нихъ съ такимъ презрѣніемъ и самоувѣренностію, что я безпрестанно волновался между разсудкомъ и предразсудкомъ, между заманчивою прелестью чудеснаго и строгими доказательствами истины. Ку-

да былъ перевѣсъ: на сторону ли впечатлѣнія или на сторону убѣжденія — угадать не трудно. Правду сказать, человѣкъ всегда предпочитаетъ то, чего онъ не можетъ постичь, тому, чего постичь нѣтъ ему охоты. Эта борьба однако же, не истребивъ совершенно моей склонности къ чудесному, отняла у него нелѣпую одежду, въ которую облекло его народное суевѣріе. Разумѣется, чѣмъ болѣе мужалъ мой разумъ, — тѣмъ примѣтнѣе вліяніе чудеснаго на меня уменьшалось: образы его блѣднѣли, блекли, исчезали, сливались съ пространствомъ, какъ утренніе туманы — но вѣришь ли? до сихъ поръ бываютъ минуты, въ которыя готовъ я почти увлечься повѣрьями моего дѣтства. И какъ я люблю переживать вновь годы этого дѣтства! Весна моя расцвѣтаетъ въ памяти чудными цвѣтами, причудливыми цвѣтами — со всѣмъ ихъ благовоніемъ, со всею свѣжестію красокъ; — я наслаждаюсь тогда даже минувшими ужасами — и замѣчу странность: это осуществленіе минувшаго случается со мной наиболѣе послѣ сильныхъ движеній души или тѣла, послѣ сильныхъ потрясеній. — Кажется, что ослабнувшія струны организма способные принимагъ ладъ нѣжныхъ лѣтъ нашихъ, и отъ малѣйшаго повѣва поминка звучать знакомую, любимую пѣсню.

Однако жъ разсказъ старика дворецкаго разбудилъ въ душѣ моей не одни полуюсныя, неопредѣленныя воспоминаія. Нѣтъ! онъ оживилъ происшествіе, очень подобное имъ разсказанному, происшествіе, близкое моему сердцу. Не сказка и не выдумка, слѣпленная на потѣху пріятелей, будетъ повѣсть моя: въ ней отъ слова до слова — все истина.

— Дѣдъ мой съ матерней стороны былъ князь Х—ій: я будто въ просонкахъ вижу его темную, суровую физіогномію, его высокій ростъ . . . его жестокій голосъ. Не знаю, отъ чего — только я боялся его ребенкомъ, какъ нельзя болѣе. Какъ ты хочешь, и мнѣ кажется, природа одарила всѣхъ тѣхъ инстинктомъ, въ которыхъ не развила разума, и дитя, находясь въ этой категоріи, почти всегда безошибочно угадываетъ въ каждомъ встрѣчномъ друга, или недоброхота. Князь былъ, можно сказать, неистоваго нрава — гордъ своимъ родомъ и богатствомъ въ обществѣ, невыразимый деспотъ въ семействѣ. Какъ наибольшая часть воспитанниковъ стараго вѣка, онъ людей считалъ средствами для своихъ выгодъ, дѣтей — куклами для забавы; сохрани Богъ, чтобъ они осмѣлились думать, не только поступать, иначе, какъ по его волѣ, то есть по его прихоти. У него были два сына и дочь.

Онъ успѣлъ подавить въ первыхъ всякое благородное чувство, всякую вспышку разума — и они зачерствѣли въ своемъ невольномъ ничтожествѣ, въ своемъ вѣчномъ ребячествѣ. Ихъ отправилъ онъ на службу въ столицу. Совсѣмъ другое случилось съ дочерью. Угнетеніе, уничиженіе, подъ которыми держали ее, — пробудило въ ней гордую душу, которая безъ того никогда бы, можетъ быть, не проснулась. Она почувствовала и увѣрилась, что правда и добро могли существовать и внѣ рѣчей, внѣ поступковъ отца ея. Случай способствовалъ этому развитію.

Лиза потеряла мать еще въ ту пору, когда не могла вполне оцѣнить этой потери, именно потому самой великой. Отецъ не удостоивалъ заниматься ея воспитаніемъ. Онъ думалъ, что совершилъ великое благодѣяніе, платя мадамъ, и наwerbовавши къ ней кучу учителей — безъ выбору и безъ призору. Нѣжность его ограничивалась тѣмъ, что онъ утромъ и вечеромъ допускалъ дочь къ ручкѣ своей, да всякой мѣсяцъ дарилъ ей на булавки.

Въ числѣ учителей Лизы пріѣхалъ изъ Москвы недавно выпущенный изъ университета адъюнктъ Баяновъ. Онъ былъ очень статный, умный, добрый юноша; дворянинъ небогатый, но стоящій богатства. Лизѣ было тогда 15

лѣтъ, и онъ съ жаромъ принялся за ея образованіе: уроки были наслажденіемъ для обоихъ. Она радовалась познаніямъ — онъ успѣхамъ своей ученицы. Ничего нѣтъ чище, возвышеннѣе, святѣе удовольствія, какое чувствуемъ мы, передавая, вперяя благородныя чувства и свѣтлыя мысли другимъ. Тогда мы прилѣпляемся къ нимъ любовью отеческою; и въ самомъ дѣлѣ: вложить въ человѣка душу разумную, доблесть живую, не значить ли создать, родить его для добродѣтели и не цѣннѣе ли это родство родства тѣлеснаго, не священнѣе ли самыхъ узъ крови? . . .

Однако жъ скоро, хоть не замѣтно для неопытныхъ, вмѣшалась въ ихъ дружество душевное любовь болѣе нѣжная, болѣе страстная, любовь сердца. Минуло четыре года . . . ученіе кончилось . . . и любовники тогда лишь узнали, — что взаимность для нихъ не только счастье жизни, но самая жизнь . . . когда судьба погрозила разлучить ихъ. Въ одну и ту же минуту они испытали вѣсть разлуки и признаніе въ любви, первый поцѣлуй восторга и первыя горькія слезы печали. — Они поклялись быть вѣрными до гроба, это ужъ такъ водится искони: для молодыхъ людей все кажется легко — для любовниковъ все возможно.

Они не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло.

Старику Х. — му наскучило нянчиться съ дочерью. Она была невеста, и, что всего важнѣй, невеста богатая: мать отказала ей одной все свое приданое, все движимое и недвижимое. Однако, желая сбыть съ рукъ дочь, ему не хотѣлось разстаться съ ея имѣніемъ, и вотъ для чего удалялъ онъ отъ Лизы жениховъ, которые по уму или по связямъ своимъ могли бы потребовать у него и наличнаго, и отчета за прежнее управленіе.

Сгадавъ, рѣшилъ и выбралъ въ зятя какого-то князька — сидня, весьма ограниченнаго умомъ, ничтожнаго роднею. Онъ далъ слово, не спросясь, даже не предувѣдомивъ дочери. Черезъ три дня надо было играть сговоръ, а она не знала о своей участи ни сномъ, ни духомъ. Наконецъ онъ объявилъ ей повелѣніе выйти замужъ, и готовиться къ свадьбѣ самымъ непрекословнымъ образомъ. Онъ споткнулся на этомъ вовсе неожиданно: характеръ дочери открылся вдругъ въ полной силѣ! Подкрѣпленная взаимною любовью, она дерзнула почтительно, но твердо, сказать отцу, что считаетъ союзъ супружескій святынею, которая требуетъ любви сердечной къ мужу... а потому она не иначе отдастъ руку свою, какъ вмѣстѣ съ сердцемъ; сердце же ея отдано Баянову, ея воспитателю; — она прибави-

ла, что ни какія убѣжденія не принудятъ ее перемѣнить даннаго обѣта — быть его женою или вѣчно остаться его невестою. Вы дали мнѣ жизнь, батюшка, сказала она: но Богъ далъ мнѣ душу: располагайте первою — но позвольте мнѣ сохранить для себя вторую — и кому лучше могу я посвятить ее, какъ не человѣку, посвятившему лучшіе годы своей жизни на мое образованіе съ такимъ усердіемъ, съ такимъ горячимъ самоотверженіемъ?

Говорятъ, князь послѣ этого объясненія нѣсколько минутъ стоялъ неподвиженъ и безмолвенъ отъ изумленія . . . гнѣвъ задушилъ въ немъ голосъ. Можно представить себѣ, что почувствовалъ человѣкъ, привычный къ безусловному повиновенію отъ всѣхъ, къ нему близкихъ, который съ роду не слыхалъ слова: нѣтъ! и вдругъ пораженъ былъ имъ такъ внезапно, такъ больно!! Вся его гордость, всѣ его выгоды и понятія, всѣ замыслы его оборочены были вверхъ дномъ — и кѣмъ же? дѣвочкою, — дочерью!

Взрывъ былъ ужасенъ, угрозы и брань полились на несчастную: какъ смѣла она имѣть свой умъ, взять свою волю! Судъ коротокъ — онъ заперъ ее въ темную комнату на хлѣбъ и на воду.

Учителя Баянова велѣлъ онъ выбросить изъ

замка вмѣстѣ съ его вещами, не позволивъ показаться на глаза. Бѣшенство его вымѣстилось на всѣхъ домашнихъ: и безъ того всѣ трепетали его голоса, его взгляда — а послѣ этого случая половина слугъ разбѣжалась отъ его жестокости, незнающей границъ, незнакомой съ пощадою. Онъ свирѣпствовалъ, какъ звѣрь.

Время шло; но оно не перемѣнило ни упорства отца, ни постоянства дочери. Съ своей стороны, влюбленный Баяновъ, не смотря ни на какія угрозы, презирая опасности, обманывая надзоръ, старался проникнуть до темницы своей любезной — и долго, долго напрасно. Мало по малу однако жъ, ему удалось деньгами склонить на свою сторону одного изъ тюремщиковъ. Золотой дождь по каплѣ пробиваетъ даже камень. Ему доставили случай видѣться съ Лизой, и минуты, которыя провели они вмѣстѣ послѣ долгой разлуки, не смотря на мечъ, висящій надъ головою, были самыми счастливыми въ ихъ жизни, потому что вѣрность въ такую мучительную годину испытанія получаетъ высшую цѣну, и каждый мигъ, вырванный изъ львиныхъ челюстей опасности, тѣмъ сладостнѣе, чѣмъ короче; тѣмъ ближе къ восторгу, чѣмъ ближе къ гибели. Скоро почувствовала заключенница, что существо ея

удвоилось. Какое святое чувство вложила въ насъ природа къ обновленію! Какое сердце не трепетало радостью при мысли: и я стану матерью! при вѣсти: ты отецъ! Въ такія минуты забыты всѣ страхи, всѣ расчеты!!

Наши любовники были счастливы на зло судьбѣ — и это самое придавало имъ смѣлости, самой надежды. Тутъ уже дѣло шло не о нихъ самихъ, но объ имени, о счастіи третьяго, драгоцѣннаго для нихъ залога. Они приготовились къ побѣгу. Они согласились исполнить свое намѣреніе, когда отецъ уѣдетъ на три дня въ отъѣзжее поле.

Онъ уѣхалъ.

Переодѣтый въ кучерское платье, проникъ Баяновъ въ тюрьму Лизы ночью. Дневальный тюремщикъ былъ подговоренъ бѣжать вмѣстѣ; лихая тройка ждала ихъ за частоколомъ сада — оставалось только удачно выбратъся изъ дому. Баяновъ засталъ свою невѣсту на колынахъ передъ образомъ. Кончивъ молитву, она кинулась въ объятія къ милому, но долго не могла промолвить слова, заливаясь слезами. Я знаю это отъ старика, бывшаго свидѣтелемъ. Онъ рассказывалъ, что смѣлость ее покинула, когда надобно было ступить за порогъ; что она умоляла Христомъ Богомъ, отложить все до завтра; говорила: сердце у

нея будто стиснуто желѣзною рукою — что предчувствуетъ вѣрную, неминуемую гибель. Баяновъ разумѣется, утѣшалъ, ободрялъ, уговаривалъ ее; доказывалъ, что предчувствія не что иное, какъ робость; что откладывая удобный побѣгъ, они накличутъ себѣ не только въ каждомъ человѣкѣ, да въ каждомъ часу непріятеля, — а что всего важнѣе, священникъ ждетъ ихъ въ церкви.

Она уступила.

Черезъ садъ въ повозки — и ударили по всѣмъ по тремъ.

Дѣло было въ началѣ ноября. Рыхлая пороша чуть подернула павшій листъ дубравы. Я и забылъ тебѣ сказать, что все это происходило въ К . . . губерніи, въ усадьбѣ князя, называемой Шуранъ; лежитъ она надъ Камою, при большой дорогѣ въ Оренбургъ: мѣсто живописное; барскій домъ на холмѣ; дѣдовскій темный садъ шумитъ угрюмо на берегу; вправо . . . да не о томъ дѣло. Глухая ночь лежала надъ Шураномъ, когда наши бѣглецы оставили его. Проселочная дорога къ далекой, уединенной церкви пролегала дремучимъ лѣсомъ, и мѣстами совсѣмъ склонялась на крутой берегъ Камы. По Камѣ шелъ тогда ледъ и съ печальнымъ звукомъ ломался другъ о друга. Двѣ тройки мчались быстро, но едва слышно — коле-

са нарочно были обвиты кушаками. Припавъ къ груди Баянова, для котораго пожертвовала всѣмъ на свѣтъ, Лиза едва дышала. Часъ этотъ былъ для нея, какъ часъ передъ казнью преступника — онъ еще не мертвый, но ужъ и не живой: можетъ ли онъ наслаждаться жизнію, когда смерть впустила въ него когти свои? такая отсрочка хуже пытки; — такая безчеловѣчная милость жесточе казни самой. Но едваль не еще несноснѣе, когда неожиданное счастье разманить насъ — и вдругъ готово исчезнуть! Пусть непредвидѣнная бѣда поражаетъ, какъ пуля, бѣда, передъ которою идетъ предчувствіе, терзаетъ, какъ ядъ жестокій. Въ такомъ точно положеніи были оба наши любовники. Они молчали, потому, что ни одинъ не могъ найти слова утѣшительнаго; земля звучала подъ колесами, будто сводъ могильный; вѣтки сыпали на лице иней, и корни заплетали имъ дорогу. Все кругомъ было въ смертной тишинѣ; только порой спугнутый филинъ страшно гудкалъ въ чащѣ, хлопая тяжелыми крыльями, или трещалъ изломанный сукъ. Они благополучно добрались до деревенской церкви, верстъ за 15 отъ Шурана. Въ ней привѣтно теплился огонекъ . . . дверь растворилась, и женихи вошли въ тусклую трапезу. Иконо-

стась подымался до самого потолка, подпер-
тый витыми столбиками, когда-то позолочен-
ными; старинные лики Святыхъ, едва озарен-
ные лампадою передъ царскими дверьми, ка-
залось, хмурились, помавали головами; хоруг-
ви колебались отъ сквознаго вѣтра, который,
дуя въ рамы, возникалъ и стихалъ печальною
пѣснiю. Ночтенный старичекъ священникъ
встрѣтилъ жениха и невѣсту у дверей благо-
словенiемъ, и дьячекъ, засвѣтя еще нѣсколько
свѣчъ въ высокихъ подсвѣчникахъ на дере-
вянной пожкѣ, запѣлъ хриплымъ голосомъ.
Началась служба. Прелестна, однако жъ блѣд-
на, какъ спѣтъ намогильный, стояла передъ
налоемъ невѣста . . . вѣнчальная свѣча дро-
жала въ рукѣ ея — и когда Баяновъ обо-
дрялъ ее нѣжнымъ взглядомъ — она отвѣчала:
— Это отъ холода — этотъ холодъ былъ у ней
въ сердцѣ . . . Она робко озиралась кругомъ
и сторонилась тѣней, перебѣгающихъ по цер-
кви отъ зыбкаго пламени свѣчъ, какъ будто
онѣ хватали ее. Вопреки всѣхъ страховъ,
обрядъ кончился счастливо. Кольца скрѣпи-
ли священною цѣпью сердца, давно уже спла-
вленные любовью, и поцѣлуй запечатлѣлъ
союзъ ихъ. Когда передъ алтаремъ Бога ми-
лосердiя и правды супруги съ радостными
слезами на глазахъ заключили другъ друга въ

объятія — они забыли настоящее и будущее — никакое горестное чувство не развлекало этого восторженного мгновенія.

Оно было послѣднимъ въ ихъ счастіи.

Конскій топотъ и грозные клики налетали со всѣхъ сторонъ — священникъ съ колѣно-преклоненіемъ молился о спасеніи, — Баяновъ готовился къ защитѣ — все было напрасно: выбитыя двери церкви упали, и толпа охотниковъ княжихъ вслѣдъ за разъяреннымъ своимъ господиномъ ворвалась въ средину. На бѣду, онъ охотился не вдалекѣ и получилъ извѣстіе о побѣгѣ дочери, стремглавъ ударился въ погоню. Что медлить правдою? Супруговъ силою разлучили, связали, кинули въ телѣги порознь, и понеслись назадъ въ роковой Шуранъ.

Съ этой поры туча злодѣйства одѣла этотъ домъ тайною. Никто не зналъ, что дѣлается съ молодыми. Никто не могъ догадаться, куда дѣвались они. Двое псарей, которые везли Баянова, увѣряли, что онъ вырвался на полдорогѣ, и ушелъ въ лѣсъ, за это они жестоко были наказаны. Священника угрозами и лестью заставили молчать о бракѣ: притомъ же онъ совершенъ былъ не по всѣмъ правиламъ — недоставало свидѣтелей, и священникъ притаился, чтобы не быть въ отвѣ-

тѣ: общая молва была распушена между дворнею, что отецъ захватилъ вѣнчанье въ самомъ началѣ. Какъ бы то ни было, ни одинъ чело-вѣкъ не осмѣливался спросить объ этомъ обстоятельствѣ угрюмаго князя. И Лиза и Баяновъ канули, какъ въ воду . . . сосѣди шептались между собою — какъ раки подъ крапивою — и какъ раки пятились передъ страшнымъ сосѣдомъ. Его ядовитый взглядъ убивалъ любопытство и участіе.

Съ большимъ удивленіемъ увидѣла дворня ровно черезъ годъ, что къ нимъ на дворъ катитъ весь Уголовный Судъ изъ Казани. Всѣ слуги дрожали осиновымъ листомъ, чтобъ не попасться въ свидѣтели по проказамъ барина; затаскаютъ, заморятъ по тюрьмамъ, ни дай, не вынеси. Въ одинъ мигъ слухъ о доносѣ разбѣжался по всему селенію. Члены Суда немедленно потребовали видѣть дочь княжью — про которую отецъ отвѣчалъ, что держать ее въ заперти по сумасшествію. Онъ повелъ ихъ въ тюрьму Лизы. Дверь замкнулась, и мертвая тишина воцарилась въ цѣломъ домѣ . . . всѣ, не переводя дыханія и наостривъ уши, ждали, чѣмъ кончится. Иные шопотомъ увѣряли, что князя возьмутъ подъ стражу, и что для этого пріѣхала крытая повозка. Желаніе избавиться отъ злаго барина и страхъ у него

остаться — волновали всѣхъ. Наконецъ двери распахнулись настежь — и тогда нѣкоторые изъ слугъ, заглянувъ украдкою въ тюрьму барышни, увидали ее брошенную на соломѣ, въ рубищѣ: на ней не было вида человѣческаго — такъ она похудѣла и почернѣла. Глаза впали, волосы были всключены — она лежала, разметавъ руки, въ обморокѣ.

— Теперь мы удостовѣрены, что она бѣшенаго сумасшествія, сказалъ Предсѣдатель Налаты.

— Никакого нѣтъ сомнѣнія, преважно прибавилъ городской лекарь: она безумна — неизлечимо.

— Держите ее крѣпче, подхватилъ весь Судъ хоромъ: вы ей природный опекунъ: на дняхъ пришлемъ формальную бумагу на ввѣдъ во владѣніе!

Роскошный завтракъ скрѣпилъ опредѣленіе этихъ неумытныхъ судей, и юстиція отправилась въ городъ на веселѣ. Вся дворня съ ужасомъ ушлышала приказъ: такъ вотъ зачѣмъ пріѣзжалъ судъ, такъ вотъ чѣмъ кончилась эта уговорная гроза!! Когда за судьями тронулся обозъ съ подарками, слуги, пожимая плечами, тихонько говорили: скоро по этой дорогѣ повезутъ на погостъ и добрую княжну нашу!

Предсказаніе сбылось скоро — черезъ полгода Лиза скончалась.

Люди пожимали плечами — окружные дворяне много толковали объ этомъ случаѣ. Всѣ соглашались, что князь нарочно ослабилъ дочь свою безумною, чтобъ завладѣть ея имѣніемъ; что безчеловѣчнымъ обхожденіемъ съ нею онъ въ самомъ дѣлѣ довелъ ее до иступленія и наконецъ безвременно свелъ въ могилу. Судьба Баянова не ускользнула отъ проницательныхъ взоровъ. Ходили слухи, что онъ былъ привезенъ въ Шуранъ и брошенъ въ одинъ изъ подваловъ, гдѣ и былъ уморенъ съ голоду мстительнымъ княземъ. Приводили въ доказательство рассказы нѣкоторыхъ слугъ... они клялись, что слышали стоны въ подпольѣ — и узнавали въ нихъ голосъ учителя; что потомъ онъ началъ стихать, стихать, и наконецъ замеръ въ такомъ страшномъ воцлѣ — что отъ одного разсказа вставали дыбомъ волосы. Говорили еще, будто видѣли въ слѣдующую ночь, что мелькалъ огонь въ отдушинѣ подвала, гдѣ сидѣлъ Баяновъ, слышали, какъ тамъ брякали лопатки, какъ что-то закапывали, закладывали камнемъ. Со всѣмъ тѣмъ ужасъ, наведенный княземъ на сосѣдей, былъ такъ глубоко укорененъ, сила его въ судѣ и свя-

зи въ столицѣ такъ обширны, что ни одинъ человекъ не посмѣлъ пикнуть въ обвиненіе.

Дѣло запало само вобою.

Вскорѣ послѣ смерти дочери, въ князѣ замѣтили чудесную перемѣну. Его злое, дерзкое лице покрылось блѣдностью; походка стала робка и нерѣшительна, глаза подернулись дымною оболочкою. Иногда, среди бѣлаго дня, онъ останавливался на быстромъ ходу и, весь трепеща, отступалъ; иногда вскакивалъ съ креселъ, произнося невнятные слова. Этого мало: по сказкамъ всей дворни, стали твориться чудеса въ домѣ. Что ни полночь, двери изъ бывшей тюрьмы княжны распахивались съ визгомъ сами, и оттуда явственно раздавались мѣрные шаги, только никого видно не было. Въ ту же минуту подымался тяжелый стонъ изъ подвала такъ протяжно, — такъ страшно и пронзительно, что онъ слышался во всѣхъ углахъ замка. Напрасно зарывали всѣ головы въ подушки и завертывались въ одѣяла: онъ все слышался въ ушахъ и звучалъ, какъ въ пустомъ склепѣ могильномъ. Въ спальнѣ у князя каждую ночь слышали чью-то походку, адскій смѣхъ и потомъ скрежетъ зубовъ, проклятiя и будто хрипѣніе смерти. Никто не смѣлъ однако жъ намекнуть о томъ, не только спросить князя — онъ хранилъ мертвое

молчаніе. И вдругъ въ одну ночь, онъ съ воплемъ выбѣжалъ изъ спальни своей, блѣдный, испуганный; въ одной сорочкѣ — онъ самъ походилъ тогда на мертвеца.

— Запрягайте коней! подавайте возокъ! кричалъ онъ: чтобы сейчасъ, сей же мигъ старъ и малъ бѣжалъ изъ этого проклятаго дома, вонъ отсюда и навсегда . . . Слышите ли, говорю я вамъ, выбирайтесь вонъ мигомъ!

Какъ ни удивлены были слуги и всѣ домашніе такимъ неожиданнымъ приказомъ, только шутить съ княземъ было плохое дѣло: черезъ часъ не осталось въ цѣломъ домѣ ни человѣка, ни кошки. Все это кинулось, потащилось и поползло въ зимнюю ночь, кто на чемъ попало, въ другую усадьбу верстъ за 30. Съ тѣхъ поръ домъ этотъ стоитъ заколоченъ. Сувѣріе сторожить его лучше всякихъ караульныхъ и собакъ. На закатъ солнца, не то, чтобы въ глухую ночь, ни одинъ крестьянинъ не смѣетъ мимо его вблизи проѣхать. — Чрезъ полтора года князя нашли мертвымъ въ постелѣ. Простолюдины толковали, что его заѣли нечистые, которымъ продалъ онъ душу — увѣряли, что видѣли на шеѣ слѣды зубовъ. Люди умные говорили, что правосудіе Божіе кликнуло его на расправу. Его похороны были праздникомъ не для однихъ плакальщицъ.

Усадьба Шуранъ, вмѣстѣ съ деревнею, досталась на долю моей матери. Не смотря на всѣ выгоды и устройство хозяйственное, она не хотѣла туда переселиться. Только раза два въ лѣто прѣѣжала она съ нами къ управителю, жившему въ одномъ изъ отдаленныхъ флигелей, для надзора и повѣрки счетовъ на мѣстѣ. Само собою разумѣется, что дворня наша, и мамки, и нянюшки мои не упустили случая насказать мнѣ съ три короба страховъ и преданій объ этомъ таинственномъ домѣ. Съ какимъ, бывало, трепетомъ, съ какимъ удовольствіемъ осмѣливались мы съ братомъ приближаться по заросшему крапивою двору, вечеромъ, къ заколдованнымъ палатамъ! Главныя двери были забиты досками; окна зацвѣли мертвою синевою; въ разбитыя стекла порхали птицы, и кровля во многихъ мѣстахъ упала собственною тяжестью. Осторожно переступая, будто боясь понасть въ силокъ или въ очарованный кругъ, подходили мы къ крыльцу: на немъ, по спаямъ камней, росла уже трава. Братъ мой былъ и постарѣе и посмѣлѣе меня, и порой достигалъ до самой двери; но когда обращался назадъ, то кидался внизъ по ступенямъ опрометью. Онъ признавался, что замокъ страшно глядѣлъ на него однимъ глазомъ своимъ; что въ дверную скважину кто-

то дышалъ на него морозомъ, и петли скрежетали, какъ зубы. Издали бросали мы иногда камень на кровлю, и съ біеніемъ сердца слушали, какъ онъ, стуча и прыгая, катился по ней къ низу — и когда, упавъ на землю, скакалъ еще далѣе, мы бросались отъ него, воображая, что онъ за нами гонится. И въ самомъ дѣлѣ, эта могильная тишь на дворѣ, опустѣлый домъ, опальные ряды службъ, обрушенные заборы, все впускало грусть даже дѣтекому сердцу, и вѣтеръ, стонущій въ разбитыхъ окнахъ, шумящій между репейникомъ, слышался намъ говоромъ духовъ, вѣстью съ того свѣта — онъ будто наносилъ на насъ сырость и прохладу гробовъ.

Какъ-то однажды мы были смѣлѣе обыкновеннаго, и разбивъ камнемъ стекло въ окнѣ нижняго этажа, рѣшились посмотреть внутрь комнатъ. Братъ поднималъ меня на плечи, чтобъ я могъ достать до рамы. Не безъ ужаса просунулъ я свою голову въ разбитое стекло; я боялся бы не болѣе положить ее въ пасть медвѣдя. Опершись о пыльный косякъ, взглянулъ я внутрь, и сначала все мнѣ показалось темно, какъ ночью. Черезъ нѣсколько времени я приглядѣлся . . . а между тѣмъ братъ ежеминутно спрашивалъ меня, что я вижу. То была обѣденная зала. Длинные столы сто-

яли по стѣнамъ съ полуоборванными полами; многіе стулья лежали на полу, словно опрокинувшись отъ страха; другіе, будто отъ слабости, стояли, прислонясь къ стѣнѣ. На полу лежали обломки посуды, видно, разбитой въ попыткахъ переезда. Полинявшіе, пыльные обои, въ иныхъ мѣстахъ уже опавшіе, колебались отъ вѣтра; изъ-подъ нихъ выглядывала дождевою плѣсенью покрытая стѣна; индѣ штукатурка обвалилась и сквозили лучинныя решетки — вы бы сказали: это тлѣющій трупъ богача, съ котораго падаетъ одежда и кожа, и мѣстами уже обнажаются ребра, на которыхъ паутина висѣла, какъ волокна и жилы. Карнизы улѣплены были гнѣздами ласточекъ; летучія мыши цѣплялись по угламъ; живопись потолка сплылась въ какіе-то чудовищные арабески. Трудно себѣ вообразить, какое странное впечатлѣніе произвелъ на меня видъ этой опальной комнаты: я будто сей часъ гляжу на нее! Все, все въ ней казалось мнѣ чуднымъ, сверхъестественнымъ, страннымъ. Этотъ мракъ, въ ней царствующій, эта полурастворенная въ коридоръ дверь, за которою такъ таинственно сгущались тѣни, даже обшитая сукномъ веревка, на которой когда-то висѣла люстра, съ огромнымъ крючкомъ своимъ, казались мнѣ орудіемъ пытки. Мнѣ казалось,

на сѣромъ свѣтѣ сумерекъ, сквозь мутныя стекла, что всѣ звѣри и птицы обоевъ шевелятся, трепещутся; что бѣлая изразцовая печка притаилась въ углу, какъ мертвецъ въ саванѣ, и вдругъ въ самомъ дѣлѣ что-то живое, съ блестящими глазами, съ грохотомъ прокатилось по залу и прямо кинулось на меня; — я заревѣлъ, опрокинулъ брата, смялъ его, покатился съ нимъ вмѣстѣ черезъ голову, и потомъ вскочили мы оба, и оба, крича изо всей мочи, ударились бѣжать врознь, забывъ оборонительный и наступательный союзъ: не выдавать другъ друга ни въ какомъ случаѣ. Чудовище, испугавшее насъ, была кошка. Мы однако жъ, народъ храбрый, и увѣрясь въ томъ, не смѣли подойти къ ней: кошка иско-ни слыветъ сосудомъ оборотней, вѣдьмъ и тому подобной адской челяди втораго разряда.

Улетѣли годы.

Давно ужъ покинулъ я родину. Учился въ Москвѣ, вступилъ въ службу. Радостно спѣшилъ я домой показать матушкѣ свои патенты, свои эполеты, при первомъ отпускѣ. Весь мой младенческій и отроческій бытъ ожилъ въ душѣ, когда я увидѣлъ поприще, на которомъ онъ двигался. Правда, кукольный міръ этотъ не только просторный, но и огромный для ребенка, для меня юноши казался

ужь тѣсенъ, малъ непонятно. Но онъ былъ моимъ; былъ связанъ, не скажу съ прекраснымъ, но съ беззаботнымъ возрастомъ, когда мы чувствуемъ — не ощущая сердца, думаемъ — не утомляя души; съ этимъ единственнымъ возрастомъ настоящего безъ сожалѣнія о вчера, безъ ожиданія завтра, безъ воспоминаній, едва ли не всегда разведенныхъ желчью раскаянія, безъ надеждъ, отравляемыхъ ядомъ страха. Я сказалъ тебѣ о моей склонности къ чудесному. Признаюсь, что возрастъ не уничтожилъ ея; онъ только высучилъ ее въ утонченную нить, а романы раскрасили ее своими цвѣтами. Перемѣнился видъ, существо осталось то же. Вотъ почему таинственный Шуранъ манилъ меня къ себѣ своими чудными преданіями — манилъ неодолимо. На третій же день я велѣлъ осѣдлатъ коня, и поскакалъ туда. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Когда я пріѣхалъ въ Шуранъ, ночь, какъ прелестная Арабка, въ звѣздномъ покрывалѣ глядѣлась уже въ померкшемъ зеркалѣ Камы. Я слѣзъ у крыльца уединеннаго домика, въ которомъ жилъ управитель — только не нашелъ его у себя — онъ уѣхалъ въ дальнюю деревню. Мнѣ вовсе не весело было коротать вечеръ съ старухою, его женою, и поужинавъ налегкѣ, я велѣлъ подать себѣ топоръ, зажегъ

три восковые свѣчи, вмѣсто факела, и не сказавъ никому ни слова, отправился прямо къ покинутому дому. Репейникъ заплеталъ мнѣ дорогу; испуганныя лягушки, которыя уже столько лѣтъ невозбранно владѣли мокрымъ дворомъ, квакая, прыгали изъ-подъ ногъ моихъ. Я подошелъ къ обрушенному крыльцу — котораго ступени были термометромъ дѣтскаго нашего честолюбія, — я увидѣлъ окно, въ которое глядѣлъ, когда былъ испуганъ кошкою — и всѣ фантастическія существа замахали около меня знакомыми крыльями, и прежнее чувство сладкаго страха втѣснилось въ грудь, — я опять стоялъ школьникомъ передъ стариннымъ замкомъ. Это было на минуту. Я оторвалъ топоромъ доски дверей, и вошелъ въ обширную переднюю. Отворенные кругомъ стѣны ящики для сидѣнья слугъ и опрокинутыя вѣшалки доказывали еще торопливость, съ которою выбирались жильцы изъ дома. Паукъ развѣсилъ свои побѣдныя знамена по стѣнамъ, мѣдныя задвижки дверей зацвѣли зеленью, сами двери едва держались на перержавленныхъ петляхъ — и когда я тронулъ одну — онѣ упали съ трескомъ на полъ. Гулъ пошелъ по пустымъ комнатамъ, густое облако пыли взвилось — и я сквозь него вступилъ въ залу. Летучія мыши, эти бабочки раз-

валинъ , треща перепончатыми крыльями , слетѣлись на огонь , и кругами рѣяли мимо глазъ . Разрушеніе много выиграло съ тѣхъ поръ , какъ я въ первый разъ видѣлъ эту залу . Картины обвалились и часть ихъ лежала на столахъ , словно объѣдки отъ пиршества зубастаго времени . Обои висѣли длинными лоскутьями . Занавѣсы оконъ подъ густымъ слоемъ пыли источены были молью . Дождевые потоки навели еще мрачнѣйшую краску на стѣны — и на нихъ нѣсколько портретовъ проглядывали сквозь копоть , будто сквозь туманъ забвенія . Полонъ воспоминаній младенчества , полною думою о несчастной судьбѣ моей родственницы , которая жила , любила , умерла здѣсь — пробѣгалъ я рядъ комнатъ , покинутый людьми , которые одни могутъ бороться со временемъ , и оставили ему побѣду безъ боя . Въ каждомъ трепетаніи обоевъ мнѣ слышался стонъ умирающей жертвы — одинокой посреди холодныхъ стѣнъ и еще холоднѣйшихъ стражей — въ разлукѣ съ милымъ супругомъ . И ни одно дружеское привѣтствіе , никакое родственное утѣшеніе не радовали послѣдней тоски ея !! Напротивъ , она видѣла подлѣ себя коршуновы очи , которыя съ жадною радостію ждали ея кончины — она знала , что мученія ея останутся никому не извѣстны ; что , испы-

тавъ по сю сторону гроба злость, по ту сторону предана будетъ клеветѣ; что она, измученная, очерненная, погребенная заживо, сойdetъ въ землю не оплакана, не оправдана ни кѣмъ и ни передъ кѣмъ — ужасно! — Лиза! вскричалъ я: несчастная Лиза! Я защитникъ твоей чести! Мой голосъ пробудилъ эхо пустыхъ комнатъ, и стекла, дребезжа, дали унылый аккордъ! Въ это время слышалось мнѣ, будто кто-то ходитъ въ сосѣдней комнатѣ . . . шаги эти были тихи, легки, можно сказать, воздушны: меня облило холодомъ, волосы стали дыбомъ . . . прислушиваюсь — ни звука. Мало по малу я ободрился — и поднялъ вверхъ свѣточъ свой, чтобы осмотрѣться — я стоялъ въ длинномъ коридорѣ, въ концѣ котораго видѣлась бѣлая рѣзная дверь, убитая, какъ видно, послѣ, желѣзными полосами. Сверху привинчены были тяжелыя задвижки — но онѣ не были задвинуты. Мнѣ вспало на умъ: не здѣсь ли вытерпѣла дочь строптиватаго князя ужасную пышку? Любопытство разгорѣлось. Я приблизился къ этимъ дверямъ, тихо взялся за скобу и дернулъ ее къ себѣ . . . дверь растворилась.

Другъ мой! ты знаешь, робокъ ли я подъ свистомъ картечей; ты знаешь, блѣднѣлъ ли я передъ пикой, устремленной мнѣ въ серд-

це — но ты не знаешь, какъ упало это сердце, когда взглянулъ я въ тюрьму Лизы
Казалось, ледяная гора задавила меня — казалось, самъ я въ одно мгновеніе превращенъ былъ въ кусокъ льда Нѣтъ, это былъ не сонъ, не мечта, не обманъ очей, не игра приготовленнаго воображенія — я тысячу разъ видѣлъ портретъ Лизы, висѣвшій въ спальнѣ у моей матери — онъ былъ врѣзанъ въ моей памяти — и вдругъ на яву, безъ всякихъ сомнѣній на яву передо мною !

Я слушалъ Зарницкаго съ большимъ вниманіемъ ; — когда онъ былъ разгоряченъ или одушевленъ, то рассказывалъ увлекательно. Не слова, не рѣчи — а голосъ этихъ рѣчей, а чувство, волнующее этотъ голосъ, переливали участіе въ грудь cadaго. Въ ту минуту, когда онъ произнесъ : — передо мною слышались тяжелые шаги по лѣстницѣ. Мы оба такъ настроены были къ чему-то сверхъестественному, что вскочили невольно и обратили глаза на дверь съ какимъ-то робкимъ ожиданіемъ. Когда глаза наши встрѣтились — мы оба усмѣхнулись, будто признаваясь : какія мы дѣти ! Та улыбка однако жъ была мгновенна. Мочная рука, которая не удостоивала, казалось, отвернуть ручку дверную, сорвала весь замокъ — и къ намъ вошелъ высокаго

роста латникъ, завернутый въ широкую, теплую шинель. Палашъ его, волочась, брелъ, каска была изрублена и часть гребня висѣла надъ глазами. Онъ не поклонился намъ, не молвилъ слова и прямо сѣлъ къ огню — мы узнали въ немъ кирасирскаго майора, которому одолжены были побѣдою. По закону военной учтивости и долгу службы, я, какъ старшему, отрапортовалъ ему о состояніи отряда, и наконецъ отъ чистаго сердца протянулъ ему руку съ дружескимъ благодареніемъ, съ солдатскимъ привѣтствіемъ, говоря, что намъ лестно будетъ имѣть товарищемъ человека, которому обязаны блистательнымъ успѣхомъ. Но латникъ всталъ и приложилъ руку къ козырьку машинально — и снова сѣлъ, будто ничего не видя и не слыша. Блѣдно было его лице; глаза мутны, неподвижны. По трепетанію черныхъ, длинныхъ его усовъ, видно было порой судорожное движеніе губъ... брови сдвинуты угрюмо. Пробития картечью и пулями его шинель залита была кровью — и каждый разъ, когда онъ наклонялся, поправляя огонь, палашъ его падалъ на полъ, звуча, и цѣпки, связывающія кирасъ, брякали о желѣзной нагрудникъ. Мы говорили между собой шопотомъ, изумленные страннымъ явленіемъ и еще больше страннымъ обхожде-

ніемъ латника. Кто онъ? что онъ? зачѣмъ онъ здѣсь? Мы напрасно заводили съ нимъ рѣчь, напрасно подчивали чаемъ: онъ склоненіемъ головы или движеніемъ руки прерывалъ всѣ вопросы и предложенія. Мы оставили его самому себѣ.

Опершись объ руку, упертую въ колѣно, онъ, казалось, глубже и глубже тонулъ въ морѣ миноваго — онъ вздыхалъ тяжело, такъ тяжело, что у насъ вчужѣ вздувалось сердце. Иногда слезы катились по его лицу. Онъ съ какою-то завистью смотрѣлъ на пылкіе уголья, которые меркли, угасали, распадались въ пепель — будто онъ въ нихъ видѣлъ свое подобіе. Потомъ вдругъ, сложивъ руки на стальной груди своей, онъ опрокидывался назадъ и шепталъ невнятные слова . . . грозно скрежеталъ губами, глаза его наливались кровью, ноздри вздувались, какъ у льва — онъ былъ страшенъ.

Мы вздремали; казалось, вздремалъ и онъ; только по временамъ вздрагивалъ и стоналъ. Вдругъ пробуждены мы были стукомъ его палаша — онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на руку свою — на нее упало нѣсколько капель раставшей на шинели крови . . . глаза его стояли — густыя кудри бросали тѣнь на бѣлое,

какъ саванъ, лице — губы были открыты —
весь онъ былъ идеалъ ужасно-прекраснаго!

— Зачѣмъ ты пробудила меня, кровь зло-
дѣйская! ропталъ онъ. . . . неужели ли мнѣ
одинъ сонъ — могила; неужели ни прежде,
ни послѣ мести нѣтъ покоя!!

— Онъ вскочилъ, схватилъ горящее полѣно
вмѣсто факела, и подъ вліяніемъ сомнамбу-
лизма, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вкругъ ко-
мнаты.

— Здѣсь, такъ, здѣсь — видѣлъ я ее впер-
вые! произнесъ онъ тронутымъ голосомъ и
съ горькою улыбкою, но въ этой улыбкѣ
отражались всѣ муки души. Она сидѣла у
этого окна; мрачны стали эти стѣны; онъ
подернулись какъ гробовымъ сукномъ . . . а
было время, онъ склонялись надо мной, какъ
брачный пологъ, какъ цвѣтная занавѣса буду-
щаго. Здѣсь далъ я, здѣсь услышалъ я пер-
вую клятву въ вѣрности . . . клятву? — онъ
пишутся на водѣ, и утекаютъ съ нею!! Но
мою клятву я бы готовъ былъ запечатать сво-
ею кровью — и только кровь могла смыть
ее . . . Она смыта! прибавилъ онъ злобно —
и потомъ тихо, озираясь, пошелъ далѣе — въ
другую, въ третью комнату. Наконецъ мы вы-
шли въ залу, въ которой была самая горячая
схватка; стѣны были изстрѣляны Русскими

пулями, окна разломаны, нѣсколько десятковъ обезображенныхъ труповъ валялись другъ на другѣ по полу, залитому кровью — картина была отвратительна, не только ужасна. Латникъ нашъ, достойный гость между мертвецами, съ пылающимъ деревомъ въ рукѣ, въ каскѣ и въ латахъ своихъ, походилъ на привидѣніе какого нибудь рыцаря вѣковъ минувшихъ — исполинская тѣнь его малькала по стѣнамъ и кралась слѣдомъ.

Мы стояли въ тѣни, неподалеку.

Стѣны были увѣшаны портретами фамильными — это общій обычай въ Польшѣ. Латникъ прямо кинулся къ одному изъ нихъ, и разсматривалъ его съ дикимъ наслажденіемъ. Это было въ самомъ дѣлѣ прелестное лице какой-то дѣвушки. Озаренная невѣрнымъ свѣтомъ, она мелькала сквозь мракъ, будто неслась ангеломъ міра.

— И ты, сердце моего сердца! ты, которая одушевляла для меня жизнь и свѣтъ — и тебя не стало! произнесъ Латникъ, глубоко тронутый. — Земля взяла свое — черви насладились твоими прелестями . . . Черви? нѣтъ, змѣя отравила тебя заживо, Фелиція. Свидѣтель Богъ, ты одна могла удержать руку, готовую раздавить эту гадину — я острочилъ месть — но отказаться отъ нея не могъ я,

какъ отъ любви своей — мечь мнѣ осталась единственною любовью послѣ тебя, единственною отрадою; только жажда ея могла приковать меня къ колесу пытки!! Не смотри такъ грозно на меня, Фелиція, — я далъ себѣ страшную клятву уничтожить изверга, — а ты вѣдаешь, измѣнялъ ли я клятвамъ въ добромъ и зломъ . . . она свершилась!! И ты сдержала обѣтъ свой, милая тѣнь — ты обѣщала мнѣ явиться въ ночь передсмертную — вѣстница радости . . . ты явилась мнѣ — не убѣгай, не улетай отъ меня — скажи мнѣ, буду ли я твоимъ супругомъ въ царствѣ смерти? Любятъ ли тамъ? я не хочу рая, когда въ немъ не найду тебя!!

Онъ кинулся на встрѣчу милому призраку въ порывѣ горячки своей — и запнулся за убитого Француза . . . внезапный ужасъ поразилъ его. Онъ наклонился, поднесъ голову къ посинѣлому лицу мертвеца — и черты его вепахнули гнѣвомъ . . .

— Ты и здѣсь заграждаешь мнѣ дорогу на небо... прочь, змѣя! прочь, говорю я! вскричалъ онъ: какъ ожилъ ты изъ — подъ моихъ ударовъ? Зачѣмъ пришелъ ты умереть сюда! Неужели и адъ не принимаетъ злодѣя? . . . Въ этотъ разъ по крайней мѣрѣ ты не уйдешь

отъ меня . . . въ этотъ разъ ты не избѣгнешь заслуженнаго ада, который вызвалъ на свѣтъ!!

Пѣна била у него клубомъ, лице горѣло кровью — онъ выхватилъ палаши свой — наступилъ мертвецу на грудь, такъ, что у него затрещали кости, и поднявъ обѣими руками клинокъ, вонзилъ его въ давно оледенѣлое сердце, и дважды поворотилъ въ ранѣ . . .

— Онъ еще живетъ, еще дышитъ! повторялъ онъ, прислушиваясь — еще осталая кровь, какъ червь, ползетъ въ жилахъ его! . . .

Онъ снова взмахнулъ палашемъ — но изступленіе истощило всѣ его силы — онъ рухнулъ на полъ безчувственъ, бездыханенъ.

Кликнувъ гусаровъ, мы перенесли его въ прежнюю комнату, сняли съ него латы и положили на плащахъ. Приводя его разными средствами въ чувство, мы успѣли возвратить ему дыханіе, но не память. Только по временамъ пробѣгалъ по всѣмъ членамъ его трепеть, только холодный потъ проступалъ на тѣлѣ, и закрытыя вѣки дрожали судорожно. Онъ тихо стоналъ, произнося невнятные слова — мы оставили его успокоиться. Встрѣча съ Латникомъ совершенно отбила у насъ сонъ. Мы потихоньку разсуждали, до какой степени несчастная любовь дѣлаетъ неистовымъ чело-вѣка, одареннаго или, лучше сказать, нака-

заннаго пылкими страстями. Очевидно было, что онъ женихъ Фелиціи и врагъ грабе Остроленскаго, что онъ преслѣдовалъ и изрубилъ его.

— Однако ты, братъ, не окончилъ своего рассказа, напомнилъ я поручику.

— Онъ будетъ кратокъ, отвѣчалъ поручикъ со вздохомъ. Мы были прерваны на томъ мѣстѣ, когда я отворилъ двери старинной темницы Лизы. Гляжу — въ комнатѣ этой горитъ свѣча — подъ окномъ, забитымъ рѣшеткою, столъ; въ углу простая кровать и на ней — вообрази мое удивленіе! — женщина въ бѣломъ платьѣ — и кто же? Лиза! Я говорилъ тебѣ, что кровь замерзла въ моихъ жилахъ — но это не выражаетъ ужаса, которой я тогда ощутилъ. Казалось, тысяча ледяныхъ иголокъ пронзили меня съ головы до ногъ, холодный потъ застылъ на сердцѣ, и если я тогда не упалъ — то обязанъ этимъ одному оцѣпенѣнію . . . это былъ задатокъ разрушенія въ часъ смертный.

Но все', что имѣетъ начало, должно имѣть конецъ. Разсудокъ проговорилъ, сердце оттаяло, и я съ недоумѣніемъ и страхомъ протиралъ глаза, чтобъ увѣриться, не грѣза ли это; нѣтъ! бѣлое привидѣніе недвижимо лежало передо мной, будто въ глубокой тоскѣ, въ

непробудимой задумчивости. Прелестное, но блѣдное лицо было полузакрыто свѣтлорусыми локонами. Я долго смотрѣлъ на это явленіе, колеблемъ между истинной и заблужденіемъ — ступилъ шагъ — незнакомка подняла глаза, и тутъ ужъ я убѣдился, что столько жизни не могло сосредоточиться въ мертвецѣ . . . я прервалъ безмолвіе — я сказалъ ей, кто и почему я здѣсь . . . Теперь угадай, кто была она и какъ туда попала?

— Не могу придумать, отвѣчалъ я.

— И я не вдругъ узналъ это. Милая дѣвушка умоляла меня никому не открывать о встрѣчѣ съ нею. Напрасная просьба! я самъ бы готовъ былъ схоронить отъ цѣлаго свѣта такое сокровище. Нужно ли сказывать, что черезъ полчаса, проведеннаго съ нею, я ужъ былъ влюбленъ по уши? Чудесность, таинственность всего ея быта бросили искру въ сердце — а ея невинность, ея свѣтлый умъ раздули пожаръ. Я выпросилъ у ней позволеніе увидѣть ее еще разъ и еще разъ — но въ замѣну далъ слово дѣлать это съ большими предосторожностями. Черезъ три дня я уже опять спрыгнулъ у крыльца управителя Шурана.

— Дома ли?

— Дома-съ, очень радъ.

Управитель встрѣтилъ меня двусмысленною улыбкою.

— Не прикажете ли подать топоръ и свѣчь, Григорій Ивановичъ? сказалъ онъ мнѣ.

— Зачѣмъ это? возразилъ я, смутившись.

— Для ночнаго путешествія въ ональный домъ, отвѣчалъ онъ. Григорій Ивановичъ, я все знаю. Васъ ждутъ съ нетерпѣніемъ — только позвольте чтобъ въ этотъ разъ я былъ проводникомъ вашимъ. Онъ пошелъ впередъ, не ожидая отвѣта — а я такъ смущенъ былъ неожиданнымъ этимъ привѣтствіемъ, что шелъ сзади его, какъ на сворѣ.

Когда приблизились мы къ роковой двери, сердце у меня вспрыгалось, будто заяцъ подъ ружьемъ стрѣлка... Незнакомка встрѣтила насъ еще прелестнѣе, чѣмъ прежде... я таялъ, на нее глядя — самолюбіе мое лакомилось пылкимъ румянцемъ красавицы.

— Григорій Ивановичъ! сказалъ управитель: прошу любить и жаловать тетку вашу... вы видите дочь Елисаветы Андреевны, Елисавету Павловну Баянову! Я отступилъ отъ изумленія три шага назадъ... Мысли и чувства такъ были превращены этимъ неожиданнымъ, непонятнымъ объясненіемъ, что я стоялъ долго, растворивъ ротъ, какъ будто бы я глоталъ

чужія слова вмѣсто того, чтобъ произносить ихъ самому.

— Управитель продолжалъ: Бракъ г-на Баянова съ родственницей вашей княжной Х—ой, совершенъ былъ неразрывно. Его утаили, но уничтожить не могли. Дѣвица, которую изво-лите видѣть передъ собою, родилась во время заключенія Елисаветы Андреевны и названа была ея именемъ. Покойникъ князь имѣлъ свои причины скрыть поворожденную, и поручилъ мнѣ отдать ее на воспитаніе въ какую нибудь дальнюю деревню. Мнѣ стало жаль малютки — я свезъ ее къ брату своему, бѣдному помѣщику въ Вятской губерніи: онъ былъ бездѣтенъ, и принялъ покинутую, какъ небесный гостинецъ. Выкормилъ, воспиталъ ее, какъ видите. Никто не зналъ о томъ ни крошки: все дѣло шло самымъ тайнымъ образомъ. Кого вязали свои дѣла, кого княжія деньги или угрозы. Умеръ и князь — да остались его наследники — заводить съ ними тяжбу пугало и меня, не смотря на упреки совѣсти: я и самъ былъ въ этомъ дѣлѣ виноватый, хоть невольно. Мѣсяцъ передъ симъ потерялъ я брата, а Елисавета Павловна своего воспитателя . . . недѣлю назадъ пріѣхала она сюда. Я крѣпко плакалъ по добромъ братѣ своемъ — и не утѣшился бы, если бѣ

не было со мной этого ангела. Между тѣмъ (между нами будь сказано) любезная Елизавета Павловна начиталась всякой всячины — то и дѣло просится посмотреть того мѣста, гдѣ жила и скончалась ея матушка. Какъ отказать!! На бѣду эта компанія ей до того полюбилась, что не вызовешь. Днемъ ходить сюда — пошли бы разные толки, а намъ надо было молчать о ея родѣ до поры, до времени. Вотъ она и стала плакать здѣсь по матери ночью. Не осердитесь, любезнѣйшій Григорій Ивановичъ, что, заступаясь за правду и за правую душу, я выхлопоталъ всѣ законныя свидѣтельства для иска наслѣдства Елисаветы Павловны: можетъ прійдетъ и вамъ поплатиться — да ей главное — дорога материнская слава, и свое доброе имя, которыхъ иначе нельзя выправить, какъ передъ зеркаломъ. Что нередъ вами таиться? — Елизавета Павловна нашла себѣ по сердцу суженаго, и это всего больше заставило меня поспѣшить развязкою. Ваше неожиданное посѣщеніе крѣпко встревожило мою гостью. Я съ своей стороны счелъ за лучшее сказать вамъ все откровенно. Я знаю вашу благородную душу! — И не ошиблись въ ней! — вскричалъ я, обнимая почтеннаго, простодушнаго старика.

И не ошиблиесь! . . . По праву родства, я обнял и милую свою родственницу — но чего бы я не далъ, чтобы обнять ее, не слышавъ вѣстей, что она родня моя, что она не вѣста другаго!!

Мои мечты, мои надежды рассыпались — но любовь осталась въ сердцѣ. Я избѣгалъ всѣхъ случаевъ видѣть ее — но ея образъ былъ всегда передъ глазами . . . Тому уже прошло пять лѣтъ, другъ мой — но я не могу вспомнить о моей Лизѣ безъ вздоха — она была для меня настоящимъ призракомъ счастья!!

Я сдѣлалъ все, что могъ, для ея счастья — уговорилъ матушку уступить ей свою часть имѣнія, отъ князя X — го доставшагося; — хлопоталъ по судамъ, чтобы признали ее истинною дочерью Баянова — и успѣлъ въ этомъ. Денежный искъ другое дѣло: онъ до сихъ поръ тянется съ сыновьями X — ми. Впрочемъ Лиза вышла за мужъ за того, кого любила, который любилъ ее, который ее любить . . . она пишетъ, что живетъ безбѣдно и счастливо! . . . — а я? . . .

Поручикъ закрылъ лице, но не слезы свои руками . . . грудь его стояла надувшия, но онъ не вздыхалъ, . . . онъ не могъ вздохнуть! . . .

Сердце мое сжалось . . . горячія капли пробились сквозь рѣсницы. Мы оба, молча, склонили свои головы въ плащи.

Такъ заснулъ я.

Съ вечера я отдалъ приказъ быть готовыми къ выступленію къ четыремъ часамъ утра. Рокоть трубы пробудилъ насъ.

Трудно, не смотря ни на какую привычку, съ просонковъ слышать безъ содроганія звуки трубныя: они имѣютъ въ себѣ что-то ужасающее, что-то зловѣщее, что-то пронзающее сердце. Кажется, призывъ ихъ выговариваетъ слова: на брань, на брань; на судъ, на судъ! Первымъ нашимъ движеніемъ было кинуться къ больному кирасиру — онъ спалъ еще крѣпкимъ сномъ; лицо его было посвѣжѣе, хоть все еще блѣдно. Наконецъ перекаты трубы проникли и до его души — онъ встрепенулся, поднялся на руку и съ какимъ-то недоумѣніемъ озирался кругомъ, припоминая, что было, гдѣ и какъ онъ теперь? Неужто онъ еще живъ? было первымъ его вопросомъ.

— Успокойтесь, маіоръ, сказалъ я: если вы спрашиваете про кого нибудь изъ непріятелей — то они всѣ легли на мѣстѣ.

Онъ долго смотрѣлъ на меня, будто взвѣшивая слова мои, будто вглядываясь не только въ мое лицо, но и въ душу. Наконецъ

онъ дружески протянулъ ко мнѣ руку и крѣпко сжалъ ее.

— Я помню васъ, я знаю васъ, сказалъ онъ: коротко было мое знакомство въ вами; дружество будетъ еще короче; за то одно и другое полно. Теперь я будто сквозь сонъ вспоминаю, что со мной случилось вчера. Господа! я чувствую, что странность моихъ поступковъ должна была изумнить васъ . . . я бы желалъ въ свою очередь, въ извиненіе себѣ молвить словцо, другое, о томъ, что привело меня къ этому безумію, да боюсь, чтобъ не задержать похода.

— Я отвѣчалъ, что мои разъѣзды не возвратились еще изъ окрестностей, и потому съ часъ мѣста будетъ досугу поговорить и послушать за стаканомъ чаю.

Если такъ, господа, везразилъ маіоръ: я въ короткѣ расскажу вамъ свою печальную повѣсть. Не многіе часы даны мнѣ на бѣломъ свѣтѣ — я считаю по этому долгомъ открыть добрымъ товарищамъ сердце; можетъ быть, вы повстрѣчаете родныхъ моихъ и передадите имъ мою послѣднюю исповѣдь. Какъ ни тяжело вызывать мнѣ прошлое изъ могилы сердца, но я вызову его, какъ тѣнь Саула, чтобы услышать отъ ней неизбежное пророчество гибели.

— Послушайте.

Здѣсь, въ этомъ самомъ замкѣ, стоялъ я съ артиллерійскою ротою, которою командовалъ. Я любилъ дочь хозяина, я былъ женихомъ ея. Передъ самой свадьбой, больная мать моя захотѣла непременно видѣть меня для благословенія. Я поскакалъ, и заставъ добрую матушку на смертной постелѣ, не отходилъ отъ нея въ теченіе трехъ недѣль, на столикѣ, уставленномъ лекарствами, писалъ я невѣстѣ много и часто, лаская ее, обманывая себя надеждою скорого выздоровленія любимой, уважаемой матери, скорого свиданія съ нею. Богъ судилъ иначе: матушка моя скончалась.

Бессонница, огорченіе, тоска сломили меня: я схватилъ жестокую нервическую горячку. Въ бреду, въ безпамятствѣ, наконецъ въ летаргическомъ разслабленіи пробылъ я почти два мѣсяца. Въ безпамятствѣ, сказалъ я? — Нѣтъ, то было лишь отсутствіе разума, отсутствіе внѣшнихъ чувствъ; но память о разлукѣ, о потерѣ, свинцовой горой лежала на сердцѣ. Нѣмая, но тяжкая, неопредѣленная боль тяготѣла надо мной, подавляла вмѣстѣ душу и тѣло, тѣла, не вспыхивая и не уменьшаясь. Я не ощущалъ хода часовъ, но чувствовалъ долготу времени; оно тянулось, длилось безконечно. Нить этого отчаяннаго

положенія прервалась вдругъ, я очнулся. Все радостное и все горестное слетѣлось въ душу съ первымъ лучемъ свѣта, проникшимъ въ нее — онѣ кинулись на нее будто хищныя птицы, давно голодныя!! Первымъ моимъ желаніемъ было узнать, есть ли письма отъ Фелиціи.— Всѣ молчали: то было молчаніе смерти для всѣхъ надеждъ моихъ. Новый продолжительный обморокъ облилъ меня своимъ холодомъ, онъ поразилъ только что распускающуюся почку силъ. Слабость моя была чрезвычайна, безпамятство часто, выздоровленіе медленно. Восемь мѣсяцевъ протекли съ тѣхъ поръ, какъ я разлучился съ Фелиціею, и вотъ я сталъ на ноги. Боже мой, Боже мой! для чего ты отдалъ мнѣ жизнь, не отдавъ счастья! — Тогда узналъ я то, чего не смѣлъ подозревать, чему бы никогда не повѣрилъ! — Фелиція вышла замужъ за одного изъ дальнихъ своихъ родственниковъ! Съ перваго раза я считалъ ее мертвою, ибо жить и не писать ко мнѣ — были двѣ мысли, которыхъ не могъ я связать вмѣстѣ... Я уже свыкъся съ этою мыслию, какъ люди привыкаютъ къ яду... она была горестна, но не обидна для меня... Можете судить, каково было мое бѣшенство, когда я узналъ невѣрность Фелиціи! Выброшенный взрывомъ гнѣва изъ круга обыкно-

венныхъ страстей, я не зналъ никакой узды, никакихъ границъ. Казалось, адская сила стремилась меня, какъ ядро, на разрушеніе чужое и собственное. Огонь текъ въ моихъ жилахъ; сѣра кипѣла въ груди. Я былъ глухъ на совѣты и увѣщанія совѣсти: я рѣшился убить Фелицію! — Что вы такъ страшно глядите на меня, господа? Постигаете ли вы чувство нетерпимости раздѣла въ любви? Можете ли вы вообразить, можете ли понять, оправдать, по крайней мѣрѣ извинить человека, который скорѣе убьетъ своего соперника, чѣмъ уступить ему любовницу, скорѣе пронзить самъ ея сердце, чѣмъ позволить ему биться на груди другаго? — Если вы не имѣли о томъ мысли, если не слыхали тому примѣровъ — то передъ вами стоитъ тотъ, кто готовъ былъ произвести это въ дѣйство, кто лѣлялъ мечь за любовь, какъ прежде самую любовь — мечь, это страшное наслѣдство страстей необузданныхъ. — Воля, которую не умѣли переломить во мнѣ съ младенчества, разбила мое сердце, да я не ищу извиненій. Богъ, передъ котораго скоро предстану, разсудить, правъ ли я, виноватъ ли я... чему было должно свершиться, свершилось.

Каждый мигъ замедленія былъ мнѣ нестерпимъ: я спалъ и видѣлъ кровь. Я жаждалъ

увидѣть измѣнницу еще однажды и въ послѣдній разъ: этотъ разъ долженъ быть послѣднимъ часомъ въ ея жизни. Я просился, и былъ переведенъ въ кирасирскій полкъ, стоявшій невдалекѣ отсюда. Я сдѣлалъ это потому, что рота моя во время моей болѣзни перешла въ Россію. Полный кровавыхъ замысловъ, я полетѣлъ на роковое свиданіе.

Приближаясь къ замку, я съ звѣрскою радостію воображалъ себѣ ея изумленіе, ея смущеніе передо мною — я предугадывалъ ея извиненія, ея стыдъ при моихъ укорахъ — я наслаждался заранѣе ея ужасомъ при блескѣ лезвья — рѣшимость моя была непреклонна.

Однако, чѣмъ ближе сюда, тѣмъ мягче и мягче становился гнѣвъ мой. Душевная буря опала, кроткія воспоминанія прошлаго счастья овладѣли мною противъ воли. Глухая осень оборвала уже листья съ деревъ сада, за то каждое изъ нихъ одѣто было для меня сладкою поминкою. Я безъ мысли, безъ цѣли перепрыгнулъ на конѣ черезъ рогатку садовую, и на удачу тихимъ шагомъ объѣзжалъ всѣ дорожки, знакомыя глазу и милыя сердцу: все было мрачно и печально и пусто, какъ въ груди моей; павшій листъ хрустѣлъ подъ ногами, и вѣтеръ звучалъ, какъ въ струны, въ замерзлыя сучья; грустна была пѣсня его, но

она лилась, какъ масло на сердце. Осенняя заря разливала свои розовыя сумерки будто на прощанье; она хотѣла разъяснить улыбкою цѣлый день угрюмое небо. И вдругъ совсѣмъ неожиданно наѣхалъ я на сидящую подъ деревомъ Фелицію. — Не умѣю, не смѣю выразить, что тогда случилось, когда я взглянулъ на нее!! Я ожидалъ ее найти въ полномъ расцвѣтѣ прелестей, съ гордымъ самодовольствомъ въ глазахъ, близъ ласкающагося къ ней мужа, или въ толпѣ поклонниковъ... и гдѣ жъ, и какъ нашелъ я ее? Сердце мое облилось кровью: она была худа и одинока! Все, что могутъ страданія душевныя и болѣзни тѣлесныя, написано было на ея блѣдномъ лицѣ. Одна прелесть еще сіяла на немъ, прелесть невинности. Слезы покатались изъ глазъ ея — онѣ растопили мое сердце. Всѣ подозрѣнія, всѣ сомнѣнія, вся увѣренность моя рассыпались при первомъ ея взглядѣ — я упалъ, рыдая, къ ногамъ ея...

Это свиданіе не было послѣднимъ. Я вымолилъ у Фелиціи позволеніе видать ее въ замкѣ по пятницамъ, дни, въ которые Графъ уѣзжалъ обыкновенно въ гости. Живучи въ близи, я узналъ всѣ адскія хитрости, которыми намостилъ онъ себѣ дорогу къ супружеству. Перехватываніе писемъ, ложныя вѣсти,

коварство подъ личиною участія, все было тамъ на мою бѣду. Этого мало. Ему нужна была Фелиція для золота; она стала лишняя, когда онъ получилъ его. Злодѣйская холодность, ядовитые упреки, презрѣніе ко всему, что достойно уваженія въ женщинѣ, въ супругѣ; всѣ огорченія, какія только злоба можетъ выдумать и безчувственная подлость исполнить, отравили ея жизнь, уничтожили здоровье. Она чахла, она разрушалась въ глазахъ моихъ — я видѣлъ, я чувствовалъ это, и перенесъ это — меня подкрѣпляла надежда, жажда мести. Я поклялся прахомъ отца и тѣнью матери, поклялся всѣми страшными и священными клятвами для человѣка, отомстить злодѣю неумолимо. Но я не хотѣлъ смѣшивать съ кровью послѣднихъ минутъ Фелиціи; я молчалъ о моемъ намѣреніи. Звѣзда души моей гасла чиста и невинна!... Такъ блещетъ луна передъ закатомъ своимъ въ зимнюю ночь — мракъ и холодъ окружали меня.

Когда въ послѣдній разъ видѣлъ Фелицію, она предчувствовала свою кончину, и я не могъ ея не предвидѣть. Не знаю, съ чѣмъ сравнить жестокою извѣстность, которая близилась... я былъ внѣ себя... въ безуміи умолялъ я ее — если не суждено намъ еще однажды видѣться здѣсь — чтобы хоть тѣнь

ея явилась передъ тѣмъ днемъ, въ который кончатся мои земныя бури и страданія. Это будетъ разсвѣтомъ моего будущаго блаженства, говорилъ я... дай мнѣ на этой землѣ вкусить небесную радость! — О если бъ это было въ моей власти, отвѣчала она: я бы слетѣла, какъ лучъ, вѣстникомъ соединенія! — Кто любить, тотъ вѣритъ, — возражалъ я — и почему Богъ не исполнить невиннаго желанія людей, рожденныхъ другъ для друга и только страдавшихъ другъ за друга!

Она съ улыбкою пожала мнѣ руку. — Последняя молитва моя къ Богу будетъ объ этомъ, сказала она; — но последняя просьба моя къ тебѣ — не мсти за меня графу! Она не могла кончить рѣчи и лишилась чувствъ — и я долженъ былъ оставить ее въ такомъ положеніи!... Легче, во сто разъ легче было бы мнѣ разставаться съ душею, чѣмъ тогда съ любезною! Она умерла — и не я закрылъ ей очи!... и кто лишилъ меня этого горестнаго утѣшенія, кто, если не Остроленскій? — Последний завѣтъ, последняя воля ея была прощеніе — но могъ ли я простить ему!!

Судьба противостала и злобнымъ и мирнымъ моимъ желаніямъ; вскорѣ послѣ похоронъ Фелиціи она оторвала меня даже отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы я могъ выплакать душу,

какъ цвѣтокъ намогильный. Я былъ посланъ ремонтеромъ на всю дивизію внутрь Малорос-сіи и, воротясь черезъ два года въ полкъ, узналъ, что грабе Остроленскій, обвиненный уголовно за жестокость съ крестьянами, бѣжалъ во Францію, и вступилъ тамъ въ службу Наполеона.

Радостенъ былъ я, когда загорѣлась нынѣшняя война. Мысль кончить по крайней мѣрѣ со славою жизнь безъ счастія, утѣшала меня. Местъ врагамъ, разорителямъ отечества, меня одушевляла, но и собственная, сердечная месть меня не покидала ни въ походахъ, ни въ сраженіяхъ. Приближаясь нынѣ къ мѣстамъ, столь для меня памятнымъ, она заговорила въ душѣ громче, нежели когда нибудь. Я сыпалъ золото, рассылая Жидовъ провѣдать, не здѣсь ли графъ Остроленскій. Вчерась одинъ изъ кровопродавцевъ воротился съ вѣстью, что графъ точно здѣсь и возмущаетъ околотокъ къ отпору. Я выпросился у генерала примкнуть къ вашему отряду, и поскакалъ вслѣдъ за вами съ однимъ ординарцемъ. Остальное вы знаете — кромѣ заключенія! . . .

Тутъ латникъ остановился, глаза его снова засверкали гнѣвомъ и кровь пятнами вступила въ лице . . .

— Я увидѣлъ въ схваткѣ бѣгущаго Графа,

продолжалъ онъ: слѣдилъ, я достигъ его, далеко отъ замка. Конь его застрѣленный мною, палъ и придавилъ собою злодѣя. Палашъ мой сверкнулъ надъ его головою. О! какъ сладки были для слуха моего мольбы врага о пощаду! Подлецъ! онъ не умѣлъ и умереть благородно; онъ не выкупилъ ни одною минутою твердости черной своей жизни. Какъ унижительно выпрашивалъ онъ, будто милостыни, чтобъ я далъ ему время раскаяться! — Нѣтъ, злодѣй! я не дамъ тебѣ раскаяться! ты превратилъ въ адъ мое небо — ступай же самъ въ вѣчный адъ! Я могъ бы простить свою собственную, кровную обиду; но тысячи обидъ нанесенныхъ существу драгоцѣннѣйшему для меня всего на свѣтѣ, съ которымъ ты разлучилъ меня — этого не могъ, и не долженъ былъ я простить. Это было выше души моей — я съ ожесточеніемъ воизилъ ему въ грудь свой клинокъ.

Въ это время вошелъ вахмистръ мой съ рапортомъ и за приказаніями для похода.

— Спрашивай о томъ у г-на маіора, сказалъ я, указывая на латника.

Онъ вскочилъ.

— У меня одно приказаніе для вашего отряда, г-нъ ротмистръ, отвѣчалъ онъ: одна просьба до васъ вашихъ — велите зажечь за-

мокъ со всѣхъ сторонъ, — хочу, чтобъ и самая память Остроленскаго погибла подъ пепломъ!

Я склонилъ голову въ знакъ согласія; — скоро зазвучала труба. Мы едва успѣли сѣсть на коней, какъ замокъ вспыхнулъ столпомъ. Латникъ долго ѣхалъ, оборотясь назадъ, будто любовался пожаромъ; но когда лѣсъ заслонилъ насъ даже и отъ дымнаго облака, онъ впалъ въ глубокую думу; мы не хотѣли докучать ему нескромнымъ участіемъ, и ѣхали тихо, безмолвно.

Вдругъ мой латникъ будто проснулся отъ сна.

— Господа! произнесъ онъ: прошу васъ, какъ товарищей, отошлите этотъ кошелекъ въ мой эскадронъ. Пускай поминаютъ меня мои добрые кирасиры! Отправьте также эти бумаги къ брату моему (онъ назначилъ адресъ) — онѣ будутъ ему весьма нужны... наконецъ простите меня сами — не осуждайте память мою — сегодня, непременно сегодня я буду убитъ! Тѣнь Фелиціи посѣтила меня въ прошлую ночь!

Мы изумились, слыша, съ какимъ увѣреніемъ говорилъ человѣкъ воспитанный о предчувствіяхъ, о явленіяхъ по смерти.

Впрочемъ мы очень осторожно старались разуверить его.

— Вы видѣли портретъ Фелиціи, маіоръ, а сонъ могъ продлить заблужденіе. Кровь ваша была вчерась такъ взволнована, такъ воспалена! сказалъ я.

Латникъ горько улыбнулся.

— Господа! отвѣчалъ онъ: можетъ быть я не могу такъ же красно, какъ вы, толковать о живости предчувствій, о невозможности сообщенія живыхъ съ умершими... но я вѣрилъ этому такъ жадно, такъ долго — эта вѣра была моею отрадою — какой-то голосъ въ душѣ говоритъ мнѣ, что я не обмануть. Отечеству посвятилъ я жизнь мою — но умереть хочу для себя! За границею этого міра ожидаетъ меня Фелиція!!

Болѣе не молвилъ онъ ни слова.

Подъ вечеръ вышли мы на Виленскую дорогу и соединились съ главнымъ отрядомъ славнаго нашего Сеславина, — къ ночи налетѣли мы на Ошмяны — тамъ былъ самъ Наполеонъ.

Не смотря на превосходство Французовъ въ силахъ, мы ударили въ нихъ, какъ громъ. Самъ начальникъ нашъ съ Ахтырцами врубился въ средину города — мы ворвались туда со всѣхъ сторонъ; крикъ, — тревога, — пальба —

сабли и штыки въ работѣ, но темнота, подарившая насъ побѣдою, укрыла Наполеона отъ поисковъ нашихъ. Если бѣ мы знали мѣсто ночлега, Ошмяны бы были Геркулесовскими столбами его поприща.

Но видно, судьба судила иначе — онъ у-скакалъ.

На завтра, на разсвѣтъ, я съ поручикомъ Зарницкимъ выступалъ изъ Ошмянъ въ арріер-гардъ нашего летучаго отряда. На улицахъ лежали еще трупы убитыхъ; многіе дома дымились послѣ пожара... живые прятались по угламъ. Мы тянулись черезъ площадь, на которой Французы держались упорнѣе прочихъ мѣстъ. Тѣла лежали на тѣлахъ ободранныя, обезображенныя. Вдругъ Зарницкій осадилъ коня, спрыгнулъ съ него и припалъ къ какому-то трупу...

—Боже мой! сказалъ онъ: посмотри, Жоржъ, это нашъ латникъ!

Въ самомъ дѣлѣ то былъ онъ, и обнаженъ весь; кирасъ его брошенъ былъ не далеко въ грязи, но каска на головѣ и палашъ въ стиснутой рукѣ остались. За оружіемъ никто не гнался. На тѣлѣ его видны были нѣсколько ранъ пулями и штыками. Выраженіе лица его сохранило еще гордость и угрозу — но на немъ не видѣлось ни слѣда страстей,

обуревавшихъ его молодость — оно было свѣтло и спокойно.

— Нашелъ ли ты миръ, котораго не зналъ въ жизни? сказалъ я, качая головою.

— Дай Богъ! прибавилъ Зарницкій: чудный человекъ! ты задалъ мнѣ чудную загадку. Въ самомъ ли дѣлѣ тѣнь Фелиціи была вѣстницей твоей смерти, или вѣра въ заблужденіе заставила найти ее?

— Не пройдетъ, можетъ статья, трехъ часовъ — и Французская пуля разрѣшитъ кому нибудь изъ насъ эту тайну, возразилъ я.

Задумавшись, стояли мы надъ тѣломъ убитаго товарища . . . эскадронъ прошелъ . . . звукъ трубы вызвалъ насъ изъ забвенія.

Мы вспрыгнули на коней и, молча, поскакали впередъ.

ЗАМОКЪ ВЕНДЕНЪ.

(Отрывокъ изъ дневника гвардейскаго
офицера.)

Говорятъ, карьеру въ перемѣну, и полкъ
идетъ стаять въ Венденъ.

И такъ и увижу сей столичный городъ
древняго Ливонскаго рыцарства, искони зна-
менитый битвами, осадами, ужасными пожарами
грабнями, запечатанный кровью основателя,
Вильго-фонъ-Корнелъ, первый магистръ Кресто-
носнаго Ордена, построивъ Венденъ, и въ
замокъ въ Ливонію*. Любуясь величавою
стѣною, онъ не замечалъ, что онъ скоро

* Прокъ Пондеса, построившаго въ 1200 году, былъ
выстроены башни: Сигмундъ и Адамъ.

обретавших его молодость — оно было уютно и спокойно.

— Нашел ли ты царя, которого не знаешь жизни? сказала я, сейчас же.

— Да, Бог! прибавил Заринский, чудный человек! ты владеешь мне чудную загадку. Неужели же для тебя Фелиция была истинной твоей смертью, или была ли заблуждение, оставила жить ее?

— Не пройдет, может быть, трех часов — и **ЗАМОКЪ ВЕНДЕНЪ** будет изъяснен, возразил я.

Замечая, что мы не могли понять (Описание замка Венден, замечая, что мы не могли понять) звук трубы задал (описание) задал.

Мы поспешно двинулись вперед, и, наконец, вошли в замок.

Маія 23, 1821 года.

Говорятъ , маршрутъ перемѣненъ , и полкъ нашъ станетъ въ Венденъ.

И такъ я увижу сей столичный городъ древняго Ливонскаго рыцарства , искони знаменитый битвами , осадами , усѣянный костями храбрыхъ , запечатлѣнный кровію основателя. Винно-фонъ-Рорбахъ , первый магистръ Меченоснаго Ордена , построилъ Венденъ , первый замокъ въ Ливоніи *. Любуясь величавыми его стѣнами , онъ не мыслилъ , что онъ скоро

* Кромѣ Вендена , построеннаго въ 1204 году , онъ выстроилъ замки : Сегевольдъ и Атерадень.

обратятся въ его гробъ ; не думалъ , что трофеи побѣдъ станутъ свидѣтелями его смерти, и смерти безславной.

Рыцари , воюя Лифляндію , покоряя дикарей , изобрѣли все, что повторили послѣ того Испанцы въ Новомъ Свѣтѣ на муку безоружнаго человѣчества. Смерть грозила упорнымъ, унижительное рабство служило наградой покорности. Напрасно папы гремѣли проклятіями на хищниковъ священныхъ правъ человѣчества , вотще напоминали крестоносцамъ ихъ обѣтъ братской любви къ побѣжденнымъ, пріившимъ крещеніе , и кротости съ обращаеми въ христіанство : кровь невинныхъ лилась подъ мечемъ воиновъ и подъ бичами владѣльцевъ. Вооружаясь за священную правду, рыцари дѣйствовали по видамъ алчнаго своекорыстія или звѣрской прихоти. Старшины Ордена примѣромъ своимъ вливали соревнованіе въ подчиненныхъ; жестокость служила правомъ къ возвышенію , и Рорбахъ не даромъ былъ магистромъ.

Однажды, въ красный день осени, со стаей собакъ , выѣхалъ онъ полевать въ лугахъ и лѣсахъ сосѣднихъ.

Людная дворня толпилась вокругъ его : доѣзжачіе , вооруженные копыями , скакали на Литовскихъ коняхъ, съ гордостью грызущихъ

непривычное имъ желѣзо мундштука германскаго ; стремянные , съ ножами за поясомъ , вели на смычкахъ любимыхъ собакъ господина , и старый ловчій съ звонкимъ рогомъ за спиною , на Крымскомъ жеребцѣ * , поодаль слѣдовалъ за охотниками , и каждому назначалъ мѣсто , когда гончіе изъ острова выгонять зайца , или поднять съраго волка или хитрую лисицу. Окрестнымъ носелянамъ приказано было оставлять работы свои и спѣшить въ лѣсъ , чтобы крикомъ выгонять робкихъ его обитателей.

— Вассалы рыцаря Вигберта-фонъ-Серрата не слушаютъ твоихъ приказаній ! сказали магистру его посланцы , и магистръ закипѣлъ гнѣвомъ , поскакалъ къ ослушникамъ , и бичи засвистѣли надъ ихъ головами.

— Остановись , Рорбахъ ! вскричалъ Вигбертъ , приближаясь къ магистру : остановись ! — я не велѣлъ имъ тебя слушаться.

— Тѣмъ хуже для тебя , Серратъ !

— Но тѣмъ страннѣе , что ты наказываешь ихъ за повиновеніе къ владѣльцу.

* Рыцари покупали коней наиболѣе у Литовцевъ , а сіи , имѣя стычки съ Крымцами , могли доставать лошадей Крымской породы , особенно уважаемыхъ за быструю скачку.

— Фонъ-Вигбертъ, кажется, не въ шутку вступается за этихъ бездѣльниковъ.

— Для меня нѣтъ тамъ шутокъ, гдѣ страдаетъ человѣчество. Неужто для одного наружнаго украшенія начертали мы кровавый крестъ на груди своей? Крестъ, символъ благодати и терпѣнія?

— Терпѣнія — для вассаловъ? Эти получеловѣки служатъ, покуда у нихъ рогатки на шеѣ и страхъ надъ головою! Коротко и ясно, Вигбертъ, не у тебя перваго, не у тебя послѣдняго я это дѣлаю: повинуйся . . .

— Другіе мнѣ не указъ. Пусть они подражаютъ тебѣ, пусть тебя превосходятъ; я ставлю въ честь быть защитникомъ моихъ вассаловъ, и не поущу угнетать ихъ никому, ни для чего. Одному удивляюсь, магистръ, что ты, избранный нами въ блюстители правосудія, нарушаешь всѣ его законы!

— Рыцарь! я не прошу твоихъ совѣтовъ, не хочу слушать выговоровъ; но ты обязанъ слушаться приказовъ магистра.

— Вѣрю, магистръ, что ты не охотникъ до правды; но терпѣнье мое вырвалось изъ границъ. Я молчалъ, когда ты тенетилъ серпъ въ рощахъ моихъ, на моихъ заповѣдныхъ лугахъ травилъ зайцевъ; но теперь, когда Богъ даетъ селянамъ погоду, а ты отрываешь руки

отъ безцѣннаго труда , когда топчешь конями хлѣбъ , орошенный кровавымъ потомъ , когда , наконецъ , казнишь подданныхъ за послушаніе къ власти , я долженъ былъ высказать , что сказалъ.

— А я сдѣлаю , что дѣлалъ. — Рыцарь фонъ-Серратъ ! властію магистра приказываю тебѣ послать вассаловъ своихъ , куда мнѣ вздумается.

— Рорбахъ ! Винно фонъ-Рорбахъ ! вспомни , что ты говоришь ? Для того ль облеченъ ты властію , чтобъ употреблять ее на смѣхъ ? Магистръ Меченоснаго Ордена посылаетъ — гонять зайцевъ !!

— Дерзкій ! ты забываешься. Последній разъ говорю тебѣ : повинуйся !

— Требуя излишняго , ты потерялъ должное ; не повинуюсь.

— Возмутитель , бунтовщикъ ! или не узнаешь во мнѣ магистра ?

— Не узнаю , привыкши видѣть магистровъ на полѣ ратномъ или въ судѣ правды — не съ арапниками , не въ разбоѣ.

— Вѣдаешь ли , грубіянь , чему подвергаешься ты неуваженіемъ къ этой мантии ?

— Я только жалѣю , что она кроетъ чело-вѣка , который долженъ напоминать о своемъ санѣ , забывая свой долгъ. Вижу въ ней до-

стоинство Ордена, и не вижу въ тебѣ чести рыцарской . . .

— Презрѣнная тварь! благодари судьбу, что со мною нѣтъ меча моего . . .

— Малодушный хвастунъ! хвались храбростію передъ Эстами, разгоняемыми звукомъ шпоръ; но мое стремя не дрожало въ бояхъ, копье не опиралось на крюкъ* въ турнирахъ, между тѣмъ какъ сѣдло твое часто холодѣло безъ тебя, поверженнаго въ пыли . . .

Магистръ не могъ снести послѣдняго укора.

— Подлецъ! вскричалъ онъ въ запальчивости: за твою дерзость, за твои мнѣнія, ты стоишь рабскаго наказанія. Съ симъ словомъ, онъ ударилъ бичемъ безоружнаго Вигберта.

Внѣ себя, окаменѣвъ, скрежеща зубами отъ гнѣва, стоялъ Серратъ; — и магистръ былъ уже далеко, когда чувства изступленія излились въ клятвахъ и угрозахъ. —

Вотъ письмо, написанное имъ къ магистру рукою капеллана**.

* Подъ правымъ плечомъ рыцарской кирасы приделывался желѣзный крючокъ, на который, для твердости въ рукѣ, упирали рыцари средину ланца, взявши его на перевѣсъ (en ârret).

** Рѣдкіе изъ рыцарей умѣли грамотъ, и домовые капелланы исправляли у нихъ должность секретарей.

Благородный рыцарь Вигбертъ фонъ-Серратъ

къ Рорбаху.

Обида моя требуетъ крови, и я повергаю перчатку къ ногамъ обидчика. Пусть огромень щитъ Рорбаха, за то не коротокъ и мечъ мой. Берегись отвергнуть бой честный: кто обижаетъ и не даетъ отвѣта копьемъ, тотъ стоитъ смерти разбойника. Въ случаѣ отказа — клянусь честію рыцарскою — послѣдняя капля крови Рорбаховъ застынетъ на моемъ кинжалѣ.

Магистръ отвѣчалъ слѣдующимъ:

Магистръ Ливонскаго Мезеноснаго Ордена, наместникъ Рижскаго епископа и владѣлецъ многихъ замковъ, Винно Родольфъ фонъ-Рорбахъ.

Вигберту.

Мнѣ низко нагибаться за твоей перчаткой. Щитъ отцевъ моихъ широкъ не изъ робости, но для герба, который чистили твои предки; а мечами развѣ тогда мы помѣряемся, когда петля, тебя ожидающая, станетъ почетнѣе золотой магистерской цѣпи. Поѣзжай лучше, Серратъ, въ Ли-

тву, искать по себѣ сопротивниковъ; тамъ, говорятъ, за битаго даютъ двухъ небитыхъ. Что жъ до угрозъ твоихъ, онѣ мнѣ забавны. Я слишкомъ презираю тебя, чтобы страшиться.

Венденъ.

— Ты произнесъ свой приговоръ, презрѣвъ судъ Божій благословеннымъ оружіемъ *, сказалъ Серратъ, и послѣдняя слеза до сихъ поръ невинной совѣсти канула на убійственное лезвие кинжала.

День на-вечеръ, солнце тихо садится, и лучи его, какъ бы не-хотя, меркнутъ въ цвѣтномъ зеркалѣ оконъ Венденскихъ. Зарево гаснетъ — угасло, и холодный туманъ уже встрѣтился съ мракомъ востока.

Ужинъ въ замкѣ окончился; тяжкій стаканъ празденъ, и магистръ, какъ домоводъ, на дубовыхъ креслахъ, среди кубіасовъ **, вооруженныхъ хвостатыми бичами, отбираетъ отчетъ дневной работы, назначаетъ утреннюю, распредѣляетъ кары. Угрозы его вторятся го-

* Такъ мыслили въ тѣ варварскія, непросвѣщенныя времена. Всякая распря, всякая обида рѣшалась оружіемъ, и побѣдитель считался оправданнымъ самимъ Судіею Небеснымъ.

** Кубіасъ — староста.

тическими сводами и заставляют трепетать подобострастных вассаловъ. Наконецъ пaterъ возвышаетъ голосъ вечерней молитвы, и всѣ домашніе на колѣнахъ читаютъ за нимъ Credo и Ave Maria. Земные поклоны заключаютъ молитву; каждый цѣлуетъ распятіе, и вотъ огни замелькали по коридорамъ, голоса едва перешептываются съ отголосками; но скоро умолкаетъ самый шелестъ шаговъ, и мертвый сонъ воцарился повсюду.

Золоторогій мѣсяцъ едва свѣтитъ сквозь облако; дремлющій лѣсъ не шелохнетъ, и черная тѣнь башенъ недвижно лежитъ на поверхности водъ. Изрѣдка дуновенье вспорхнувшего вѣтерка струитъ складки знамени гермейстерскаго и, низпавъ, онѣ снова объемлютъ древко. Одно мѣрное бречанье палаша часоваго раздается по стѣнамъ замка. То, опершись на копье, онъ погружаетъ наблюдательные взоры свои въ темную даль, — то въ мечтахъ объ оставленной родинѣ, о далекой невѣстѣ, напѣваетъ старинную пѣсню. Онъ поетъ :

О звуки грустные, летите
Къ моей красавицѣ, Бригитѣ!
Давно меня мой добрый конь
Умчалъ дорогою чужой;
Но не погасъ любви огонь
Подъ тяжелой бронею стальною.

А ты, въ родимой сторонѣ,
Вѣрна, иль измѣнила мнѣ?

Въ походахъ дальнихъ, на пирахъ,
Опершись въ боевое стремя,
Ты мнѣ казалася въ мечтахъ :
Я вспоминалъ бывшее время,

Наявѣ съ милой и во снѣ ;
А ты грустишь ли обо мнѣ?

За честь твоихъ, Бригита, глазъ,
Не первый ланецъ изломался,
И за тебя твой шарфъ не разъ
Моею кровью орошался.

А ты, въ далекой сторонѣ,
Готовишь ли награду мнѣ?

Богатый изумрудъ сверкалъ
На нѣжной шеѣ дѣвы плѣнной, —
Я для тебя его сорвалъ,
Рукой любви неизмѣнной.

Для золота, для красоты,
Ужель мнѣ измѣнила ты?

Я видѣлъ смерть не вдалекѣ :
На камняхъ Сиріи печальной,
Мой конь споткнулся — и въ рукѣ
Мечъ разлетѣлся, какъ хрустальной,

Булатъ убійственный блисталъ,
Но я Бригиту призывалъ !

А ты ?

Блудящій огонь по болоту приводитъ его въ суевѣрный страхъ, и онъ, стыдясь боязни своей, закутывается въ плащъ, будто пропикнутый холодомъ.

Но чья тѣнь мелькаетъ въ парахъ, измѣняющихъ току рѣки въ глуши дикаго лѣса? Не привидѣніе ли то, стражъ клада князей Герсики*, погибшихъ въ дебряхъ? Или то мстительный вайделоть** исторгается въ часъ полуночи, для призванія чарами адскихъ духовъ на сгубу пришельцевъ — разрушителей Перкуна? Но грудь его не обвѣшена волшебными кольцами, одежда не сходствуетъ съ одеждою Эстовъ; его огромный станъ покрытъ синею германскою епанчею.

Можетъ быть, то запоздалый охотникъ спѣшитъ къ очагу, гдѣ розовый пламень крутится вокругъ кипящаго котла; но гдѣ жъ его стрѣлы? гдѣ его чуткіе псы?

Нѣтъ, это не запоздалый стрѣлецъ.

Онъ не ищетъ, но крадется самъ, тихо сту-

* Альбертъ сжегъ Герсику въ 1208 году. Всеволодъ, князь оной, спасся бѣгствомъ; многіе изъ приближенныхъ къ нему послѣдовали ему и, вѣроятно, погибли въ лѣсахъ при-Двинскихъ, вмѣстѣ съ унесенными сокровищами. — Народное жъ мнѣніе, будто надъ кладами блуждаютъ привидѣнія, живетъ и до сихъ поръ.

** Вайделоты — жрецы и вмѣстѣ волхвы Эстонскіе.

пая по хрупкому листу. По яростнымъ взорамъ, вырывающимся изъ-подъ бровей, скорее можно принять его за разбойника, замышляющаго грабежъ; но латами вытертый колетъ изъ замши, рыцарскій воротникъ видны подъ епанчею, и бляхи желѣзной перчатки сверкаютъ, когда онъ разводитъ вѣтви, преграждающія путь.

Такъ, это рыцарь, хотя шпоры не гремятъ на полусапожкахъ его и перья не волнуются надъ головою.

Уже неизвѣстный рыцарь на краю рва — онъ измѣряетъ взоромъ преграды — и я узнаю въ немъ Фонъ-Серрата.

— Высоки стѣны твои, Рорбахъ! мыслить онъ: но выше ихъ рѣшимость человѣческая; широки рвы замка, но крылатъ вымыселъ местности; число твоей стражи велико — тѣмъ больше ея безпечность.

Серратъ вяжетъ и повергаетъ нѣсколько сноповъ въ воду. Съ отвагой въ душѣ, подъ кровомъ тумановъ, плыветъ онъ по дремлющей глубинѣ, уже готовъ схватиться за рѣшетку отдушны; но скользкій плоть измѣняетъ, рыцарь погружается въ воду . . . дикая утка, испуганная шумомъ, съ крикомъ улетаетъ прочь, и стражъ, внемля свисту крыль ея, не дивится, что ему почудился плескъ волны.

Но рыцарь выплылъ, и, вонзая кинжалъ въ пазы, уже взбирается на стѣну, лѣпится по неровностямъ камней, и вотъ виситъ подъ верхнимъ поясомъ. Силы ему измѣняются, нога скользитъ — еще мигъ, и онъ оборвется; но онъ уже на верху.

Проснись, Рорбахъ, или часъ твой близокъ! Ужели не слышишь крика ласточки надъ окномъ твоимъ? не слышишь граянія воронъ, тучей поднявшихся съ башенъ замка?

Нѣтъ! пагубный сонъ тѣснитъ магистра въ объятіяхъ. Оконницы вырваны съ петель, холодный воздухъ свѣваетъ пыль съ завѣсы и пламя лампы трепещетъ, шаги убійцы звучать, — но онъ спитъ, и желѣзная перчатка Вигберта упала на плечо его прежде, чѣмъ открылъ онъ глаза свои; открылъ — и вѣки, будто свинцовыя, снова закрылись. Въ волненіи ужаса и надежды, ему кажется блѣдное лице Серрата будто въ сновидѣніи или въ мечтѣ; но зловѣщій голосъ, какъ звукъ судной трубы, возбудилъ и омертвилъ его разомъ.

— Мщеніе и смерть магистру! прогремѣлъ Серратъ, стаскивая его съ постели: смерть, достойная жизни! Напрасно блуждаешь ты взорами окрестъ — помощь далека отъ тебя, какъ отъ меня состраданье. Отъ чего жъ тре-

пещешь ты, подлый обидчикъ, воинъ среди поселянъ, безстрашный съ своимъ капелланомъ? Для чего пресмыкаешься, гордецъ передъ врагомъ презрѣннымъ? Меня не смягчатъ твои просьбы, не поколеблѣютъ угрозы — ты не вымолишь прощенія! да и стоитъ ли его тотъ, кто дважды лишилъ меня чести, а дѣтей моихъ добраго имени. Пусть я умру на плахѣ убійцею; за то щитъ мой не задернется безчестнымъ флеромъ на турнирахъ, и мой сынъ, не краснѣя за трусость отца, подниметъ наличникъ для полученія награды. Ты презрѣлъ вызовъ мой, не хотѣлъ честно преломить копья съ обиженнымъ, — узнай же, какъ платить за обиды Серратъ!

Съ симъ словомъ ринулся онъ на магистра; но отчаяніе зажгло въ немъ мужество, и ужасный вопль огласилъ своды.

Смѣло схватилъ онъ грозящее лезвее, и сдавилъ Серрата мощными руками. Цѣпенѣя отъ ярости, грудь на груди смертельнаго врага, рыцари душатъ другъ друга. Местъ воспламеняетъ Вигберта, страхъ смерти сугубить силы магистра — они крутятся, скользятъ и падаютъ оба! Идутъ, идутъ спасители — оружіе гремитъ, крики ихъ раздаются по коридорамъ; съ трескомъ упали двери, воины магистра съ

мечами и факелами ворвались въ комнату . . .
но уже поздно !

Кровь Рорбаха оросила помость — преступленіе свершилось !

Не стало магистра , но власть его осталась,
и самосудный убійца , растерзанный муками,
погибъ на колесѣ *.

Ненавижу въ Серратѣ злодѣя ; но могу ли
вовсе отказать въ состраданіи несчастному,
увлеченному духомъ варварскаго времени, си-
лою овладѣвшаго имъ отчаянія ? . . .

* Описанное здѣсь происшествіе случилось въ 1208
году.

... и вдали и вблизи и вдали и вблизи
... и вдали и вблизи и вдали и вблизи

Ирина Рубина встала поспешно —
... и вдали и вблизи и вдали и вблизи

Не стало мажора, но вдали и вблизи
... и вдали и вблизи и вдали и вблизи

Ирина Рубина встала поспешно —
... и вдали и вблизи и вдали и вблизи

Ирина Рубина встала поспешно —
... и вдали и вблизи и вдали и вблизи

Ирина Рубина встала поспешно —
... и вдали и вблизи и вдали и вблизи

Съ сими словами ринулся онъ на мажора;
... и вдали и вблизи и вдали и вблизи

Ирина Рубина встала поспешно —
... и вдали и вблизи и вдали и вблизи

РЕВЕЛЬСКІЙ ТУРНИРЪ.

Въ Ревель въ началѣ зимы
иногда бывали турниры, въ
которыя участвовали всѣ
дворяне, и въ томъ числѣ
и князь Ревельскій. Въ
этомъ году турниръ
былъ назначенъ на
праздникъ св. Валентина.

Въ этотъ день въ Ревель
приехали изъ Петербурга
и изъ Москвы нѣсколько
дворянъ, и всѣ они
приняли участіе въ
турнирѣ. Въ этотъ день
въ Ревельскій турниръ
приняли участіе нѣсколько
дворянъ, и всѣ они
приняли участіе въ
турнирѣ. Въ этотъ день
въ Ревельскій турниръ
приняли участіе нѣсколько
дворянъ, и всѣ они
приняли участіе въ
турнирѣ.

FEELING IN THE

«Вы привыкли видѣть рыцарей сквозь цвѣтныя стекла ихъ замковъ, сквозь туманъ старины и поэзіи.—Теперь я отворю вамъ дверь въ ихъ жилища, я покажу ихъ вблизи и по правдѣ.

Звонъ колоколовъ съ Олая великаго звалъ прихожанъ къ вечерней проповѣди, а еще въ Ревель все шумѣло, будто въ праздничный полдень. Окна блистали огнями, улицы кипѣли народомъ, колесницы и всадники не разъѣзжались.

Въ это время рыцарь Беригардъ фонъ Буртнекъ спокойно сидѣлъ подъ окномъ въ Ревельскомъ домѣ своемъ, за кружкою пива, разсуждая о завтрашнемъ турнирѣ, и любуясь сквозь цвѣтное окно, на толпу народа, которая притекала и утекала по улицѣ, только

именемъ *широкой*. Судя по бородѣ, по собственному его выраженію, съ серебряною насѣчкой, то есть съ сѣдиною, Буртнекъ былъ человѣкъ лѣтъ 50-ти, высокаго и когда-то статнаго роста. Черты его открытаго лица показывали вмѣстѣ доброту и страсти, незнавшія ни узды, ни шпоры; природное воображеніе и пріобрѣтенное невѣжество.

Зала, въ которой сидѣлъ онъ, обита была дубовыми досками, на коихъ время и червяки вывели предивные узоры. По угламъ, со всѣхъ панелей развѣвались фестонами кружева Арахны. Печка, подобіе рыцарскаго замка, смиренно стояла въ углу, на двѣнадцати ножкахъ своихъ. На лѣво дверь, завѣшенная ковромъ, вела въ женскую половину черезъ трехступенный порогъ. На правой стѣнѣ, въ замѣну фамильныхъ портретовъ, висѣлъ огромный родословный листъ, на которомъ родоначальникъ Буртнековъ, простертый на землѣ, любовался исходящимъ изъ своего лона деревомъ съ разноцвѣтными яблоками. Верхнее яблоко, украшенное именемъ Бернгарда Буртнека, остальнаго представителя своей фамиліи, дородностію своею, въ отношеніи къ прочимъ, величалось, какъ мѣсяцъ передъ звѣздами. Подлѣ него, въ лѣвую сторону внизъ, спускался коронованный кружекъ съ именемъ Мин-

ны фонъ... Безцвѣтность будущаго скрывала остальное, а раззолоченные гербы и арабески, на подобіе тѣхъ, коими блещутъ наши Вяземскіе пряники, окружали дерево поколѣній.

— Нагулялся ли ты, любезный докторъ? спросилъ Буртнекъ входящаго въ комнату Любчанина Лонціуса, который пріѣхалъ на Сѣверъ попытать счастья въ Россіи, и остался въ Ревель, отчасти напуганный рассказами о жестокости Московцевъ, отчасти задержанный городской думою, которая не любила пропускать на враждебную Русь ни лекарей, ни просвѣтителей. Надо примолвить, что онъ своимъ плавкимъ нравомъ и забавнымъ умомъ сдѣлался необходимымъ человѣкомъ въ домѣ Буртнека. Никто лучше его не разнималъ индѣйки за обѣдомъ, никто лучше не откупоривалъ бутылки Рейнвейна, и баронъ только отъ одного Лонціуса слушалъ правду, не взбѣсившись. Ребятъ забавлялъ онъ, представляя на тѣни пальцами разныя штучки и дѣлая зайца изъ платка. Старой тетушкѣ щупалъ пульсъ и хвалилъ старину, а племянницу заставлялъ краснѣть отъ удовольствія, подшучивая на счетъ кого-то милаго.

— Нагулялся ли ты! повторилъ баронъ, отирая съ усовъ своихъ пѣну.

— И съ пользою нагулялся, баронъ, отвѣчалъ весельчакъ - докторъ, выгружая изъ кармановъ своихъ, будто изъ теплицъ, разнообразныя растенія. Вотъ цѣлые пучки лекарственныхъ кореньевъ, собранныхъ мною, и гдѣ бы вы думали? . . . на Вышегородскихъ укрѣпленіяхъ! . . . Эту полынь, напримѣръ, цѣлительную въ видѣ желудочныхъ настоекъ, сорвалъ я въ трещинѣ главной башни; эту ромашку выдернулъ изъ затравки одного ржавого орудія, и я конечно бы собралъ на стѣнѣ гораздо болѣе травъ, если бы комендантскія коровы не едѣлали тамъ прежде меня ботаническихъ изслѣдованій.

— Ну каковы же тебѣ кажутся наши неприступныя, грозныя бойницы?

— Ваши грязныя бойницы, баронъ, мнѣ кажутся неприступными для самого гарнизона, потому что всѣ входы обрушены, а грозны онѣ только издали: половина пушекъ отдыхаетъ на землѣ, на валахъ цвѣтетъ салатъ, а въ башняхъ я право больше видѣлъ запасеннаго картофелю, нежели картечей.

— Да, да . . . это сказать — такъ стыдъ, а утаить — такъ грѣхъ! хорошо еще, что такая оплошность со стороны моря. Вѣдь сколько разъ говорилъ я гермейстеру, чтобы поста-

вить все пушки на дыбы, и не давать растаскивать ядеръ на поварни!

— Славно сказано, баронъ; еще лучше, когда бы это исполнилось. Тогда перестали бы Ревельцы подбивать пріятелей, какъ ихъ подбиваютъ Русскіе, калеными ядрами въ видѣ пирожковъ. Не далѣе, какъ вчерась, я насилу залилъ пожаръ моего желудка, вспыхнувшего отъ подобнаго брандскугеля.

— И заливалъ конечно не водою, докторъ?

— Безъ сомнѣнія, мальвазією, г. баронъ. Неужели вы не знаете, что многія вещества отъ воды разгораются еще сильнѣе? а вашъ дикой перецъ конечно стоитъ Греческаго огня.

Баронъ имѣлъ похвальную привычку соглашаться съ тѣмъ, чего не зналъ. И потому онъ съ важною улыбкою одобренія отвѣчалъ доктору: знаю . . . знаю; но между прочимъ не желая обжечься этимъ Греческимъ огнемъ, онъ подвинулъ къ Лонціусу кружку съ пивомъ и предложилъ ему потушить остатки вчерашняго пожара.

— Тебѣ завтра будетъ вдоволь работы, продолжалъ онъ, сводя разговоръ на турниръ.

— Работы, баронъ? развѣ я кузнецъ! отвѣчалъ

докторъ, вымѣнивая каждое слово на глотокъ пива. Зачѣмъ вамъ хирурги, когда вы ломаете не ребра, а латы! Съ тѣхъ поръ, какъ выдуманы эти проклятые сплошные кирасы, нашему брату приходится вспомнить о своихъ опытахъ, словно сказку о семи Семіонахъ. Велика очень храбрость, залѣзть въ желѣзную скорлупу, да и стоять въ битвѣ наковальной! Право, отъ вашего вооруженія болѣе терпятъ кони, чѣмъ непріатели! . . .

— Полно, полно, Густавъ, хулишь наши брони за то, что онѣ берегутъ насъ отъ вражьихъ мечей и твоихъ ланцетовъ. Спроси-ка лучше у Русскихъ, любятъ ли онѣ имъ! Наши латники гоняютъ кольчужниковъ тысячами.

— Для того-то Русскіе и не ждутъ вашихъ конныхъ бойницъ, а любятъ заставлять васъ по домашнему — въ замшѣ. Сказываютъ, въ Новгородѣ очень дешевы изъ нея перчатки!... оно и не мудрено: отнятое хоть грошемъ, но дешевле купленнаго.

— Вздоръ, Густавъ, небылица! Клянусь своими шпорами, что если бы Русскіе увезли у меня хоть уздечку — я бы нагналъ удалцевъ и выкроилъ изъ ихъ кожъ себѣ подпруги . . .

— У другихъ съ уздечками они уводятъ и

коней, а ни у одного еще рыцаря не видать подпругъ изъ такого сафьяна.

— У прочихъ . . . у другихъ! . . . другіе мнѣ не указъ. Я увѣренъ, что Русскіе не забудутъ встрѣчь со мною подъ Магольмомъ, подъ Псковомъ . . . подъ Нарвою!

— Это и я помню наизусть. Но къ чему толковать намъ о прошлыхъ сраженіяхъ, когда рѣчь завелась о наступающемъ турнирѣ? Не приготовить ли мнѣ перевязку для почтеннаго моего хозяина? Я бы отъ чистаго сердца желалъ, баронъ, чтобы благодѣтельный ударъ вышибъ васъ изъ сѣдла, или чтобы конь вашъ, ревнуя къ славѣ хирургіи — сломалъ бы вамъ руку или ногу. Вы увидѣли бы тогда искусство Лонціуса . . . и хотя бы кости ваши прыгали, какъ игральныя косточки въ стаканъ — я ручаюсь, что черезъ мѣсяцъ вы бы могли сами поднести ко рту кубокъ за мое здоровье.

— Я постараюсь лучше сохранить свое. Нѣтъ, милый мой Лонціусъ, Буртнеку не бросать больше изъ сѣделъ противниковъ! не кстати ему мѣрять плечо съ мальчиками. При томъ же и лѣта отяготили броню мою, а сила руки улетѣла съ ея ударами. Нѣтъ, я не поѣду туда, откуда и не увѣренъ выѣхать. Не заманили бы меня и на эту пирушку, ес-

ли бы не просьбы дочери, и не дѣло съ барономъ Унгерномъ. Гермейстеръ общалъ его на дняхъ окончить.

— Только общалъ? — это не много. Онъ два мѣсяца общаетъ мнѣ пропускъ въ Москву, и до сихъ поръ не даетъ его; хотя я вовсе не прошу г. гермейстера заботиться о здоровьѣ моей головы, которая, по его словамъ, можетъ простудиться отъ обычая снимать тамъ шапки за версту до княжескаго двора, а у забывчивыхъ будто прибавляютъ ихъ гвоздями, чтобы не снесло вѣтромъ. Если онъ и для одноземцевъ такъ же привѣтливъ, какъ для заѣзжихъ, то вы смѣло можете надѣяться, что, являсь сюда съ первыми жаворонками — воротитесь домой позднѣе той поры, когда кулики полетятъ на теплыя воды.

— Можетъ ли это случиться! Мое дѣло такъ ясно, какъ мой палашъ, такъ право, какъ эта правая рука.

— За то баронъ Унгернъ, хоть лѣвою, но крѣпко держится за гермейстера; говорятъ, онъ ему съ родни . . .

— А я съ нимъ развѣ не братъ по Ордену? Нѣтъ, докторъ, о правосудіи не сомнѣваюсь; но желалъ бы поскорѣе убраться изъ Ревеля. Здѣсь не то, что въ деревнѣ . . .

пиры да обѣды, отъ гостей, да въ гости — а смотришь, деньги улетаютъ, какъ время, и долги налетаютъ на шею гирями! . . . Золотыми шпорами своими клянусь, — мнѣ скоро нечѣмъ будетъ клясться, потому что придется заложить ихъ. Нѣтъ ли у тебя, докторъ, какого заморскаго лекарства отъ денежной чахотки?

— Если бъ оно и было, баронъ, то безъ употребленія бы осталось: у кого есть деньги, тому не нужно лекарства, а у кого ихъ нѣтъ — тому не на что купить его. По умственной алхиміи дознался я, что орвіетанъ отъ болѣзней карманнаго рода есть *улыренность*.

За этимъ словомъ, не знаю, съ умысломъ или ненамечено, докторъ такъ громко брякнулъ стопою объ столъ, что яркій звонъ ея будто выговорилъ: я пуста.

— Понимаю, сказалъ съ улыбкою рыцарь: понимаю это правоученіе; но судя по нашей природѣ, оно останется безъ дѣйствія, точно такъ же, какъ и твои пилюли. Между прочимъ, любезный докторъ, не выпить ли намъ бутылочку рейнвейну, хоть это и противно вашему обряду? Говорятъ, каждая въ пору выпитая рюмка рейнвейну отнимаетъ по талеру у лекаря.

— За то каждая бутылка даетъ ему по два. У васъ очень старое вино, баронъ?

— Не много моложе *потона*, г. докторъ; но ты увидишь, что оно совсѣмъ не водяно.

Бернгардъ свиснулъ, и въ ту же минуту вбѣжалъ, не красивенькой пажъ, какъ это водилось у Французскихъ рыцарей, не оруженосецъ, какъ это бывало у Германскихъ паладиновъ, а просто слуга Эстонецъ, въ сѣрой курткѣ, въ лосинныхъ панталонахъ, съ распущенными по плечамъ волосами, вбѣжалъ и смирно остановился у притолки съ раболобно-вопросительнымъ лицомъ.

— Друмме! сказалъ ему Бернгардъ: скажи ключницѣ Каролинѣ, чтобы она достала изъ погреба одну изъ плоскихъ стеклянокъ за зеленою печатью. Я увѣренъ, что она обросла мохомъ и пустила корни въ песокъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Лонціусу (который уже заранѣе восхищался видомъ рейнской бутылки, любимой имъ, по его словамъ, только за то, что она весьма похожа на реторту), — и мы докажемъ доктору, какъ старое вино молодить людей. Да убери эту стопу, Друмме, — слышишь ли, глупецъ!

Друмме, трепеща, подкрался къ столу и

такъ бережно взялся за стопу, какъ будто боясь пролить изъ нея воздухъ.

— Чего ты боишься, истуканъ! грозно закричалъ рыцарь: кружка эта пуста, какъ твоя голова . . . куда, нечесаное животное, куда? чего ты ждешь, что ты смотришь на доктора? — я и безъ него тебѣ предскажу березовую лихорадку за твои глупости. Проклятый народъ! продолжалъ Бернгардъ, провожая Друмме взоромъ презрѣнія: скорѣе медвѣдя выучишь плясать, чѣмъ Эстонца держаться по-людски. Еще такъ въ замкѣ они туда и сюда, а въ городѣ — изъ рукъ вонъ; особенно съ тѣхъ поръ, какъ здѣшняя Дума дерзнула отрубить голову рыцарю Иксулю за то, что онъ въ стѣнахъ Ревельскихъ повѣсилъ часа на два своего вассала.

— Признаться, я не думалъ, чтобы у ратсгеровъ вашихъ стало довольно ума, чтобъ выдумать, и довольно рѣшимости, чтобъ выполнить такой законъ.

— Не мое ремесло разсуждать: глупо это, или умно; я знаю только, что оно бесполезно. Ну что мнѣ законъ, когда я палашемъ могу отразить обвиненіе, или смыть кровью свой же проступокъ! Притомъ безъ золотыхъ очковъ у закона глазъ нѣтъ; повѣшенный

молчить, а живой самъ петли боится*. По этому - то мы отправляемъ вассаловъ своихъ точно также, какъ вы больныхъ — безотвѣтно. За здоровье рыцарей меча и рыцарей ланцета! Каково вино, докторъ? . . .

— Гораздо лучше вашихъ обычаевъ. Еще слово, баронъ: для чего же вы иногда прибѣгаете къ суду въ своихъ обидахъ?

— О, конечно не по уваженію къ законамъ, а отъ того, что сила не беретъ управиться иначе. Отъ того-то и я замаралъ пальцы чернилами въ дѣлѣ съ Унгерномъ.

— И по всей вѣроятности, напрасно.

— Все таки вѣроятность лучше невозможности. Да полно объ этомъ; я терпѣть не могу разсуждать головою, а не руками, и всякой разъ, когда мнѣ случится подумать — у меня такъ болить голова, будто съ двухъ стопъ Русскаго меду. Сыграемъ лучше партію - другую въ пилькентафель**: это разгуляетъ твою заморскую ученость и повеселитъ мое рыцарское сердце.

— И дать движеніе, очень полезное для здоровья. Объ этой игрѣ смѣло можно сказать съ Горациемъ: *utile dulci*.

* Прошу читателя вспомнить о феодальныхъ правахъ.

** Родъ билиарда.

— Пощади, сдѣлай милость, пощади меня
отъ этого язычества; со мною ты смѣло мо-
жешь вѣшать его на гвоздикъ, потому что изо
всей Латыни я только помню и люблю сло-
во : vale.

Такъ говоря, они вышли изъ залы.

II.

На радугъ воображенья
Воздушный замокъ строить онъ;
Его, любви лелѣеть сонъ . . .
Но бьетъ минута пробужденья!

Угадываю любопытство многихъ моихъ читателей, не о яблокъ познанія добра и зла, но о яблокъ родословномъ, именемъ Минны украшенномъ — и спѣшу удовлетворить его, во-первыхъ потому, что я хочу нравиться моимъ читателямъ, во-вторыхъ: не таюсь — люблю поговорить о прекрасныхъ, хотя не умѣю говорить съ ними.

Послушайте.

Минна, единственная дочь рыцаря Буртнека, была прелестнѣйшая дѣвушка. Въ ея время Ливонія болѣе нынѣшняго изобиловала

красотами, но на свѣтло-кудрыхъ сихъ красавицахъ лежала печать безстрастія. Въ тѣни своихъ дѣвичьихъ, онѣ расцвѣтали какъ полныя тюльпаны, блестя, но не благоухая. Удаленныя не обычаемъ, но привычкою отъ мужчинъ, потому что имъ нечего было говорить другъ другу, ихъ занятіемъ были одни пересуды; все ихъ тщеславіе ограничивалось нарядами, все честолюбіе не стремилось выше верхняго конца за столомъ, или краснаго стула на вечеринкахъ. Сердце было у нихъ пятое колесо въ колесницѣ; умъ такая монета, которую никто не могъ оцѣнить, ни размѣнить; а потому эпохи жизни своей онѣ считали отъ балу до балу, и пріятныя воспоминанія повѣряли по расходной книжкѣ. Таковы были почти всѣ красавицы Ливонскія, но не такова была Минна. Природа, по словамъ отца ея — не тростниковый клинокъ одѣла въ такія красивыя ножны. Это, «не знаю что-то милое», одушевляло черты ея лица, — давало величавость ея поступи, ловкость пріемамъ, — сладость рѣчамъ. Изъ голубыхъ ея очей, изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ скользили взоры... но какіе взоры! отъ нихъ вспыхнулъ бы и ледъ. Коротко сказать, Минна была изъ числа тѣхъ красавицъ, которыя поражаютъ красотою и вмѣстѣ плѣняютъ прелестію. Она ра-

но потеряла мать, но мать-природа о ней заботилась. Чтеніе не просвѣтило ее, но книга свѣта была передъ нею, и какое-то понятіе, замѣняющее дѣвицамъ опытность, спасло невинную отъ приманокъ богатства и обольщенія лести. Минна скоро примѣтила, что ея не понимали, что ее любили не такъ, какъ хотѣлось ея возвышенному сердцу, осужденному биться безъ отвѣта; и это невольное уединенное чувство вовлекло ее въ мечтательность. Воображеніе Минны вырывалось изъ скучнаго круга разряженныхъ куколъ, изъ шумныхъ бесѣдъ рыцарскихъ, и рисовало ей свѣтлѣйшія картины счастья; ея сердце вздыхало о какомъ-то неясномъ, но прелестномъ идеалѣ; а сердце въ 18-ть лѣтъ — порохъ; одна смѣлая искра — и прощай спокойствіе.

Между тѣмъ, какъ баронъ съ докторомъ спорятъ, кто изъ нихъ въ лучшемъ ударѣ, сбивая городки пилькентафеля, Минна въ ближайшей комнатѣ готовила наряды къ завтраму. Въ углу за занавѣсомъ, вокругъ длиннаго стола, сидѣли и что-то шили три Эстонскія дѣвушки, съ бисерными повязками на головѣ, съ серебряными бляхами на груди. Старая тетушка Минны дремала въ другомъ углу подъ тѣнію крылатаго чепчика, уставъ бранить по-

выя моды и неумѣныя племянницы по ея одѣваться. Передъ Минною стоялъ бѣлокурый, статный юноша, сынъ одного изъ богатѣйшихъ купцовъ въ Ревелѣ: онъ принесть ей вчера заказанную богатую цѣпочку. Синій бархатный шпесеръ его вышитъ былъ золотою битью; частыя сквозныя пуговицы висѣли, какъ ягоды, по поламъ; золотая бахрама украшала цвѣтные отвороты замшевыхъ сапожковъ, и только недостатокъ шпоръ показывалъ, что онъ не рыцарь; хотя смѣлая осанка и умное лице его давали ему надъ многими изъ нихъ преимущество.

— Такъ вамъ нравится лиловый цвѣтъ, любезный Эдвинъ? сказала Минна, повертываясь передъ зеркаломъ. И вы думаете, что это платье будетъ мнѣ къ лицу?

Прилагательное *любезный* и тогда уже не было лестнымъ, относясь къ низшему; оно и Эдвину напомнило о его состояніи, но сладостно было для его сердца. Однако жъ онъ молчалъ, погруженный въ мечтательное любованіе красотою Минны.

— Пробудитесь, Эдвинъ, сказала она въ половину тронутымъ, въ половину ласковымъ голосомъ.

— Такъ, я грезилъ, Фрейлинъ Минна; простите меня, или лучше, самую себя въ томъ

вините. Отъ звука вашего голоса теряешь умъ прежде, чѣмъ слова дойдутъ до него.

— Мы, кажется, говорили о цвѣтахъ, а не о звукахъ, Эдвинъ!

— Еще разъ виновать, фрейлинъ Минна, — я и забылъ, что дамы болѣе любятъ пестроту, чѣмъ гармонію. На вопросъ вашъ, впрочемъ, буду отвѣчать то же вопросомъ... Какой нарядъ не пристанетъ къ стройному вашему стану, какой цвѣтъ, какое украшеніе можетъ возвысить или измѣнить прелестное ваше лице? Эдвинъ договорилъ это привѣтствіе трепещущимъ голосомъ, но былъ доволенъ, что сказалъ его, конечно болѣе читателя, котораго я прошу, хоть для меня, простить моего героя: во-первыхъ потому, что онъ не читалъ ни одного Французскаго словаря комплиментовъ, а во-вторыхъ, стоялъ предъ прекрасною дѣвушкою, къ которой былъ очень не равнодушенъ. Ахъ! кто изъ васъ не казался порой ученикомъ предъ свѣтскими красавицами? Кто не говорилъ имъ неловкихъ похвалъ? Богъ знаетъ почему: когда разыграется сердце — остроуміе прячется такъ далеко, что его не выманишь ни мольбами, ни угрозами. И что ни говори — я не вѣрю многословной любви въ романахъ.

— Лестъ поддѣльное золото, Эдвинъ; я не беру ее на свой счетъ, сказала Минна.

— Лесть, но не искренность, Минна! Не то ли же самое я сказалъ вамъ, въ чемъ увѣряетъ васъ ваше вѣрное зеркало, въ чемъ (вы видите, что я умѣю говорить правду) — вы и сами не сомнѣваетесь?

— По этому вы считаете меня тщеславною, самолюбивою?

— Я знаю только, что скромность не мѣшаетъ ни зрѣнію, ни слуху... Завтра тысячи голосовъ скажутъ вамъ въ миллионъ разъ болѣе моего.

— Кто завтра вздумаетъ обо мнѣ, когда сюда съѣхались всѣ красавицы, которыми славится Ливонія и блескитъ Ревель!

— И не даромъ блескитъ, фр. Минна. Особенно теперь мы въ правѣ гордиться: первая изъ нихъ украситъ завтрашній турниръ своимъ присутствіемъ, и одушевитъ всѣхъ своимъ взоромъ.

— Кто же эта первая? спросила Минна не твердымъ голосомъ... и для всѣхъ, или только для васъ она кажется такою? не подкуплены ли глаза ваши сердцемъ?...

— Я думаю на оборотъ, фр. Минна: глаза ея очаровали мое сердце.

— Вы рассказываете про свои чувства — а мнѣ бы хотѣлось знать ея имя, сказала Минна.

на холодѣе: могу ли услышать его, не трогая вашей скромности?

— Ахъ, Минна, вы тронули нѣжную струну!... Со всѣмъ тѣмъ я бы рѣшился сказать, кто она, если бъ не одно любопытство участвовало въ вашемъ вопросѣ.

Между тѣмъ онъ такъ нѣжно глядѣлъ на Минну, что казалось, щеки ея зажглись отъ пламени его взоровъ. Краснѣя, она опустила свои — и молчала, за то сердце говорило тѣмъ громче. Эдвинъ былъ развязенъ, пылокъ, уменъ, Минна чувствительна и прелестна. Онъ умѣлъ и мечтать, и чувствовать, а рыцари Ливонскіе могли только смѣшить, и рѣдко, рѣдко забавлять. — Она любила — онъ возбуждалъ мысли высокія; говорилъ съ жаромъ, если не съ краснорѣчіемъ, и увлекалъ, если не убѣждалъ. Разъѣзжая два года по Европѣ, онъ навѣкъ приличіямъ свѣтскимъ, и образованностію, ловкостью далеко превосходилъ рыцарей Ливоніи, которые росли на охотѣ, а мужали въ разбояхъ, рыцарей, непривѣтливыхъ съ дамами, гордыхъ ко всѣмъ, заносчивыхъ между собою, предпочитающихъ напиваться за здоровье красавицъ въ своемъ кругу, чѣмъ проводить время въ ихъ бесѣдѣ. Они думали плѣнить Минну разказами своей любви, своей вѣрности, — Эдвинъ говорилъ ей о ней

самой. Тѣ считали головы убитыхъ ими звѣрей и непріятелей — онъ напоминалъ о плѣненныхъ ею сердцахъ; они заглядывались на ея алмазныя серьги — онъ любовался ея очами. Слѣдствіе угадать не трудно, ибо состоянія выдуманы не для любовниковъ, — и любовь, какъ иной цвѣтъ на безплодномъ утесѣ, растетъ и въ безнадежности. Лавка Эдвинова была первая по городу, и какъ на бѣду, противъ оконъ Буртнекова дома. Тамъ находились всѣ дорогія ткани, всѣ искусственныя издѣлія, жемчугъ и цѣнные камни. Дѣвушки того вѣка любили рядиться не менѣе нашихъ столичныхъ, и лавка прекраснаго Эдвина всегда была полна посѣтителеми. Нужно ли сказывать, что Минна ходила туда часто? и хотя лавка сія служила для Ревеля вмѣсто нашего Англійскаго магазина (т. е. мѣстомъ свиданія молодежи), ее влекла туда не одна страсть къ уборамъ, не одно желаніе всѣмъ нравиться тамъ удерживало. То надобно прикупить бархату, то передѣлать по-новому ожерелье, то распаялось кольцо, то изъ-за моря привезли что-то чудное. И каждый разъ привѣтливый Эдвинъ спѣшилъ къ нимъ на встрѣчу, развертывалъ предъ тетушкой штофы, сверкалъ племянницѣ алмазами и — глазами. Рассказывалъ ей про чужбину, — слушалъ ее съ

восхищеніемъ; и обыкновенно горькій вздохъ развѣвалъ его блестящіе замки, и онъ со слезами на глазахъ провожалъ взорами свою любезную — не сводилъ ихъ съ ея окна — и въ молчаніи изнывалъ, какъ былинка. Тяжко любить безъ надежды на счастіе, тяжело безъ надежды взаимности; но безпримѣрно тяжело видѣть себя любимымъ и не смѣть словомъ любви вызвать признанія, жаждать его, какъ отрады небесной, и бѣжать, какъ преступленія чести; не имѣть права на ревность, и таить отъ страха измѣны; винить свой холодъ въ ея огорченіяхъ, множить собственные муки то упреками противъ любви, то противъ долга!... Тогда-то страсти изъ кипящаго сердца черными парами налетаютъ на разумъ и ядовитое отчаяніе вгрызается въ душу!... О други, други! пожалѣйте того, кто любилъ подобнымъ образомъ.

— И вы могли сказать, что одно любопытство внушило мнѣ вопросъ мой, наконецъ произнесла Минна, поднявъ голубыя очи свои съ такимъ нѣжно-укорительнымъ взоромъ, что суровое выраженіе лица Эдвинова смѣшалось въ одно мгновеніе съ умильнымъ, голосъ замеръ, сердце какъ будто пронзилось — по это ощущеніе было сладостно, какъ первый вздохъ на-яву послѣ страшнаго сна. Души ихъ слились

въ одинъ выразительный, но невыразимый взглядъ.

Минна пришла въ себя.

— И такъ, любезный Эдвинъ, если бъ вы были рыцаремъ, какой цвѣтъ избрали бы вы на завтрашній турниръ?

— На вѣки, навсегда фр. Минна, я бы избралъ цвѣтъ первой красавицы; цвѣтъ составленный изъ небесно-голубаго и украшенья земли, розоваго; я бы избралъ, продолжалъ онъ пламенно, схвативъ ея руку—прелестный, несравненный лиловый цвѣтъ, вашъ цвѣтъ, Минна!

Рука Минны пылала и трепетала; голова ея невольно склонилась на плечо Эдвиново...

— Ахъ! зачѣмъ вы не рыцарь! прошептала она.

Воздушный замокъ Эдвина разлетѣлся.

— Ахъ! зачѣмъ я не рыцарь! вскричалъ онъ въ себя: зачѣмъ я злосчастенъ своимъ благополучіемъ!

И въ одно—время на рукъ Минны напечатлѣлись жаркій поцѣлуй восторга и охладѣвшая слеза безнадежности.

— Минна, Минна! закричалъ отецъ изъ другой комнаты.

— Минна! повторила въ просонкахъ ея тетюшка.

— Ахъ! зачѣмъ вы не рыцарь! прошептала она.

III.

Въ любви, дубычѣ и утратѣ
Мои права — въ моемъ булатѣ.

Кто не читывалъ рыцарскихъ романовъ, кто не знаетъ обычая избирать для раздачи награды на турнирахъ красавицу — которой давали титулъ царицы любви и красоты? Развѣ въ чемъ другомъ, а въ тщеславіи Лифляндскіе рыцари не уступали никакимъ въ свѣтѣ — и всегда — худо ли, хорошо ли — передразнивали этикетъ Германскій. Турниру безъ царицы быть не можно — аксіома; — вотъ и сошлись избранные судьи турнира въ риттергаузъ. Поставили, какъ водится, на столъ чернильницу и бутылки, перебрали всѣ писанныя и устные преданія о способѣ избранія — пошумѣли, поспорили, кого избрать — и когда

отъ круженія козьею ногою* у нихъ закружились головы и отнялись ноги, они согласились (къ чести ихъ вкуса или вина, право, не знаю) избрать Минну фонъ Буртнекъ царицею.

Минна, слышала зовъ отца своего, оправила волосы и поднявъ фрезъ, чтобы скрыть въ немъ пыланіе щекъ своихъ, вышла въ залу.

За нею послѣдовалъ Эдвинъ.

— Благодарю господъ совѣта за честь, милая Минна. Ты избрана на завтра царицею, сказалъ баронъ, потирая отъ удовольствія руки... Благодарю; я за себя и за тебя далъ слово...

Одинъ изъ герольдовъ въ вышитомъ гербами далматикѣ преклонилъ колѣно и подалъ ей на бархатной подушкѣ золотую изъ трефовъ коронку, и смущенная нечаянностію Минна взяла ее, лепеча что-то въ отвѣтъ на пышно-безтолковое привѣтствіе герольдовъ.

— Я не поздравляю васъ — тихо сказалъ Эдвинъ, положа руку на сердце — вы и безъ короны владѣли сердцами.

* Кубки въ видѣ ноги дикой козы были въ большой модѣ у Ревельскихъ рыцарей — въ честь Ревеля, котораго имя производятъ они отъ слова Ree-fall паденіе серны.

Минна покраснѣла и молчала.

Герольды встрѣтились въ дверяхъ съ рыцаремъ Доннербацемъ, однимъ изъ самыхъ страшныхъ бойцевъ и самыхъ ревностныхъ искателей Минны.

— Поздравляю барона и цѣлую ручку у царицы моей, сказалъ онъ, неловко кланяясь и звеня за каждымъ словомъ шпорами, будто напоминая тѣмъ (и только тѣмъ), что онъ рыцарь . . . Соколомъ моимъ, фр. Минна, клянусь, что завтра за каждую искру вашихъ глазокъ такъ полетятъ искры отъ латъ, что небу станетъ жарко. — Вы увидите, какъ я передъ вами отличусь — конь у меня загляденье: пляшетъ по ниткѣ и курцгалопомъ на талерѣ вольты дѣлаетъ. Сдѣлайте милость, фр. Минна, позвольте мнѣ надѣть лиловый шарфъ — у меня ужъ и чапракъ лиловый заказанъ.

— Много чести . . . благодарю васъ за вниманіе . . . но я такъ часто мѣняю цвѣта свои — что вы безошибочно можете опоясаться радугою.

— И быть полосатымъ шутѣмъ, тихо примолвилъ докторъ.

— Знатная мысль! — воскликнулъ Доннербацъ, хлопая въ ладоши: вотъ, что называется, соглашаться, не сказавъ да. За то

лиловую полосу я сдѣлаю шире остальныхъ
выѣстъ.

— Милости прошу присѣсть господа, говорилъ
Буртнекъ Доннербацу и Эдвину, котораго онъ
ласкалъ по сердцу и по золоту. Васъ, ры-
царь, сегодншній вечеръ жалую министромъ
ея красиваго величества — моей дочери; рас-
толкуйте ей должность царскую — а ты,
милый Эдвинъ, постарайся, чтобы царица не
забыла насъ, простыхъ людей. Мнѣ надо по-
говорить о дѣлѣ.

Молодежь усѣлась въ одномъ углу близъ
тетушки безъ рѣчей, а докторъ и Буртнекъ
въ другомъ, присѣли къ столику.

— Добро пожаловать, старая кукушка, сказалъ
баронъ входящему Фрейлиху, разсылщику
гермейстера: добро пожаловать, если твое
явленіе не предвѣщаетъ худа!

— И батюшка, ваша высокобаронская ми-
лость! что вздумали, отвѣчалъ коротенькій
разсылщикъ, закладывая перчатки за украшен-
ный бляхою поясъ и бичъ за раструбъ сапо-
га. Я вѣдь, какъ деревянная кукушка, что
надъ часами въ ратушѣ, такъ же часто и такъ
же вѣрно вѣщую на прибыль, откакъ и на
убыль.

— Что же новаго, Фрейлихъ?

— Чему быть новому на этомъ старомъ

свѣтъ, г. баронъ? продолжалъ словоохотный Нѣмецъ, развязывая сумку: у меня даже для завтрашняго праздника и новой шапки нѣтъ, даромъ, что старую износилъ я, усердно кланаясь господамъ рыцарямъ.

— Не только намъ, ты и всѣмъ стѣнамъ хмѣльной кланяешься. Однако вотъ тебѣ два крейцера въ обмѣнъ за труды.

— Благодарю покорно, благородный рыцарь. За каждый крестикъ на этихъ монетахъ я положу по десяти за вашу душу.

— Не лучше ли выпить за мое здоровье? сказалъ, усмѣхаясь, баронъ принимая бумаги. Конечно повѣстки отъ гермейстера?

— Приказы, благородный рыцарь.

— Приказы? . . . да что онъ смѣетъ мнѣ приказывать? . . .

— Гдѣ намъ это знать, г. баронъ — стать ли намъ соваться не въ свое дѣло! На печати стоитъ часовой; да впрочемъ, если бѣ писмо было прозрачнѣе киршвассеру — я, безграмотный, и тогда бы узналъ не больше теперешняго.

Правда, правда, ворчалъ про себя Буртнекъ: ты столько же можешь судить о содержаньи писемъ, какъ моя лягавая собака о вкусѣ перепелки, которую приносить. Ступай себѣ, Фрейлихъ.

(Читаетъ).

«Ба — ба — барону . . . Бур Бур . . . — провалъ возьми неучтивость сочинителя и почеркъ писца; это такъ связно, какъ Венгерская цыфровка; по крайней мѣрѣ титулъ - то мой могъ бы онъ написать большими ломаными буквами*!

— О! конечно, сказалъ, не слушая его, рыцарь Доннербацъ.

— Безъ сомнѣнія, прибавила изъ другаго угла тетушка, пересчитывая на иглѣ петли полосатаго чулка, который она вязала.

— Это еще учтивѣе, примолвилъ съ усмѣшкою докторъ — письмо написано ломанымъ языкомъ.

— У тебя онъ очень гибокъ на споры, возразилъ Буртнекъ, посмотримъ - ка его рысь на дѣлѣ . . . прочти, пожалуй . . . у меня глаза слабы, не могу разобрать: буквы мелки, какъ маковыя зернышки, и меня не даромъ беретъ дремота съ одной строчки.

— Дай Богъ, чтобы вы могли спокойно заснуть отъ нихъ, сказалъ докторъ, пробѣгая бумагу глазами. Отъ гермейстера Ливонскаго ордена Рейхарда фонъ Бруггеней пре . . . при . . .

* Fraktur-Buchstaben.

— Возьми очки, сказалъ баронъ.

— Возьмите терпѣнье, возразилъ докторъ... Ваши титулы такъ темны и долги, какъ сентябрьская ночь.

— Далѣе, далѣе?

— Не далѣе, а назадъ, баронъ! мы, словно пилигримы по общанію, ступаемъ три шага впередъ, а два обратно. И такъ: «гермейстеръ Бруггеней, благородному рыцарю Ливонскаго Ордена рыцарей креста, барону Эммануилу Христофору Конраду . . . фонъ Буртнеку, урожденному . . .»

— Ты рехнулся, докторъ . . .

— Виновать, зачитался. Я ужъ такъ привыкъ писать рецепты спѣсивымъ вашимъ барынямъ, что у меня безпрестанно звенять въ ухъ ихъ титулы. Повѣрите ли, что фрейгерша Книпсъ-Кнопсъ *при смерти* не хотѣла принять лекарства за то, что я не выставилъ на рецептъ: для урожденной *такой-то* . . .

— Какая мнѣ надобность до ея рожденья и смерти, и твоей смертной охоты приплетать свои сказки къ чужому дѣлу! Ни дать, ни взять, ты словно мой конюхъ Дитрихъ, который любилъ бывало вплетать ленточки въ гриву моей лошади, когда уже трубятъ сборъ . . .

— Вы взобрались на своего конька, баронъ,

а вѣдь пѣшій конному не товарищъ. Впрочемъ, мы близки къ концу. Приказъ кажется, данъ въ придачу титуламъ: онъ и весь въ четырехъ словахъ: «исправьте вашъ мостъ черезъ болото Вайде, что на большой дорогѣ въ Дерптъ.»

— Пусть онъ самъ его перемещиваетъ своимъ пергаминономъ — а мнѣ, право не для чего; въ ту сторону я никогда въ гости не ѣзжу.

— Не ѣздите такъ и не зачѣмъ. Жаль только бѣдныхъ путешественниковъ по нуждѣ, они не журавли — не перелетятъ черезъ болото.

— Это уже ихъ дѣло, а не мое.

— Но вѣдь большая дорога вещь мірская; а какъ она идетъ черезъ ваше владѣніе . . .

— По этому я имѣю право дѣлать въ немъ что мнѣ угодно, а тѣмъ болѣе ничего не дѣлать.

— Это значитъ, что, гдѣ многіе дѣлаютъ все, что хотятъ, тамъ всѣ терпятъ то, чего не хотятъ.

— Другую, другую, докторъ . . .

— Развѣ третью, сказалъ Лонціусъ, наливая стопу.

— Я говорю про бумагу, съ досадой произнесъ Буртнекъ.

— А я думалъ про стопу, отвѣчалъ Лон-

ціуєть съ притворнымъ простосердечіємъ, сні-
мая со свѣчи.

(Читаєть)!

«Гермейстеръ . . . и тому подобное . . . По
жалобѣ рыцаря барона фонъ Буртнека на
фрейгера Унгерна о землѣ, прилежащей къ
замку Альтгофену и смежной съ сосѣдствен-
ными угодіями сказаннаго Унгерна, якобы
захваченной имъ у перваго безправно и без-
законно, наѣздомъ и вооруженною рукою, и
насиліємъ, и грабежемъ, съ угрозами повто-
ренія оныхъ впредь, я съ фогтами и коман-
дорами Ордена, рассмотрѣвъ сіе дѣло, *нашли...*»

— Ошибка противъ грамматики! вскричалъ
докторъ, останавливаясь.

— Скажи лучше, противъ правды, возразилъ
Буртнекъ . . . Гермейстеръ только праздни-
чаетъ съ фогтами, а судить и рядить своей
головой . . .

«Разсмотрѣвъ, *нашелъ* по справкамъ и показа-
ніямъ свидѣтелей, что сказанная земля (опись
на оборотѣ) была прежде захвачена у отца
фрейгера Унгерна въ разныя времена и раз-
личными неправдами; а потому объявляемъ
всѣмъ и каждому, что фрейгеръ Унгернъ былъ
въ правѣ употребить для возвращенія соб-
ственности силу, не видя удовлетворенія на
полюбовныя сдѣлки и многократныя свои тре-

бованія, что мы признаемъ его законнымъ владѣльцемъ сказаннаго участка; а рыцарю барону фонъ Буртнеку приказываемъ немедленно и непрекословно уступить Унгерну Милькенталь со всѣми выгонами, прогонами, загонами, луговыми и лѣсными дачами, нивами и покосами, стоячими и живыми водами, со всѣми угодьями и привольями безъ изъятія, и положить новую границу отъ ручья Куремсе, до озерка Пигуса, до заводи, гдѣ коней купаютъ, оттуда на лѣво мимо красной сосны, что молніей обожжена, до Юмаловой пожни, а оттуда на перестрѣль къ новой Пойгиной банѣ, а оттуда . . .»

— Оттуда пусть онъ убирается къ чорту! вскричалъ баронъ, вскокнувъ со стула . . . и гнѣвъ его, поджигаемый каждымъ словомъ, наконецъ лопнулъ, какъ фейерверочный буракъ, и бранныя шутихи полетѣли во всѣ стороны . . .

— Вотъ правосудіе! вотъ законы!... когда я былъ силенъ и удалъ, когда мои шпоры звенѣли громче другихъ на пирушкахъ, и палашъ мой рѣже цѣловался съ ножнами — тогда ни одна параграфская душа не смѣла показать коня носа и всѣ эти толстые фогты фонъ такъ, кланялись черезъ улицу. Бывало, хоть на Епископской полосѣ воткну свое копые вмѣсто граднаго столба, никто и пикнуть не смѣетъ,

— а теперь, смотри пожалуй! Эти ходячія чернильницы, эти черепокожные писаря вздумали притиснуть границу къ самому рву замка — такъ, что Унгернъ, того гляди, будетъ съ меня требовать платы за тѣнь башенъ, которая ляжетъ на его землю, за каждый стаканъ воды изъ ручья — и какой воды!

— Безъ воды обойтись можно . . . возразилъ докторъ, возвышая голосъ, чтобы заставить барона дослушать опредѣленіе . . . Въ слѣдствіе чего нарядится вскорѣ чиновникъ для введенія помянутаго Фрейгера Унгерна во владѣніе . . .

— Пусть только явится ко мнѣ . . . Пусть только пріѣдетъ . . . я его подъ бичами заставляю вертѣться кубаремъ . . . я его попрошу отвѣдать спорной воды въ озерѣ! . . .

«И тогда, по обычаю, собравъ изъ сосѣднихъ деревень обоихъ противниковъ здоровыхъ мальчиковъ, высѣчь ихъ на каждомъ замѣтномъ мѣстѣ новой разгранички, чтобы они ее памятовали, и въ могущихъ случиться впредь спорахъ могли служить очевидными свидѣтелями . . .»

— Этому не бывать . . . шпорами клянусь, не бывать! . . . всякой знаетъ, что я для праваго дѣла не пожалѣлъ бы вассаловъ своихъ . . . по въ

этомъ случаѣ развѣ я злодѣй, чтобы согласил-
ся обратить ихъ спины памятною книжкою
для безголовыхъ судей? . . .

— А что скажетъ на это гермейстеръ?

— То, чего я не послушаюсь . . . Что мнѣ
дорожить его благосклонностью? его флюгер-
ною дружбой? Я хочу лучше имѣть передъ
собою двухъ открытыхъ враговъ, чѣмъ за спи-
ной одного такого пріятеля! Унгерну же не
видать обѣтованной земли, какъ вчерашняго
дня; коли на то пошло, не проживится онъ
ей безъ бою — даже для цвѣточного горшка.
Буквы не солдаты, — а у меня для встрѣчи
незваннаго гостя найдется живой частоколъ съ
желѣзными маковками и не одна пара силь-
ныхъ рукъ указать ему дорогу во-свояси.

Такъ восклицалъ раздраженный баронъ, то-
пая ногами — и громче и громче раздавался го-
лосъ его до того, что стаканы и кубки, стоя-
щіе въ старинномъ шкапу, зазвенѣли другъ
объ друга.

Старуху тетушку ураганъ сей засталъ на
половинѣ зѣвка — и превратилъ его въ знакъ
удивленія. Рыцарь Доннербацъ, который для
комплимента пилъ за здоровье Минны, не до-
несъ кубка до губъ, и кубокъ, склонясь на
полдорогъ, точилъ понемножку на полъ дра-

гоцѣнную влагу. Только Эдвинъ и Минна встали, движимые участіемъ.

Добрый Лонціусъ, сбросивъ съ лица шутовское выраженіе, спокойно слушалъ барона и слѣдилъ взорами его движенія.

— Да, да, продолжалъ Буртнекъ, я докажу и Унгерну и гермейстеру . . . что Буртнекъ прожилъ и умереть не безъ друзей.

— Честію клянусь, вскричалъ Эдвинъ отъ души. Вы ихъ имѣете, Буртнекъ! Мое золото — ваше.

— Располагайте, сказалъ пошатываясь Доннербацъ — мною каждый день до обѣда, а удалцами моими всегда.

— Благодарю . . . сердечно благодарю . . . отвѣчалъ умиленный баронъ, подавая имъ руки Но утро мудренѣе вечера, и мы завтра потолкуемъ объ дѣлѣ . . . Боже мой! Завтра турниръ, Унгернъ навѣрно и по прежнему сорветъ награду, и моя дочь должна будетъ увѣнчать моего злодѣя! Проклятое слово отказаться нельзя, а вытерпѣть этого я не могу Я не переживу насмѣшекъ грабителя надъ этими сѣдыми волосами — и гдѣ же? Передъ цѣлымъ Ревелемъ, передъ всѣмъ дворянствомъ и рыцарствомъ? Друзья! . . . другъ Доннербацъ! ты одинъ можешь спасти старика отъ позора; ты силенъ

и огромень, и сломишь Унгерна, какъ тростинку. Одна только лѣнь мѣшала тебѣ помѣряться съ нимъ доселѣ . . . Но теперь . . . Послушай, Доннербацъ, я знаю, что моя Минна тебѣ нравится . . . но лишь побѣдитель Унгерна будетъ ея мужемъ . . . вотъ моя рука, мое рыцарское слово, что другъ или недругъ — кто бы ни выбилъ Унгерна изъ сѣдла — я отдаю ему мою дочь и свою вѣчную признательность.

— Руку и слово, баронъ, вскричалъ радостно Доннербацъ, ударяя рукою въ руку; и пусть вѣдьмы всѣхъ цвѣтовъ сдѣлаютъ изъ меня своего конька, если въ Унгерию оставлю я хоть каплю души, какъ въ этомъ кубкѣ — если не такъ же сомну его!

Съ симъ словомъ серебряный кубокъ, смятый въ комокъ, полетѣлъ на полъ.

— Батюшка, милый батюшка! воскликнула испуганная Минна.

— Минна . . . Я не люблю повтореній и противорѣчій. Мой приказъ долженъ быть твоею волею, а моя воля твоимъ желаньемъ; что сказано, то свято. Побѣдитель Унгерна будетъ тебѣ хорошимъ мужемъ и мнѣ добрымъ защитникомъ.

Минна, блѣднѣя, опустилась на стулъ. Сверкая взорами, стоялъ Эдвинъ посреди комна-

ты; грудь его волновалась, правая рука будто стискивала рукоять меча, и вдругъ, какъ левъ, онъ гордо встряхнулъ кудрями . . . и скрылся.

— Куда, куда, любезный Эдвинъ? кричалъ въ слѣдъ ему Буртнекъ; но отвѣта не было. Чудакъ! . . . а славный малой, примолвилъ онъ; скажи слово — и Эдвинъ отдастъ все безъ росту и закладу.

— Молодецъ, потворилъ Доннербацъ; даромъ что не рыцарь, а его не проведешь на зубахъ конскихъ.

— Преумница... прибавилъ докторъ; хотъ и спорить со мной о жизненной эссенціи, за то одной вѣры, что міръ родился изъ яйца . . .

— Прекрасный юноша, безцѣнный человекъ! думала полумертвая Минна . . . но она не сказала этого въ слухъ.

IV.

«J write in haste, and if a stain
Be on this sheet 'tis not what it appears
My eyeballs burn and throb, but have no
tears.»

Byron.

Какъ бѣшенный вбѣжалъ Эдвинъ домой.

Плащъ слетѣлъ на полъ. Двери спальни
отъ удара ноги разлетѣлись въ дребезги — и
онъ съ сердцемъ вырвалъ свѣчу изъ рукъ
старого служителя

— Кончено . . . рѣшено . . . говорилъ онъ,
скрежеща зубами; турниръ и Минна — люди,
люди! Поклонники предразсудковъ!

О, для чего не могу я стать съ копьемъ у ея
порога и вызвать на бой каждаго дерзкаго,
кто захочетъ ея руки! Германъ! я ѣду, вскри-
чалъ онъ слугѣ своему.

— Куда? спросилъ тотъ съ изумленіемъ.

— Кто смѣетъ спрашивать, куда? Я ѣду — и этого довольно; вѣтеръ хорошъ, кораблей много: готовься.

Жарка первая любовь юноши; за то какъ горька первая потеря!

Долго сидѣлъ Эдвинъ, облокотясь на столъ и закрывъ обѣими руками горящее лицо. Въ его груди буревали страсти — и наконецъ онѣ излились въ безпорядочномъ письмѣ, вотъ оно:

«Для меня все рѣшилось. Пишу къ вамъ отъ того, что говорить съ вами завтра я бы не могъ, а писать послѣ турнира мнѣ не должно — тогда ужъ рука ваша принадлежать будетъ другому; другой . . . Безумецъ я, безумецъ, изъ какой надежды, по какому праву смѣлъ ты возвысить свои взоры на лучший цвѣтъ Ливоніи! . . . или ты думалъ, что пылкое, вѣрное сердце стоитъ рыцарскаго герба? Ты думалъ . . . Нѣтъ, я ничего не думалъ, я могъ только чувствовать, только любить. Минутный сонъ счастья! Я дорого плачу за тебя на яву . . . Вы знаете ли, прелестная Минна, что такое ядъ ревности, не пытали ли вы муки безнадежной, отчаянной любви? Молю Бога, чтобы вы никогда ее не чувствовали! . . . Отчаяніе давно ли посѣти-

до меня — и кажется, всё часы, всё дни, потерянные въ разсѣянности, промелькнувшіе въ восторгѣ — склубились теперь въ минуты, въ безконечныя минуты!! . . . За каждымъ біеніемъ сердца, для васъ только бьющагося, тысячи досадныхъ мыслей одна по другой, одна другой чернѣе, успѣваютъ уже терзать мою душу, и каждая капля крови медленно вливаетъ отраву въ мои жилы. Чувствую, что я пишу вздоръ . . . простите моему безумію и дерзости, что я пишу къ вамъ, добрая, милая Минна; или нѣтъ, прошу васъ, умоляю васъ, разсердитесь на меня, излейте на виновнаго справедливый гнѣвъ свой: тогда мнѣ легче будетъ оставить васъ, разлучиться съ обожаемою Минною, бѣжать той родины, гдѣ мнѣ запрещено заслужить мечемъ любезную, которой взаимность заслужилъ я сердцемъ. Будьте гнѣвны и неумолимы — иначе кроткій взоръ небесныхъ очей вашихъ обратитъ въ дымъ мою рѣшимость, еще одинъ взоръ, какъ сегодня . . . и я причарованъ — и что тогда? Мое мщеніе можетъ быть столь же чрезмѣрно, какъ безмѣрна моя страсть. Спасите меня своимъ негодоваціемъ, несравненная! Я только дождусь турнира, лишь узнаю счастливца, которому выпадетъ мое счастіе, и въ ту же минуту корабль умчитъ меня, куда повѣтъ

вѣтеръ, и тѣмъ лучше, чѣмъ далѣе . . . Буду скитаться по свѣту, чтобы забыться, не для того, чтобы забыть васъ . . . Нѣтъ! я бы не могъ исполнить этого, хотя бы желалъ. Воспоминанія и горе прежней любви будутъ мнѣ отрадою . . . , буду жить ими, покуда отъ нихъ не умру. Будьте счастливы, милая Минна — и вѣрьте сердечному, хотя не рыцарскому, слову, что никто искреннѣе меня не можетъ пожелать вамъ этого, какъ никто не могъ любить чище и пламеннѣе. Прощайте, Минна! Болѣе ничего ни отъ меня, ни обо мнѣ вы не услышите. » — Эдвинъ.

Холодный вѣтеръ взвѣвалъ кудрями Эдвина, который, прислонясь челомъ къ косяку отвореннаго окна, въ горькой задумчивости глядѣлъ на окна Минны. Сквозь стекла и занавѣсъ мерцалъ тамъ лучъ тусклой лампы — и воображеніе населяло темноту призраками воспоминаній; но они тянулись, какъ погребальное шествіе. Два раза поднималъ Эдвинъ руку, чтобы перекинуть прощальное письмо — и медлил въ перѣшимости . . . Наконецъ, замирая сердцемъ, метнулъ онъ черезъ улицу яблоко, къ которому было привязано письмо, и оно съ звономъ разбитаго стекла упало на полъ Минниной спальни.

V.

«Amour aux dames, honneur aux braves.»

Летить какъ вихорь, какъ огонь

Предъ неподвижнымъ строемъ;

И пышетъ златогривый конь

Подъ будущемъ героемъ.

А. Од.

Это было въ маѣ мѣсяцъ, яркое солнце ка-
тилось къ полудню въ прозрачномъ эфирѣ, и
только вдали сребристооблачной бахрамой ка-
сался водѣ пологъ небосклона. Свѣтлые спи-
цы колоколенъ Ревельскихъ горѣли по заливу,
и сѣрыя бойницы Вышгорода, опершись на
утесъ, казалось, росли въ небо — и будто
опрокинутыя, вонзались въ глубь зеркальныхъ
водъ. Рѣзвые голуби, возбужденные шумомъ
и звономъ колоколовъ, кружились надъ кру-
тыми кровлями; все было оживлено, все ды-
шало радостію, все праздновало возвращеніе
весны, воскресеніе природы.

Съ зарею, Лангъ и Брейт-штрассе: двѣ дороги, ведущія къ Домъ-плацу въ Вышгородѣ, заперлись толпами народа. Эстонцы и Нѣмецкіе рукодѣльники, слуги и мѣщане спѣшили занять мѣсто, чтобы посмотрѣть на турниръ рыцарскій; однако жъ немногіе добились этой чести. Небольшая площадь едва давала просторъ поединщикамъ, а вокругъ домовъ сдѣланы были мѣста для людей почетныхъ. Всѣ окна были отворены, уложены подушками, увѣшаны коврами. Ленты и разноцвѣтныя ткани вѣяли отовсюду; пестрота домовъ, нарядовъ и украшеній представляла глазамъ странное, но пріятное зрѣлище. Наконецъ, за часъ до полудня, трубы зазвучали по городу и въ одну минуту окна закипѣли зрительницами, амфитеатръ наполнился лучшими купцами и старыми рыцарями.

Подъ балдахиномъ сидѣлъ гермейстеръ, въ бѣлой бархатной мантии, съ чернымъ на лѣвомъ плечѣ крестомъ, въ полукафтаны съ разрѣзами, унизанными застѣжками, въ сапогахъ, на которые спускались отъ коленъ кружевные напуски. Золотомъ шитый воротникъ рубашки городками лежалъ на желѣзномъ оплечьѣ, которые носили тогда рыцари, чтобы и въ домашнемъ платьѣ видно было ихъ званіе. Подбой платья, раструбовъ сапоговъ и перчатокъ,

былъ малиноваго цвѣта. Золотая цѣпь съ Орденскимъ крестомъ показывала его достоинства, и два пера гордо возвышались надъ его головою, какъ онъ надъ головами прочихъ. На рукояти меча висѣли гранатовыя четки, какъ будто эмблемою сочетанія духовной и военной власти: ибо тогда сила епископовъ была уже уничтожена. По лѣвую его руку сидѣла царица праздника, Минна, въ токъ, въ лиловомъ платьѣ со сборами, съ золотыми кружевами, въ косынкѣ, вышитой шелками, унизанной жемчугомъ, и крупныя кудри рассыпались по плечамъ ея, перевитыя съ дымковымъ покрываломъ. Робко поводила она взорами и томная грусть видна была на ея лицѣ, какъ будто однодневная царица красоты чувствовала, что служить живымъ изображеньемъ кратковременнаго владычества прелести!

Между тѣмъ, какъ зрители чинно усаживались по лавкамъ, споря за почетность мѣстъ, болѣе чѣмъ за ихъ удобность — Донціусъ и Эдвинъ стояли у въѣзда, откуда имъ видна была вся окружность — и отъ доброты сердца перебирали сосѣдей и сосѣдокъ. Часто душевное горе, раздраженное общимъ весельемъ, въ которомъ не можетъ участвовать — изливается горькими насмѣшками; это же самое

случилось и съ Эдвиномъ : желчь его испарялась злословіемъ и, какъ водится въ подобныхъ обстоятельствахъ, колкимъ, но рѣдко остроумнымъ.

— Мнѣ жаль бѣдной Минны, сказалъ докторъ, которому все казалось въ забавномъ видѣ. Гермейстеръ вашъ, который такъ величается гербами своими, право, очень похожими на булочную вывѣску, боится потерять свою симметрическую посадку; а ей не съ кѣмъ пересудить сосѣдокъ : замѣтить, что у той-то худо накрахмаленъ воротникъ, что у того-то растрепаны перья или черезъ-чуръ нафабрены усы. Какое противорѣчіе — гермейстеръ и Минна !

— Тутъ не противорѣчіе, а доказательство, что радость и скука — самые близкіе сосѣди ! — отвѣчалъ Эдвинъ. Но, докторъ, вы просили меня показать вамъ кое-кого изъ женщинъ и мужчинъ Ревельскихъ — слѣдуйте же своими взглядами за моими. Вотъ эта разряженная дама, на примѣръ, очень похожая на корабельную статушку — жена ратсгера Клауса; она, говорятъ, въ самомъ дѣлѣ ворочаетъ рулемъ нашей думы и не разъ сажала нашъ курсъ на мель. Подлѣ нея примѣрная чета : бургомистръ Фегезакъ съ дражайшей своей половиной : они горятъ одною страстью — къ

стеклу, т. е. снѣ къ стакану, а она къ зеркалу. — Эта карманная дамочка, которая, говоря безъ умолку, вѣшается на шею толстому своему мужу, будто колокольчикъ на шею къ волю — дворянка Зеgefельсъ. Онъ, сказываютъ, взялъ маленькую жену для того, чтобы она не достала водить его за носъ; за то теперь ушамъ больно достается. Кстати объ ушахъ . . . тотъ молодчикъ, кажется, прячетъ ихъ длину въ высокій фрезъ — это ландратъ Эзелькранцъ; за нимъ сидитъ пѣвица Фрейлейнъ Лиліендорфъ — знатоки говорятъ, что голосъ ея есть смѣшеніе соловьиного съ совинымъ; а воздушная сосѣдка ея, у которой лице и платье разцвѣло радугою — баронесса Герцфишъ. Ей бы давно пора съ нашего неба. Далѣе видна любовница командора Цангейма . . . не дивитесь, что она сидитъ выше его жены: это у насъ не рѣдкость. Тамъ двѣ сестры . . .

— Полно, полно, Эдвинъ, о женщинахъ. Я знаю, что о скромныхъ сказать нечего, о хорошенькихъ не для чего говорить, а прочія мнѣ наскучили. Теперь очередь до господъ. Кому, на примѣръ, принадлежитъ эта головка, лежащая на огромномъ Испанскомъ фрезѣ, какъ на блюдѣ яблоко?

— Всѣмъ, кому угодно, докторъ! . . . онъ

отдаетъ ее на поддержаніе за сходную цѣну. Это промотавшійся дворянинъ Люфть; онъ сочиняетъ надгробныя надписи и свадебныя пѣсни — проекты рыцарямъ для впаденія въ землю непріятелей и для свиданія съ женами пріятелей; смотритъ въ зубы лошадямъ, сводитъ купцовъ и лечитъ охотничьихъ собакъ . . . Это самая свѣтлая голова изъ всего Ревеля.

— Не даромъ же вокругъ нея коленкорое сіяніе; но кто этотъ въ пухъ разубранный рыцарь . . . съ соколомъ на рукѣ, обвѣшанный лентами и пуговицами, какъ свадебный конь?

— Это мученикъ и образецъ щегольства . . . Фогтъ фонъ Тулейнъ . . . Въ гардеробѣ своемъ онъ, кажется, не совѣтовался съ указомъ Плеттенберга *: шейная цѣпочка его вѣситъ ровно въ 30 фунтовъ, и посмотри, въ какіе перстни закованы его пальцы! — Онъ имѣетъ *есть* между рыцарями.

— Ну, а тотъ съ бекасиною фигурою, низенькій?

— И низкій человѣкъ? Это продажная ду-

* Гер. Плеттенбергъ въ 1503 году издалъ, для удержанія роскоши, указъ, въ коемъ предписалъ простоту въ платьѣ и уборахъ всѣхъ сословій; но это осталось безъ дѣйствія.

ша, вице-бешрейберъ Рабенштраль; но вотъ въѣзжаютъ и рыцари: въ головѣ ихъ командоръ Везенберга Гарткнохъ: онъ простъ, какъ строусъ, котораго перьями такъ хвалится; подлѣ него на готической лошади галопируетъ Деритскій фогтъ Цвибель; сквозь его прозрачность* можно видѣть звѣзды на небѣ и на щитѣ его, только не въ головѣ. Сзади ихъ толстый фрейгеръ Фрессеръ — на такой тощей лошади, что на костяхъ можно шляпу повѣсить и принять ее за тѣнь сѣдока. . . . Онъ заложилъ женино ожерелье, чтобы сдѣлать своему коню серебряныя подковы. . . . Далѣе . . .

Эдвинъ бы не кончилъ біографической своей сатиры, если бы рыцарь Буртнекъ не разлучилъ его съ докторомъ, позвавъ того къ себѣ.

Рыцари, при звукѣ трубъ и литавръ, подвое въѣзжали за рѣшетку, крутили тяжелыхъ коней своихъ, кланялись дамамъ, склоняли копья передъ гермейстеромъ. Кирасы ихъ не отличались пріятностію рисунка; щиты и на-шлемники и длинныя попоны коней украшены были такими геральдическими птицами,

* Seiner Durchlaucht — Его свѣтлость, Его прозрачность, Нѣмецкій титулъ.

звѣрами и травами, что свели бы съ ума всѣхъ натуралистовъ міра. Но все это блистаніе латъ, пестрота перьевъ и шарфовъ, шитыхъ чапратовъ и попонъ, ржаніе коней, бренчаніе збруи и плески и разнообразіе кругомъ, все изумляло странностію; было дико — но плѣнительно. И вотъ герольды прочли уставы турнира, и рыцари выскакали вонъ, оставя мѣсто для бою. — Снова звучить труба — и уже копья ломаются на груди противниковъ и выбитые рыцари ползаютъ въ пыли отъ тяжести латъ болѣе, чѣмъ отъ силы ударовъ. Часто своевольные кони разносятъ ихъ, и копья поражаютъ воздухъ; — часто, стукнувшись лбами — они путаются въ збруѣ другаго, и какъ пѣтухи ловятъ промахъ врага. Вотъ ужъ Рижскій рыцарь Гротенгельмъ дважды остался побѣдителемъ и взялъ въ призъ золотой шарфъ изъ рукъ царицы красоты. Трубы прогремѣли ему тушъ, — народъ привѣтствовалъ кликами. Тогда только выѣхалъ гордый Унгернъ, который будто презиралъ легкія побѣды и ждалъ, чтобы другой увѣнчался ими для украшенія его тріумфа. Они слетѣлись, сшиблись, и Гротенгельмъ покатился черезъ голову съ конемъ своимъ. Забавнѣе всего былъ ударъ копья Унгернова: онъ повернулъ шлемъ Гротенгельма налѣво кругомъ, и тотъ, вскочивъ на ноги,

долго не могъ изъ него высвободиться, задыхаясь и ничего не видя. Смѣхъ и рукоплесканія полетѣли со всѣхъ сторонъ. Унгернъ остался, ожидая противниковъ.

Бросивъ поводъ и опершись на копье, величаво стоялъ онъ среди площади.

Трубы гремѣли, герольды вызывали охотниковъ, но сила рыцаря ужасала — никто не являлся.

Всѣ дамы, всѣ зрители восклицали: отдать Унгерну награду — отдать лучшую храбрѣйшему?

— Отворите! закричалъ неизвѣстный рыцарь, приближаясь — и въ то же мгновеніе, не дожидаясь, куда отворять рѣшетку — онъ сжалъ въ шпорахъ коня и стрѣлой перелетѣлъ черезъ нее.

Хвостъ разомъ осаженного коня легъ на землю, но рыцарь не шевельнулся въ сѣдлѣ — только перья со шлема раскатились по плечамъ и снова вспрыгнули отъ удара. Минуту стоялъ онъ, какъ вкопанный, слегка поигрывая поводами, какъ будто желая осмотрѣться и дать разглядѣть себя, и потомъ тихо, манежнымъ шагомъ поѣхалъ кругомъ ристалища, привѣтствуя собраніе склоненіемъ головы. Наличникъ его былъ опущенъ, щитъ безъ герба, латы воропленные съ золотою насѣчкою. Ог-

ненный цвѣтомъ и ходомъ конь его храпѣлъ и фыркалъ и весь былъ на вѣтрѣ, какъ будто ступалъ по облаку пыли, взвѣваемой его ногами.

— Какой статный мужчина! сказала, прищуриваясь, фрейлейнъ Люиза фонъ-Клокенъ брату своему, когда неизвѣстный проѣзжалъ мимо.

— Какой жеребецъ! воскликнулъ ея братъ: во всѣхъ статяхъ — даже и хвостъ трубою. Это картина — не конь. Крестецъ, хоть спи на немъ, ноги тоньше, нежели у Италіянца Бренчелли . . . и пусть меня разстрѣляютъ горохомъ, если онъ танцуетъ не лучше Фогта Тулейна . . . только что не говорить.

— Эту привиллегію имѣютъ только ослы, съ досадою подхватилъ Тулейнъ, который по случаю сидѣлъ сзади.

— Это я вижу теперь, смѣючись отвѣчалъ фонъ-Клокенъ. Но кто этотъ неизвѣстный удалецъ?

— Это Доннербацъ! отвѣчали многіе голоса.

— Неужели онъ такъ скоро успѣлъ просушить свою голову? Я оставилъ его за шестью бутылкою венгерскаго на завтракъ у ратсгера Лида.

Между тѣмъ рыцарь подѣхалъ къ гермейстеру, склонилъ копье, низко, низко покло-

нился Миниѣ и вдругъ поднялъ на дыбы коня своего, метнулъ его вправо и во весь опоръ поскакалъ къ Унгерну. Все ахнули, боясь удара, но онъ съ разу и такъ близко осадилъ коня, что мундштукъ звукнулъ о мундштукъ...

— Что это значитъ? съ досадою произнесъ Унгернъ, изумленный такою дерзостью.

— Если рыцарь хочетъ взять у меня урокъ въ геральдикъ, насмѣшливо отвѣчалъ неизвестный: то брошенная перчатка значитъ вызовъ на бой!

— Рыцарь, я уже давно этою указкою выѣздилъ шпоры, и отъ ней не одинъ терялъ стремяна!

— Унгернъ! мы съѣхались не хвалиться подвигами, а ихъ совершать. Я вызываю тебя на смертный поединокъ.

— Ха! ха! ха! Ты меня вызываешь на смертный бой... Нѣтъ, братъ, это ужъ чертъ-чуръ потѣшно!

— Чему ты смѣешься, гордецъ? я тебя не щекоталъ еще копьемъ своимъ; берегись, чтобы за твой смѣхъ по тебѣ не заплакали.

— Ахъ ты, безымянный хвастунъ! ты — стоишь быть стоптанъ подковами моего коня.

— Наглецъ и пустословъ! — поднимай перчатку, или убирайся вонъ изъ турнира.

— Я выгоню тебя вонъ изъ свѣта, безумецъ!

вскричалъ раздраженный Унгернъ, вонзая копье въ перчатку противника — и также воткну на копье твою голову.

— Пощупай лучше, крѣпко ли своя привинчена. На жизнь и смерть, Унгернъ!

— Это твой приговоръ . . . поклонись въ послѣдній разъ пѣтуху на Олаевской колокольнѣ — вы ужъ больше не свидитесь . . .

— А ты приготовь поздравительную рѣчь сатанѣ . . .

— Посмотримъ, какого цвѣта кровь, двигающая этотъ дерзкій языкъ!

— Поглядимъ, какая подкладка у этого надутаго сердца, говорили рыцари, разѣзжаясь.

И вотъ герольды раздѣлили имъ пополамъ свѣтъ и вѣтеръ, сравняли копья и труба приложена къ устамъ для вѣсти битвы. Привставъ, склоняясь впередъ, всѣ чуть дышать, чуть поводятъ глазами. Сердца дамъ бьются отъ страха, сердца мужчинъ отъ любопытства; взоры всѣхъ изощрены вниманіемъ. Унгернъ собираетъ, горячитъ коня своего, чтобы сорвать съ мѣста мгновенно; садится въ сѣдло, крутитъ копьемъ. Незнакомецъ стоитъ недвижно, солнце не играетъ по латамъ, ни волосъ гривы его коня не шевелится . . .

Труба гремитъ.

Вихремъ понеслись противники другъ на

друга — разъ, два — и копьевъ какъ не было, но ударъ былъ столь силенъ, что незнакомецъ зашатался, упалъ не шею коня и перья шлема смѣшались съ султаномъ конскимъ и бѣгунъ понесъ его кругомъ ристалища. Громкіе плески огласили воздухъ, дамы завѣяли платками въ одобреніе Унгерна.

Таковы-то люди, таковы-то женщины — они всегда на сторонѣ побѣдителя.

— Славно, славно, землякъ! кричали ему Ревельцы; ты такъ крѣпко сидишь въ сѣдлѣ, будто вылить изъ одного куска съ лошадыю.

— Едвали это неправда, промолвилъ Лонціусъ Буртнеку, который ни живъ, ни мертвъ ждалъ развязки боя.

— Теперь онъ знаетъ, каково рвать незабудки съ коня Унгернова! прибавилъ другой.

— Я чай, у него въ глазахъ сверкаютъ такія звѣзды, что и во снѣ не увидишь, сказалъ третій.

— Распечатай его наличникъ! кричали многіе.

Но рыцарь очнулся и насмѣшки возбудили въ немъ новыя силы. Такъ дымится и кипитъ вода отъ капли кислоты, — такъ вспыхиваетъ умирающее пламя отъ немногихъ зеренъ пороху.

Снова, съ новыми копьями устремились ры-

цари на встрѣчу; одинъ съ увѣренностью въ побѣдѣ, другой съ злобою мщенія . . . сразились — и Унгернъ палъ.

Разгоряченъ, спрыгнулъ съ коня незнакомецъ и наступивъ ногой на грудь полумертваго Унгерна, простертаго въ пыли, поднялъ его оплечье остриемъ меча, направилъ мечъ въ грудь и оперся на него.

— Ну, Унгернъ, кто побѣдитель?

— Судьба! отвѣчалъ тотъ едва внятно.

— И смерть — если ты не сознаешься; кто побѣдилъ тебя?

— Ты, ты! отвѣчалъ Унгернъ, скрежеща зубами.

— Этого мало. Ты отнялъ неправдою землю у Буртнека. Откажись отъ ней — или черезъ минуту тебѣ довольно будетъ и той земли, которую теперь закрываешь тѣломъ. Дали нѣтъ? . . .

— Я на все согласенъ!

— Слышите ли, герольды и рыцари! Я лишь на этомъ условіи дарю ему жизнь.

Подобно электрическому удару восторгъ обуялъ зрителей, доселѣ безмолвныхъ, то отъ страха за Унгерна, то изъ участія къ незнакомцу.

— Слава великодушному, награда и честь

побѣдителя ! раздалось въ громъ рукоплесканій : ему, ему награду ! восклицали всѣ.

— Неизвѣстный рыцарь выигралъ золотой кубокъ ! рѣшили судьи турнира ; и герольды провозгласили то.

Величаво кланяясь на всѣ стороны, приблизился рыцарь къ возвышенію, гдѣ сидѣлъ гермейстеръ съ царицею красоты ; поклонился имъ и въ безмолвіи оперся на мечъ. . . .

— Благородный рыцарь, сказалъ гермейстеръ Бругеней , стоя ; ты оказалъ свою силу , свое искусство и великодушіе — покажи намъ побѣдное лицо свое, для принятія награды !

— Уважаемый гермейстеръ ! важныя причины запрещаютъ мнѣ удовлетворить ваше любопытство.

— Таковы уставы турнира.

— Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ правъ своихъ и сердечно благодарю судей за честь, которою не могу воспользоваться.

Сказавъ это , неизвѣстный съ поклономъ отворотился отъ гермейстера

— Храбрый паладинъ ! сказала тогда трещащая судьбы своей Минна, наполняя кубокъ виномъ Венгерскимъ Неужели откажетесь вы отвѣтствовать на мой привѣтъ за здоровье побѣдителя ? Какъ царица праздника , я требую повиновенія ; какъ дама, прошу васъ...

Она отпила и поднесла кубокъ къ незна-
комцу.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорилъ тотъ, отводя ру-
кою бокаль; видно было, что страсти сража-
лись въ немъ — онъ колебался.

— Минна! воскликнулъ онъ наконецъ, хва-
тая кубокъ: да будетъ! . . . я выпилъ бы
смерть изъ чаши, которой коснулись вы уста-
ми . . . Вожди и рыцари! За здравіе и сча-
стье царицы красоты!

При громѣ трубъ, незнакомецъ, поднялъ
наличникъ . . .

VI.

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста,
Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха*,
Ливоніи прекрасной красота.

Н. Языковъ.

Происшествіе, которое представляю теперь, было въ 1538 году, то есть лѣтъ 15-ть спустя послѣ введенія Лютеранской вѣры.

Орденъ крестоносцевъ Ливонскихъ недавно потерялъ тогда главу свою въ Прусскомъ Орденѣ, преданномъ Сигизмунду — и уже дряхлѣлъ въ грозномъ одиночествѣ. Долгій миръ съ Россіею ржавилъ мечъ, страшный для ней въ рукѣ Плеттенберга. Рыцари, вдавшись въ роскошь, только и знали, что полевать, да праздничать, и лишь рѣдкія стычки съ Новгородскими наѣздниками и Варягами Шведски-

* Рорбахъ былъ первымъ магистромъ Ордена Лифляндскихъ Меченосцевъ (Schwerdt-Brüder).

ми, поддерживали въ нихъ духъ воинственный. Впрочемъ, если они не наследовали мужества предковъ, за то гордость ихъ росла съ каждымъ годомъ выше и выше. Духъ того вѣка раздѣлилъ самые металлы на благородные и неблагородные; — мундрено ли же, что увѣряя другихъ, рыцари и сами, отъ чистой души, увѣрились, что они сдѣланы по крайней мѣрѣ изъ благородной фарфоровой глины. Надо примолвить, что дворянство, образовавшееся тогда изъ владѣльцевъ земель, много тому способствовало. Оно доискивалось слиться съ рыцарствомъ, слѣдовательно возбуждало въ ономъ желаніе исключительно удержать за собою выгоды, которыя, Богъ знаетъ почему, называло правами, и нравственно унижить повыхъ соперниковъ. Между тѣмъ купцы, вообще классъ самый дѣятельный, честный и полезный изъ всѣхъ обитателей Ливоніи, льстимые легкоетію стать дворянами чрезъ покупку недвижимостей, или подстрекаемые затмить дворянъ пышностію, кидались въ роскошь. Дворяне, чтобы не уступить имъ и сравниться съ рыцарями, истощали недавно пріобрѣтенныя помѣстья. Рыцари, въ борьбѣ съ ними обоими, закладывали замки, разоряли въ конецъ своихъ вассаловъ . . . и гибельное слѣдствіе такого неестественнаго надмѣнія со-

словій — было неизбежно и недалеко. Раздоръ царствовалъ повсюду: слабые подкапывали сильныхъ, а богатые имъ завидовали. Военно - торговое общество Черноголовыхъ (Schwarzen - Häupter), какъ градское ополченіе Ревеля, пользовалось почти рыцарскими преимуществами, слѣдовательно было ненавидимо рыцарями. Часъ перелома близился: Ливонія походила на пустыню, — но города и замки ея блистали яркими красками изобилія, какъ осенній листъ передъ паденьемъ. Вездѣ гремѣли пиры; турниры сзывали всю молодежь, всѣхъ красавицъ во — едино, и Орденъ шумно отживалъ свою славу, богатство и самое бытіе.

На чемъ-бишь мы остановились?

VII.

Что будетъ, то будетъ, что будетъ, то
будетъ; а будетъ то, что Богъ дастъ.

Богданъ Хмельницкій.

Медленно открылъ незнакомый рыцарь блѣд-
ное лице свое, и палъ безъ чувствъ къ по-
гамъ изумленной Минны, палъ отъ изнеможе-
нія и перваго удара.

— Эдвинъ! воскликнула Минна.

— Купецъ! закричали дамы и рыцари — и
ропотное волненіе разлилось по собранію.

— Такая наглость стоитъ наказанія... Эта
обида заслуживаетъ мести! раздавалось отсю-
ду; и рыцари, дворяне, Шварценгейптеры хлы-
нули на ристалище.

— Выбросьте вонъ, прибейте, убейте этого
самозванца! кричали рыцари... онъ не нашъ.

— Онъ будетъ нашъ! возражали Шварцен-

гейптеры, стѣснясь въ кружокъ около безчужденнаго Эдвина; мы не дадимъ тронуть его волоскомъ . . .

— Кто не дастъ, кто не позволить? Кто? Не по нашей ли милости впущены вы въ кругъ рыцарей? шумѣли дворяне.

— Не изъ милости, а по праву.

— Кто далъ права, тотъ можетъ и взять ихъ.

— Вы ихъ продали намъ, а не дарили. Мы такіе же господа, какъ и вы, въ Ревель, который не разъ уже выкупали своимъ золотомъ и спасали своею кровью.

— Старыя пѣсни, старыя сказки! . . . храбрость ваша качается на вѣсовой стрѣлкѣ, — а честь, какъ обстриженный червонецъ, очень упала въ цѣнѣ . . .

— Громъ и буря; мы напечатаемъ на лбахъ вашихъ такія монеты, что вѣкъ не износите штемпеля . . .

— Аршинники — разбойники! летѣло навстрѣчу другъ другу — и обѣ стороны пышались боемъ, когда Венденскій фогтъ-фонъ-Дельвигъ вскочилъ на перила и громовымъ голосомъ говорилъ:

— Дворяне и рыцари! вотъ слѣдствіе нашей доброты! Когда бы не позволили мы Шварценгейптерамъ и первымъ гражданамъ мѣшать.

ся съ нами, этотъ купчишка не стопталъ бы нашего собрата — и преимуществъ Ордена; не обидѣлъ бы въ лицѣ Унгерна насъ всѣхъ. Но пусть прошлое будетъ намъ урокомъ для переду. Да будетъ же отнынѣ и навсегда запрещено всѣмъ безъ изъятія, неносящимъ званія рыцаря или дворянина, вѣзжаты за турнирную рѣшетку.

— Да будетъ, да будетъ, загремѣли дворяне и рыцари, и герольды подъ звукомъ трубъ возгласили, что никто, кромѣ дворянъ и рыцарей, не можетъ отнынѣ ломать съ ними копыя въ турниръ.

— Такъ мы сломимъ ихъ въ битвѣ! зашумѣли обиженные такимъ исключеніемъ Шварценгейптеры, обнажая мечи.

— А! коли такъ — бейте Черноголовыхъ! закричали рыцари.

— Рубите пустоголовыхъ! восклицали Шварценгейптеры, кидаясь къ нимъ на встрѣчу и вмигъ мечи запрыгали по латамъ и бой завязался.

Вопли женщинъ, клятвы противниковъ, громы оружія огласили воздухъ. Тѣснота умножила тревогу, конные и пѣшіе, латники и невооруженные, бойцы и миротворцы смѣшались, и всѣ орудія отъ рукъ до копей были въ дѣлѣ. Обиженное самолюбіе и пекучая гор-

достъ подстрекали сражающихся, вино и гнѣвъ ослѣпляли всѣхъ, ожесточеніе росло. Напрасно термейстеръ просилъ, уговаривалъ, повелѣвалъ; напрасно крича и топая ногами, бросилъ свой жезлъ, даже шляпу и мантию на ристалище въ знакъ закрытія турнира — никто не слушалъ, никто не замѣчалъ его. Наконецъ усталость сдѣлала то, чего не могли совершить ни моленія женъ, ни приказы старшихъ. Обѣ стороны склонились на увѣщанія доброго бургомистра Фегезака, и противники разошлись, грозя другъ другу мечами и взорами. Опустѣлое побоище усѣяно было перьями и шпорами, рыцарскими и дамскими украшеніями. Къ счастью тѣснота помѣшала дальнему убійству — ибо сраженіе превратилось въ борьбу: говорятъ, не многіе заплатили жизнию за эту игрушку.

Эдвинъ все еще лежалъ въ смертномъ обморокѣ отъ сильнаго ушиба и бури чувствъ. Подлѣ него на колѣняхъ стояла прелестная Минна, забывъ весь міръ для любезнаго и ничему не внимая, кромѣ чуть слышнаго біенія его пульса; Лонціусъ, ухаживая за Эдвиномъ, уговаривалъ бѣснующагося Буртнека, который всѣмъ тогда извѣстнымъ свѣтомъ клялся, что онъ не отдастъ Эдвину дочери, хотя онъ и остался побѣдителемъ.

— Но ваше слово, баронъ, ваше рыцарское слово!

— Но мои предки, г. докторъ, мои предки! Лучше не сдержать слова, чтобы поддержать имя. Коротко сказать — Эдвинъ очень высоко задумалъ; я во вѣкъ не выдамъ Минны за человѣка безъ славнаго имени.

— За то съ доброю славою.

— За человѣка, у котораго родословная въ счетной книгѣ, у котораго нѣтъ герба.

— У него ихъ тысячи, баронъ, и всѣ на золотомъ полѣ.

— Хоть весь онъ разсыпъся червонцами — я не соглашусь раздвоить* свой щитъ съ вывѣскою.

— Помните, баронъ, что Эдвинъ кровью выручилъ вамъ отнятое Унгерномъ — неужели за великодушіе заплатите вы неблагодарностію?

— Добродѣтель — не титулъ.

— Мы производимъ его въ командоры Шварценгейштеровъ! гордо возразили старшины сего сословія. Онъ заслужилъ это достоинство храбростію.

— Слышите ли? сказалъ докторъ. . . Это почти рыцарское достоинство!

* Ecarteler — геральдическое выраженіе.

— Батюшка, вскричала наконецъ Минна, будто вдохновенная : онъ оживаетъ — мой Эдвинъ оживетъ. Простите, продолжала она, обливая грудь отца горькими слезами : я люблю Эдвина, я не могу жить безъ него . . . Въ рукъ моей вольны вы, но мое сердце навсегда принадлежитъ Эдвину.

Казалось, она истощила все силы души и тѣла, чтобы выговорить слова сїи, — и сказавъ ихъ, какъ лилія поникла головою и безъ чувствъ опустилась на плечо отца.

Это тронуло Буртнека болѣе всехъ доводовъ. Въ гербъ его не было сердца, но оно билось въ груди отеческой. Съ нѣжною заботливостію поддерживая дочь лѣвою рукою, онъ вѣялъ надъ ней перьями шляпы — хотѣлъ поцѣлуемъ призвать въ нее жизнь — и даже слеза блеснула на непривычной къ тому рѣсницѣ.

Между тѣмъ добрый Лонціусъ наступалъ на него сильнѣе и сильнѣе.

— Онъ богатъ, прекрасенъ, командоръ и храбръ — это присѣчетъ злые языки . . . Неужели вы хотите уморить дочь и лишитъ ея друга, измѣнивъ слову? Притомъ же любовь дочери вашей извѣстна всему городу . . .

— Дай мнѣ подумать хоть день, хоть часъ...

— Вы никогда не выдумаете лучше того,

что говорить вамъ сердце... И такъ Эдвинъ зять вашъ?

— Зять и сынъ... Эдвинъ и Минна, милые дѣти мои, пробудитесь для новой жизни!

Свѣтель и радостень скакалъ съ турнира Эдвинъ подлѣ колесницы невѣсты своей, не сводя съ нея глазъ и поминутно цѣлуя ея руку.

Спускаясь съ Блоксберга, имъ встрѣтился Доннербацъ въ полномъ вооруженіи и съ копьемъ въ рукѣ...

— Куда ѣдешь, любезный Доннербацъ? спросилъ Буртнекъ.

— На турниръ, отвѣчалъ тотъ, протирая глаза...

— Ты проспалъ его... Поѣдемъ-ка лучше ко мнѣ на свадьбу, съ ушемъшкою сказалъ Эдвинъ.

— На твою свадьбу, — неужели съ фр. Минною? . . . не сонъ ли это?

— Дай Богъ вѣкъ не просыпаться отъ такого очастливаго сна!

Шумно промчался поѣздъ мимо — и Доннербацъ долго стоялъ на улицѣ съ отверстымъ ртомъ отъ удивленія.

РОМАНЪ ВЪ СЕМИ

ПИСЬМАХЪ.

... I had a dream which was not all a dream.

BYRON.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ахъ, какъ она мила, Жоржъ, какъ она мила! Я увѣренъ, что если бъ ты увидѣлъ очаровательницу Адель въ ея кабинетъ, гдѣ и зимой раскинулись цвѣтники, гдѣ всякая бездѣлка льститъ глазу и заговариваетъ воображенію; когда бъ ты взглянулъ на нее, одѣтую въ легкое платье, окруженную благовонною, розовою атмосферою, вѣющею съ кассолета: ты бы назвалъ ее воздушною полубогинею Пери, порхающею въ испареніи цвѣтовъ; и каждое ея слово — поэзія, каждый взоръ облеченъ въ мысль. Не шутя, любезный другъ, я боюсь, чтобы твое предсказаніе не сбылось, то есть, чтобы мнѣ не влюбиться въ самого

дѣлѣ : я впервые теперь начинаю чувствовать, что мундиръ мнѣ узокъ въ груди — а это плохая примѣта для сердечнаго здоровья. Впрочемъ я хоть и нерѣдко вижу ее во снѣ , но сплю такъ спокойно , что еще сегодня опоздалъ на проѣздку. А на прошедшемъ балѣ , когда мнѣ случилось сидѣть противъ Адели за ужиномъ , мой аппетитъ былъ въ разительной противоположности со влюбленными моими взорами ; и я не разъ прятался за вазы съ цвѣтами , чтобы подъ пріютною ихъ тѣнью скрыть обломки пастета или остовъ рябчика. Я вижу , что ты улыбаясь , произносишь уже свой приговоръ , будто эта склонность принадлежитъ къ числу еженедѣльныхъ офицерскихъ страстей , которыя загораются , отъ шарканья во Французскомъ кадрилѣ , и тухнутъ въ вихрѣ двухъ или трехъ котильоновъ. Признаться , и отъ одного зѣвательнаго , случилось мнѣ не однажды разлюбить нѣкоторыхъ красавицъ , на взглядъ милыхъ , какъ радость : не удержи-те иную — и кажется , она улетитъ ; взглянетъ — вы таете , отворить ли прелестный ротикъ свой — зажмите уши . . . Но такой примѣръ нейдетъ къ Адели , — съ нею , не скучая , можно повертѣться около земнаго шара , такъ она умна и любезна. Все это занимательно и прелестно , скажешь ты , но развѣ эта дѣвица

особенно благосклонна къ тебѣ, что ты посвятился въ ея рыцари? Развѣ? — Сдѣлай милость, не докучай такими вопросами; я и самъ не знаю, какъ это сдѣлалось, и никакъ не увѣренъ въ ея взаимности. Ты знаешь, до какой умертвительной — холодности дошло здѣсь обращеніе, до какого утомительнаго единообразія доведенъ разговоръ; притомъ вездѣ тысячи глазъ, которые не близоруки только для критики, и столько же ушей, чтобы на полетѣ ловить полуслова, и составлять изъ нихъ цѣлыя басни; а потому, подобно всѣмъ влюбленнымъ, скажу: *мнѣ кажется...* *она надѣюсь*, и только. Безъ сомнѣнія, самолюбіе обманываетъ насъ часто и горько; толкуетъ въ свою пользу каждое слово, и нерѣдко записываетъ на свой счетъ взгляды, къ другому посланные; но... но или она слишкомъ ко всѣмъ чувствительна, или я настоящій глупецъ, если ошибся.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

(Мѣсяцъ спустя).

Адель любить меня! Когда бъ ты, Жоржъ, былъ здѣсь, я бы выкупалъ тебя въ шампанскомъ, на такой радости! Вообрази, она носить мой любимый цвѣтъ, поручила мнѣ вы-

боръ романовъ для чтенія, и учить наизусть отмѣченныя мною мѣста, и словомъ, множество бездѣлицъ, видныхъ и важныхъ только влюбленнымъ, измѣняютъ ея тайнѣ, льстя моему самолюбію. Конечно, ты можешь сказать: она носить твой цвѣтъ — это значитъ, что она любить его, а не тебя; она полагается на твой выборъ въ словесности, изъ этого я вижу, что ваши вкусы сходны; но изъ чего же слѣдуетъ, что взвѣсны ваши склонности? Пусть это такъ, другъ мой, но если бъ ты видѣлъ ея радость при нечаянномъ возвратѣ моемъ изъ курьерской поѣздки, — ея румянецъ, измѣнившій внутреннему волненію, если бъ чувствовалъ прерывающееся ея дыханіе — ты бы сознался, что до такой степени не достигаетъ никакое притворство. А я примолвлю, что съ той минуты она мнѣ стала милѣе всѣхъ, и всего дороже, и ни одна женщина, кромѣ ея, не будетъ любима мною, доколѣ бьется въ моей груди маятникъ жизни. О, какъ часто летаю я нынѣ, танцуя съ нею, отъ бальнаго паркета за седьмое хрустальное небо. Все, кромѣ ея, исчезаетъ для меня; всѣ мелькаютъ передъ глазами, будто Китайскія тѣни, и я въ какомъ-то сладостномъ восторгѣ, дышу упоительною атмосферою. Можешь догадаться, что я не пропускаю ни одного случая танцовать съ нею —

и я счастливъ. Ты напрасно не любишь баловъ: безъ этой благодѣтельной выдумки, наши дѣвушки умерли бы отъ скуки, посреди праздниковъ и увеселеній своихъ; потому что въ театрѣ у насъ едва кланяются знакомымъ, а на вечерахъ, прекрасный и непрекрасный полъ зѣваютъ особенно. Мудрено ли же послѣ этого, что дѣвушки страстно любятъ балы и танцы, какъ средства избавиться отъ скучнаго надзора и вѣчнаго молчанія? Тамъ, одна желаетъ блеснуть бирюзами, другая бирюзовыми глазками, третья показать прекрасную ножку, иная ловкость въ новомъ Парижскомъ па, а всѣ увидѣть и дружески позлословить другъ друга. Всѣ довольны, любопытство удовлетворено, тщеславіе находитъ пищу, сердце бьется сильнѣе, и подъ шумокъ котильона, (танца, котораго изобрѣтеніе я ставлю наравнѣ съ паровою машиною, компасомъ и летаніемъ по воздуху) рѣчи льются, улыбки расцвѣтаютъ — и вотъ красавицъ снятся эпoletы суженаго, — а тамъ и кольца, какъ въ руку сонъ. — Завтра же, не далѣе какъ завтра, буду я танцовать котильонъ съ нею, и прости мнѣ мое ребячество . . . мнѣ ужъ воображается, будто я собираюсь на балъ, верчусь передъ зеркаломъ, рву съ нетерпѣнья перчатки . . . минуты длятся, часы стоятъ —

кажется, вѣкъ не придетъ пора! — Но вотъ бьетъ десять — я кричу: пошелъ къ князю Г., и въ каретѣ качусь, выдумывая фразы, которыхъ не удастся высказать. Но вотъ пріѣхали. Подножка падаетъ — и я прыгаю на лѣстницу, унизанную дремлющими лакеями — два шага и я въ передней залѣ, оправляю волосы, осматриваю пуговики и крючки, и съ трепещущимъ сердцемъ, но спокойнымъ лицомъ вхожу въ танцевальную залу, гдѣ музыка гремитъ, и все горитъ, все блещетъ. Кланяюсь хозяйкѣ, прошу кого-нибудь, чтобы мнѣ указали хозяина — и наконецъ даю волю глазамъ искать ту, которая одушевляетъ для меня балъ и единственно для кого я ринулся въ вихрь свѣта. Взоръ мой перепрыгиваетъ черезъ перья и цвѣты — скользитъ мимо шалей и блондъ, блуждаетъ, можно сказать, въ цвѣтникѣ красоть — и нѣтъ ея! . . . Вотъ кажется ея станъ, ея походка . . . но сердце безмолвно; это не она . . . — но тамъ далѣе . . . О, я ее увижу, я ее увижу!

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

(*Черезъ двѣ недѣли*).

Что я напишу ей въ альбомъ? Что я могу ей написать? Видно, непріязненный духъ нашепталъ Адели это желаніе. Когда я спросилъ ее: на какомъ языкѣ должно написать? На языкѣ истины, отвѣчала она. На языкѣ истины! Какъ легко это сказать; какъ легко можно бы и выполнить, но терпѣть ли въ свѣтъ правду, и осмѣлюсь ли сказать: Адель, я люблю васъ? Но я не люблю павлиниться чужими чувствами, я ненавижу всѣ воздушные комплименты, на розовомъ маслѣ замѣшанные, всѣ эти мгновенные слѣды людскаго ничтожества. Притомъ по-Русски писать красно меня не учили, а я слишкомъ гордъ, чтобы изъясняться на языкѣ чуждомъ, и Адель такъ любить родину, что ей это не можетъ понравиться. Научи, Жоржъ, что дѣлать? Ты исписался и печатался; твои стихи горѣли и на папильоткахъ красавицы и надъ трубкою гусара. Но для меня тѣсенъ, холоденъ нашъ языкъ, когда нужно выразить кипящія страсти и радужныя ихъ измѣненія. О, для чего не могу я создать огненнаго нарѣчія для своей пламенной

любви, или зачѣмъ не могу я любить обыкновенно, какъ другіе! Зачѣмъ кровь, а не молоко, течетъ въ моихъ жилахъ! — Зачѣмъ, на примѣръ, не похожъ я на этихъ молодчиковъ, которыхъ вездѣ видятъ и никто не помнитъ, которые всѣмъ заняты и собой предовольны, или на товарища моего Форета, который набожно вдыхаетъ въ себя флегму предковъ изъ наслѣдственной трубки и, чтобы влюбиться классически, ждетъ ротмистрскаго чина? Съ такимъ расположеніемъ духа, я бы написалъ или списалъ въ альбомъ Адели какую-нибудь глупость, и заснулъ бы послѣ этого съ самодовольными мечтами. — Но теперь совсѣмъ иное: всѣ мои мысли растопились въ чувства, всѣ чувства слились въ одну страсть... я теперь весь — сердце. Будь моей головою, Жоржъ, разбуди во мнѣ хоть одну искру ума. — Написать ново — не умѣю, пустяковъ мараать не хочу, а правду высказать нельзя!!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

(Полтора мѣсяца спустя).

Другъ! я получилъ письмо твое, я приложилъ къ сердцу твои совѣты: они очень справедливы, но до того холодны, что отъ нихъ можно простудиться. Ты разсматриваешь любовь сквозь микроскопъ философіи, какъ насекомое; между тѣмъ, какъ ты бы долженъ былъ оторвать ее отъ моего сердца, какъ змѣю; ты хочешь набросить на нее покровъ смѣшнаго, когда она стала уже гибельна для друга твоего. Ахъ! всѣ сильнѣйшія средства, всѣ чувствительнѣйшіе укоры не помогли мнѣ вырвать изъ души своей влившуюся въ нее страсть!

Ты знаешь, Жоржъ, уступалъ ли я враждующей судьбѣ? Какъ же теперь подумать могъ, будто я безъ борьбы отдался въ плѣнъ любви? Нѣтъ, конечно нѣтъ. Я строгъ къ своимъ слабостямъ, я судилъ и удерживалъ себя — но мой чередъ пришелъ — я падаю предъ сокрушительною прелестью скудельнаго творенія. О, какъ горько идти мнѣ по широкому выгону воздыхателей, надъ которыми я всегда насмѣхался, и которыхъ названія страшился на

равнѣ съ именемъ труса. Какъ стыдилъ я самого себя, что мужчина, солдатъ, не переводя дыханія, ждетъ одного ласковаго слова, съ трепетомъ ловить каждый взоръ дѣвушки, губить время и забываетъ службу въ пустыхъ надеждахъ, въ дѣтскихъ желаніяхъ, въ ничтожныхъ игрушкахъ любви! — Какъ злобно высчитывало мнѣ честолюбіе всѣ потери неразлучныя съ супружескими видами. Въ мои лѣта, съ кипящимъ здоровьемъ, съ рѣшительностію, съ кой-какими военными познаніями — заключить свое поприще дѣтскою комнатою, ржавѣть въ бездѣйствіи, заживо обречь себя забвенію, чтобы въ то время, когда товарищи будутъ рвать лавры, мнѣ стричь меринсовъ, и вписывать свое имя не въ книгу вѣковъ, а въ женины векселя!! Это ужасно, Жоржъ, и тѣмъ ужаснѣе, что оно бесполезно. Влюбленное сердце перемогло честолюбивую душу, и съ тайными слезами я продаю свободу свою за безнадежное счастье. Завидна участь пловца, который тонетъ сонный; — но я вижу, куда стремлюсь, и не имѣю силъ остановиться: любовь къ Адели поглотила всѣ мои способности — я ничего не могу читать, нѣтъ другой мысли кромѣ о ней, нѣтъ другаго занятія, кромѣ страсти къ ней. — Спиши ко мнѣ, другъ мой, спаси меня отъ самого меня!

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

(Чрезъ недѣлю).

Нѣтъ! Я не изъ тѣхъ людей, надъ которыми смѣются безнаказанно. Мнѣ кровавыми слезами заплатить она за обманъ, если сбудутся мои подозрѣнія . . . и соперникъ мой скорѣе обручится съ мертвою пулею, чѣмъ съ Аделью. Но меня спросятъ, какое право имѣю я требовать отчета въ склонностяхъ Адели? Какія обязанности имѣетъ она быть мнѣ вѣрною? ... О, конечно никакихъ, если дѣло идетъ о наружныхъ приличіяхъ; но всѣ возможныя, всѣ священнѣйшія, если добровольное слово есть законъ для душъ благородныхъ. Я не обольщалъ ее притворствомъ, не скрывалъ своего бурнаго характера, казался не такимъ, какъ долженъ быть, не такимъ какъ желалъ бы казаться, но каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ эта невѣрность, можетъ быть, есть созданіе моей ревности . . . одно желаніе нравиться! . . . О слабое сердце! жаждешь обмануться, чтобы не найти обмана въ сердцѣ Адели — и конечно я долго обманывалъ самъ себя, но не меня обманывать другимъ!! Нѣтъ, моя участь рѣшена. Развѣ не видѣлъ я ея замѣшательства, когда мы сходи-

лись съ Эрастомъ вмѣстѣ? развѣ не ощущалъ принужденности ея отвѣтовъ и обхожденія? развѣ не замѣтилъ, какъ прокралась слеза на длинную ея рѣсницу при вѣсти, что онъ упалъ съ коня? . . . Сперва, принимая съ холодно-стію привѣты молодыхъ людей, она давала мнѣ замѣтить, что это для меня; теперь мы смѣнялись мѣстами съ Эрастомъ. — Правда, онъ благородный человѣкъ; любезенъ, миль . . . но развѣ все, что любезнѣе или красивѣе меня, должно плѣнять ея вниманіе? Почему жъ для меня не существуетъ пола, съ тѣхъ поръ, какъ я люблю ее? Почему жъ я лишь для нея имѣю сердце, глаза и даръ слова? Только ею, только для ней живу!

Онъ, кажется, ищетъ моей дружбы, кажется, онъ и жалѣетъ меня! . . . Какая обидная дерзость; я бы жалокъ сталъ самому себѣ, если бъ нуждался въ сожалѣніи моихъ враговъ. Ненавидимъ или любимъ хочу я быть; ему не дружбы, а гибели моей искать должно! Жестоки жгучія мученія ревности: въ солнцѣ нѣтъ для меня отрады, и у ночи не вымолю я сна; адъ во мнѣ и вокругъ меня.

Но если она въ самомъ дѣлѣ любитъ его?.. Тѣмъ хуже для нихъ: я ли потерплю, чтобы онъ съ усмѣшкою повелъ подъ вѣнецъ ту, въ которой любилъ я жизнь? Чтобы предпочтен-

ный мнѣ унижалъ меня своими къ ней ласками, чтобы гордость моя ежеминутно явилась двузначными взглядами, чтобы я сталъ баснею города . . . чтобъ меня произвели въ неудачные женихи? Нѣтъ, этого не будетъ! Я или онъ долженъ кровію своею связать союзъ соперника съ Аделью; — далѣе, что будетъ, то будетъ, но во всякомъ случаѣ лучше жить памятью мести, чѣмъ изсыхать отъ мукъ ревности.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

(Черезъ недѣлю).

Кончено. Черезъ полчаса я стрѣляюсь съ Эрастомъ — и на смерть: причину къ тому найти было не мудрено. Жаль, Жоржъ, что тебя нѣтъ здѣсь, — мнѣ бы многое нужно тебѣ высказать; но желаніе не коверъ-самолетъ, и потому, я за глаза душевно благодарю тебя за твою нѣжную ко мнѣ дружбу. Мало такихъ людей, какъ ты, и едва ли есть подобные друзья; я любилъ тебя, много любилъ! . . . Слеза, которая упала теперь на письмо, вѣроятно есть послѣдняя жертва дружеству . . . — Завѣщаю тебѣ одну священную

вещь — свою любовь къ родинѣ; живи для ней! Я сожалью лишь о томъ, что не для нея умру. Говорю, умру, потому что я рѣшился ждать выстрѣла . . . я его обидѣлъ. Къ роднымъ я написалъ — утѣшь ихъ; оставляю своего Ивана — призри его. Если увидишь Адель, когда меня не станетъ, скажи ей, что я любилъ ее — и никого не могъ ненавидѣть. Секунданты здѣсь, пули пригнаты, пистолеты готовы; я ѣду — прости!

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

(Четыре дня послѣ.)

Я убилъ его, убилъ этого благороднаго великодушнаго человѣка! Какъ онъ уговаривалъ меня, сколько жертвъ приносилъ моему счастью и своей чести, — я былъ неколебимъ — ложное честолюбіе окаменило мое сердце, и слѣпая судьба влекла на убійство, на злодѣйство. Какъ не послушался я внутренняго голоса, меня обвинявшаго! Да! такъ . . . и эта душевная тоска, залегшая въ сердце накануне, развѣ не была отголоскомъ будущихъ угрызений? И совершилось! Мы близились съ двадцати шаговъ, я шелъ твердо — вѣдь уже три пули просвистали мимо этой головы — я

шелъ твердо, но безъ всякой мысли, безъ всякаго намѣренія: скрытыя въ глубинѣ души чувства совсѣмъ омрачили мой разумъ. На шести шагахъ, не знаю отъ чего, не знаю какъ, дакнулъ я роковой шнеллеръ — и выстрѣлъ раздался въ моемъ сердцѣ! . . . Я видѣлъ, какъ Эрастъ вдрогнулъ . . . Когда пронесло дымъ — онъ уже лежалъ на снѣгу и хлынувшая изъ раны кровь, шипя, въ немъ застывала. Удалите, удалите отъ глазъ моихъ эту картину, сдвиньте съ сердца о ней воспоминаніе! Я кинулся къ нему . . . онъ отходилъ, взглянулъ на меня безъ гнѣва, подаль мнѣ руку, прижалъ къ устамъ ленту, которая навязана была у него на рукѣ — это былъ поясъ Адели, «Адель! . . .» произнесъ онъ тихо, и свѣтъ выкатился изъ очей — слушаемъ . . . пульсъ молчитъ; подносимъ къ устамъ сабельную полосу — нѣтъ слѣдовъ дыханія: онъ умеръ!

Сколько разъ я слышалъ это слово равнодушно, но тогда этотъ звукъ голоса — какъ гора на меня обрушился. Въ забвеніи стоялъ я надъ хладнымъ трупомъ Эраста, и напрасно припоминалъ, за что убилъ его. Я чувствовалъ свое преступленіе, и не находилъ ему вины, и напрасно искалъ извиненія въ своей страсти — она какъ будто развѣялась съ выстрѣломъ,

будто застыла въ крови соперника. Мнѣ казалось, напротивъ, что я убилъ лучшаго друга, любимѣйшаго брата. Наконецъ ужасный пламень совѣсти освѣтилъ мой разумъ: какое право имѣлъ я быть судіею между жизнію и смертію? Какое безумство было требовать, что ни отъ кого изъ насъ не зависѣло! Можно ли повелѣвать сердцу? какъ можно было его не любить? И она любила его, и конечно была бы съ нимъ счастлива: мой бѣшенный нравъ не сходился съ ея кроткимъ нравомъ. Но я изъ зависти разорвалъ вѣнокъ ея счастья; думалъ, что въ страстномъ любовникѣ забудетъ она убійцу любезнаго, и въ моихъ кровавыхъ объятіяхъ любовь къ другому. Если жъ бы онъ убилъ меня — то пусть бы страшные сны отравили покой ихъ, и моя тѣнь вездѣ бы ихъ преслѣдовала! . . . Несчастный! Я позабылъ тогда о себѣ, я не зналъ, что, готовя мечь ему, обрекъ себя на отчаяніе.

Я уже на гаупт-вахтѣ. Военный судъ наряженъ . . . жестокое и справедливое наказаніе ждетъ меня; но что значить все это, когда Божій перстъ на мнѣ тяготѣетъ! — Теперь ночь — все дремлетъ крутомъ, но не спитъ червь моего сердца. День проходитъ въ угрызенияхъ совѣсти; ночь населяетъ темноту стра-

шилищами и . . . повѣришь ли , другъ , каждый стукъ , каждый окликъ часоваго заставляетъ меня вздрагивать. — Забываюсь ли утомленный — привидѣнія бродятъ кругомъ постели, и что-то шепчутъ мнѣ на ухо. Засыпаю ль — и ужасныя грезы волнуютъ сердце: роковой выстрѣлъ звучитъ , смертное стenanіе раздираетъ слухъ мой ; то опять шепчущая тишина , то вдругъ похоронное пѣніе , надо мною стукъ заступа , мнѣ душно , я вдыхаю могильную пыль . . . гробовая доска давитъ грудь . . . червякъ ползетъ по лицу . . . Га!... векакиваю , и капли холоднаго пота мнѣ чуются капли крови . . . О , кто избавитъ убійцу ненавистной жизни ! Для чего мы не на войнѣ ! . . . для чего не разстрѣляютъ меня !

ВОЕННЫЙ АНТИКВАРІЙ.

(Изъ Арзерума, 1829 года, въ октябрь.)

БОЖЕДИНЪ АТНІВІНЪ.

(Насъ Апостолъ, 1829 года, въ окладѣ.)

«Онъ филологъ, онъ антикварій:

Въ Толкучемъ, въ пряничномъ анбарѣ

Нашелъ онъ рѣчь о поль-ушкѣ

На Финикійскомъ языкѣ.

За ней онъ годъ въ архивахъ рылся,

Надъ примѣчаніями бился,

Сличалъ и сравнивалъ — и вотъ,

Съ нея буквальный переводъ.»

Литературное засѣданіе. Сатира.

Помните ли, когда гвардія въ торжествѣ
возвратилась изъ Парижа? Боже мой, сколько
привѣтныхъ: ура! сколько радостныхъ слезъ,
сколько объятій и поцѣлуевъ, сколько разска-
зовъ и гостинцевъ, но пуще всего гостинцевъ!
Дамы были внѣ себя отъ восхищенія, и не
рѣдко раны и подвиги возвратившихся героевъ
забывались для перчатокъ въ грецкомъ орѣхѣ,
или серегъ, которыя наигрывали: vive Henri IV.
Отъ зеркала бѣжали обнять брата, и снова
покидали его, чтобы примѣрить передъ зерка-
ломъ косынку, или гребенку, полюбоваться

на Парижскій ридикюль, на цѣпочку, на рѣзной вѣеръ изъ пахучаго дерева. Вопросы и восклицанія сыпались на удачу: — Qu'il est beau de perdre un oeil pour la croix de St. George! говоритъ тетушка; et pour la patrie aussi! прибавляетъ воинъ. — Mais oui, cela s'entend! — Пуля плохо пошутила съ моими зубами, рассказываетъ кузинѣ молодой полковникъ. — Но за то у васъ теперь завидное произношеніе, возражаетъ она: vous grasseyez à ravir. — C'est bien gentil, душенька! говоритъ жена, цѣлуя мужа въ лобъ, но не сводя глазъ съ моднаго кольца: — c'est bien aimable de votre part. Однако ты писалъ, что у тебя отрѣзали ногу? — Французы оторвали, Французы и придѣлали ее, отвѣчаетъ мужъ, шутя. — И ты носишь деревянную? — Пробковую, m'amie, пробковую: она легка и гнется, какъ живая. — Въ самомъ дѣлѣ не узнаешь, которая поддѣльная — и я надѣюсь, душенька, протанцовать съ тобою мазурку! — Я буду плавать, m'amie, и теперь сама княгиня О. не утонитъ меня вистомъ, отвѣчаетъ мужъ, вытягивая за уши плохіе каламбуры. — Какіе искусники! восклицаетъ жена, любуясь то ногою мужа, то Парижскими башмачками: — que de naturel dans tout ce qui ne l'est pas! — C'est un peuple par excellence! прибавляетъ мужъ рѣшительно. — Правда ли,

что въ Парижѣ ѣдятъ рыбу пальмовыми вилками? спрашиваетъ бабушка. — Въ какой день недѣли Французское воскресенье? спрашиваетъ племянница. — Герой не успѣваетъ отвѣчать.

Все тогда стало у насъ Французское болѣе, чѣмъ когда нибудь: ленты и соусы, помада и пѣсни. У каждаго офицера побогаче завелся свой *Lafleur*, *Lajeunesse*, свой *Ponchard* или *Sans-quartier*. Господа бредили каламбурами Потье, деньщики насвистывали Жоконда; словомъ: обѣ наши столицы походили на Пале-Рояль, переложенный на Русскіе нравы. Отчаянные Галломаны говорили: у насъ въ Парижѣ.

Теперь славная война съ Турками кончилась, и приливъ молодежи готовъ хлынуть на Москву и Петербургъ съ Азіятскими новинками. Не чугунную статуйку Наполеона, не томы Жомини притащить оттуда офицеръ, который мѣтитъ въ генералы. Не Желтаго Карлу, не пѣсни Берамжера и не табакерку съ фокусами вывезетъ вѣтреникъ для шалуновъ-пріятелей. Не блестящія игрушки и кудрявыя фразы принесетъ угодникъ прекраснаго пола. Нѣтъ, м. гг. первые явятся съ огромными тетрадищами, подъ заглавіемъ: записки о Турецкой войнѣ, или тактика Турокъ, или журналъ побѣдъ и. т. п.; другіе навезутъ съ со-

бой Турчатъ и Арабченковъ; но для васъ, милостивыя государыни, готовится гроза страшнѣе Темерлановой! Вы, отпуская своихъ витязей на брань, завѣщали имъ освободить женъ и невольницъ изъ гаремовъ пашей, разрушить ихъ цѣпи и затворы! Увы! эти витязи стали отступниками Платонизма! Они уже согласны съ Наполеономъ, что многоженство очень полезно, что недостойно для мужчины тратить свой вѣкъ на пустыя угожденія, сплетни и ссоры любовныя, и что не худо бы васъ держать въ заперти, чтобы укротить ваше самовластіе надъ нами! То ли еще? они хотятъ привести всѣ нѣжныя связи къ одному знаменателю: вести любовь лаконически, изъясняться цвѣтами и мстить за измѣну кинжаломъ. Впрочемъ, во ожиданіи такого переворота, они будутъ дарить васъ, милостивыя государыни, Персидскимъ вареньемъ и Турецкими тканями. Модные термины поблѣднѣютъ передъ именами: кешмиръ, гакиль-гакиль, стамбулъ-гези, мовъ, или тереманама! Мужья, братцы, племянники ваши, проклиная во время походовъ несносную погоду и природу Азіи, сгорѣвшія поля отъ зною, нагія горы, непроѣзжимыя дороги, логовища, называемыя деревнями, и кучи камней за зубчатыми стѣнами, величаемыя городами, и въ нихъ смрадные у-

лицы, комнаты безъ половъ и оконъ, рядомъ съ конюшнею, ковры, шевелящіеся отъ наскочныхъ, подушки, набитыя кислую шерстью, восточную гущу ихъ кофе, и кругомъ дымъ тизяковъ, крикъ ослятъ и раздирающее уши пѣніе Азіятцевъ — теперь будутъ разливаться передъ вами въ пышныхъ разсказахъ объ Азіятской роскоши, которой не видали мы ни блески, о прелестяхъ одалыкъ, увезенныхъ прежде насъ далѣе, о зеленѣющихъ горахъ, о темноглубомъ небѣ и всей пышности отчизны гюль-гюль и бюль-бюль, т. е. розы и соловья.

Но примѣръ заразителенъ; мода прихотлива, и я право боюсь, чтобы красавицы наши не переняли (обычая красить ладони и ногти красноватою краскою, или рисовать сердечки и звѣздочки между бровей. Согласенъ, что Турецкій амулетъ на прелестной груди Россіянки будетъ милъ, какъ таинственная печать на любовномъ письмѣ; но, ради трехъ грацій, не вывозите, господа, ни одного покрывала (чадры): они и здѣсь надобли до смерти.

Отпуски позволены, полки идутъ въ Россію, гвардейцы скачутъ въ Петербургъ — и тутъ-то пойдетъ революція въ домашнемъ быту офицерскомъ! Диваны стелются по полу; чубуки —

съ Коломенскую версту; трубки замѣнены воркуномъ кальяномъ. Р. А. побѣжденъ Турецкимъ табакомъ. На халаты — острацизмъ: ничего нѣтъ покойнѣе архалуха (шелковое полукафтанье), онъ такъ пристоеенъ и легокъ! Но Закавказцы будутъ стягивать его Черкесскимъ ремнемъ, съ наборкою подъ чернядь, а Забалканцы опояшутся шелковымъ поясомъ или сафьяннымъ черезомъ, снятымъ съ убиитаго собственною рукою Арнаута. Каждая лошадь будетъ Фатъма, или Аспа, или Чехине. Каждый пудель Мустафа или Джедзаръ. Мазурки загремятъ на голосъ: *Атла будашь**; балеты запестрѣютъ чалмами, и въ гостиныхъ долго раздаваться будутъ слова: топъ-юлъ (пущенная дорога), кәрпи (мостъ), дагъ (гора), кале (крѣпость), санджакъ, (округъ) пашалыкъ (область), и тому подобныя термины, нащипкованные въ рассказъ для приданія мѣстной краски.

Но между тѣмъ, какъ орлы Русскаго Царя съ двухъ краевъ свѣта метали громъ на султана и несли побѣду на Стамбулъ съ башни на башню, съ хребта на хребетъ горъ непроходимыхъ, — наши строевые герои украша-

* Не бросай въ меня камнемъ! Серце мое уже прострѣлено взоромъ твоимъ! — Известная и любимая Мусульманская пѣсня.

лись оружіемъ побѣжденныхъ, и наконецъ Азіятская страть къ нему* обратилась въ заразительную болѣзнь. Бунчуки, знамена, пушки — всѣ трофеи Русской славы катятся теперь въ столицу — какъ же сподвижникамъ славы явиться туда безъ Карабахскаго кинжала, безъ Турецкой сабли, безъ Крымской винтовки или Черкесскаго ружья? Чѣмъ блеснуть передъ товарищами, чѣмъ похвалиться передъ провинціалами? Сколько хлопотъ достать почудеснѣе желѣзо; сколько затѣй, какъ оправить его, какую сдѣлать насѣчку, какую выдумать надпись? Платятъ за дряннѣе въ тридорога, и ятаганы и кинжалы всѣхъ родовъ и видовъ, отслуживъ нерѣдко срокъ свой на кухнѣ, для битка на колесѣ — облекаются въ бархатъ и серебро, и къ каждому клинку, къ каждому стволу, по Восточному обычаю, изобрѣтается исторія. Эти пистолеты, не менѣе какъ Lazago Lazagino**, подарокъ покойнаго султана сераскиру или первому визирю. Эта сабля похищена изъ дворца Сре-

* Для Европейца непонятно, и едва вѣроятно, какъ цѣнятся Магометанами оружіе: есть клинки, цѣнимые до 12,000 рублей! Рубятъ ли же они желѣзо, кость? спросите вы . . . Сохрани Алла! какъ можно пробовать такую драгоценность! Владѣтель никогда не надѣнетъ дорогаго оружія въ дѣло.

* Въ арсеналѣ Арзерумскомъ есть паръ до 50-ти такихъ пистолетовъ, и одна другой хуже.

доточія вселенной, т. е. шаха, во время возмущенія въ Тегеранѣ. Этотъ *кессимбашъ* (говорѣзь) вырванъ изъ рукъ какого нибудь Лаза, или изъ зубовъ байрактара * — котораго, смиренно прибавить воинъ, удалось мнѣ свалить собственною рукою: вотъ и забурица отъ моего удара! Словомъ, въ теченіе полугода, Азіятское оружіе будетъ красоваться на стѣнахъ и проигриваться на столахъ нашей молодежи; но не болѣе полугода. Потомъ станутъ раздаривать ихъ пріятели, отдадутъ ихъ слугамъ, а изъ передней недалеко и до Толкучаго Рынка — вотъ судьба славы!

Но неужели же подражательность эта столь же бесполезна, какъ смѣшна? — не думаю. Мы начали съ Французской вѣтрености, но скоро перешли къ ихъ просвѣщенію. Мы стали мыслить, желая научиться болтать, и чтеніе, принятое въ привычку, какъ мода, обратилось въ нравственную нужду. Нося Брегетовы часы, или очки Шевалье, стыдно стало не имѣть понятія о механикѣ, объ оптикѣ; покупая для тетушки Бразильскаго попугая — узнали по немноту, что Американцы не дика-
* Знаменоносець: они обыкновенно, какъ всѣ наѣздники Турецкіе и Черкескіе, кидаясь въ схватку, держатъ саблю въ зубахъ, чтобы, выстрѣля, имѣть ее подъ рукой.

ри. Познанія вкрадывались — и скоро многіе Русскіе офицеры захотѣли быть Европейцами не по одному имени; и поѣхали въ тѣ мѣста учиться, гдѣ сражались. Ихъ братцы пустились туда воспитываться, гдѣ гуляли ихъ отцы. Тысячи полезныхъ улучшеній въ хозяйствѣ, тысячи удобствъ въ домашнемъ быту, вошли въ употребленіе изъ одного желанія обповокъ. Можно сказать, что Россія пробудилась въ 1812 году, и Бородинскія ядра были для ней сѣменами просвѣщенія. *Все къ лучшему* — не мечта! У Турокъ, конечно, намъ нечего занимать ни въ какомъ отношеніи, но полезно узнать Турцію покороче. Молодежь наша, возвратясь домой, будетъ краснѣть, не умѣя отвѣчать на дѣльные вопросы, и станетъ читать, чтобъ не краснѣть часто; повѣритъ писанное видѣннымъ, отброситъ басни и убѣдится въ истинѣ. Узнавъ Турцію, мы лучше будемъ любить свое благодатное отечество; испытавъ чужіе пороки, мы помиримся съ его недостатками. Мы возблагодаримъ провидѣніе, что родились въ землѣ, въ которой жизнь гражданина не зависитъ отъ прихоти паши; въ которой разбойники, среди бѣлаго дня, не отнимаютъ у него имущества; гдѣ нѣтъ ни зною, ни скорпіоновъ, ни умертвительныхъ клоповъ Міаны. По крайней мѣрѣ, если не

узнають и этого, то пристрастіе къ Азіятскимъ мелочамъ сдѣлаетъ ихъ свѣдущими судьями въ костюмахъ и декораціяхъ. Нѣчто лучше, нежели ничто.

Впрочемъ, говоря это, я разумѣю только толпу молодежи, которая, по разсѣянности воспитанія и вѣтренности нрава, не дала еще себѣ труда узнать и обсудить. Но теперь, какъ и прежде, войска наши не имѣли недостатка въ людяхъ Европейскихъ познаній и понятій основательныхъ по всѣмъ вѣтвямъ наукъ. Замѣчанія ихъ, конечно, прольютъ много свѣта на исторію и топографію странъ, пройденныхъ нами.

Къ небольшому, но почтенному кругу ученыхъ Кавказскаго корпуса принадлежитъ одинъ офицеръ, посвятившій себя на изысканіе древностей. Занятіе это, какъ по большей части случается, превратилось у него въ страсть ослѣпляющую. Онъ спитъ и — видитъ древнія медали, ходитъ и — грезитъ о рунахъ, надписяхъ, іероглифахъ. Для образчика я опишу вамъ вчерашнее съ нимъ свиданіе.

У самыхъ Эрзинганскихъ воротъ столкнулся я съ этимъ занимательнымъ чудакомъ. Онъ бѣжалъ внизъ, нахлобучивъ фуражку, со всею быстротою тѣла, катящагося съ горы, помноженнаго на цетеріѣливость характера, и я дол-

женъ былъ, схвата его за руку, дважды повторить: куда, куда, нашъ Денонъ? покуда онъ очнулся.

— А! это ты, Тома невѣрующій, сказалъ онъ, и спрашиваешь куда, стоя на порогѣ святилища?

Онъ потащилъ меня на поклонъ къ небольшой часовнѣ или придѣлу временъ Византійскихъ императоровъ, которую въ то время разбирали для перевозки въ Петербургъ.

— Эти двѣ дорожчатые колонны, теперь полуразрушенныя, принадлежатъ къ огромной церкви, тутъ бывшей, произнесъ онъ: барельефы по обѣимъ сторонамъ Эрзинганъ-капи это доказываютъ.

Я осмѣлился усомниться.

Никакого слѣда большаго храма вблизи; колонны походятъ болѣе на минареты, или на памятники, а всего скорѣе на приворотные столбы. Арабески весьма подозрительны: ни стиль, ни вкусъ въ украшеніяхъ базиликъ, даже въ упадкѣ архитектуры, не были такъ нелѣпы. Правда, тутъ есть признаки двуглавого орла — но развѣ не могли влѣпить его Арабы въ свои пряничныя вязи, какъ охотники до всего чудеснаго, какъ трофеей? И наши церковные рѣзчики вплетаютъ въ рѣзьбу и льва, и полумѣсяцы, и солнца, но слѣдуетъ ли

изъ того, что рѣзьба эта Персидская или Турецкая?

— Но развѣ не могло случиться на оборотъ, возразилъ онъ, что Турецкому художнику поручено было Греками сдѣлать эти украшенія?

— Такъ; но куда дѣнется тогда твоя Византійская имперія?

Онъ закусилъ губу, говоря, что я не знаю въ томъ толку, что все это для меня тарабарская грамота!

— А propos! примолвилъ я ему: для нашей тарабарщины стоитъ быть Шампольономъ. Какія важныя преданія, сколько историческихъ истинъ можетъ таиться подъ немногими строками Русскихъ рунъ!

Онъ остановился.

— Я подумаю, сказалъ онъ: я подумаю о томъ, воротясь въ Россію — и ни одинъ колоколь съ надписью, ни одна приписка къ часослову, ни одна проба пера не убѣжитъ меня.

— Лишь бы ты не бѣжалъ отъ нихъ. — Между тѣмъ надо написать къ Калайдовичу и Строеву . . . Счастливецъ Строевъ! теперь онъ на раздольѣ роется въ ризницахъ монастырей и въ круганахъ богатырей Сѣверной Россіи, собираетъ и разбираетъ свитки съ юсами и безъ юсовъ и выкапываетъ Чудскія запястья или оружія дравнихъ Славянъ . . .

между тѣмъ, какъ нашъ графъ такъ скоро перелетаетъ горы и области, такъ быстро беретъ города что, не успѣешь оглянуться — бьютъ подъемъ: впередъ и впередъ! Пойдемъ ко мнѣ обѣдать. — Пойдемъ.

Полдня еще не было, но военный меридіанъ протянуть черезъ желудокъ. На дорогѣ онъ завербовалъ еще двоихъ товарищей. Надъ дверьми дома, въ которомъ обиталъ нашъ антикварій, по здѣшнему обычаю, прибита была туриная голова съ огромными рогами; я думаю, въ знакъ того, что и правовѣрные лбы имъ не чужды. Онъ очень жалѣлъ, что она слишкомъ громоздка для перевозки, а то пріятно бы вывезть ее, какъ рѣдкость натуральной исторіи, потому что туръ, гонимый собаками, съ утеса кидается въ пронасть на упругіе рога свои и, невредимъ, обманываетъ искусство охотника: при томъ же это Арзерумскій трофей.

Входимъ.

Прежній гаремъ походилъ на щепетильную лавку, или театральную уборную. Ржавыя оружія, Турецкіе уборы, банки и кофейныя чашечки, Арабскія книги и снимки съ надписей разбросаны были вездѣ. На Римскомъ топорѣ сушился плащъ; окно было приперто Курдинскою пикою, а на кровати, вмѣсто по-

душки, лежала пара древнихъ кирпичей. Онъ съ гордостью смотрѣлъ, какъ мы лавировали между его рѣдкостями.

— Такъ эту-то дрянъ, сказалъ я: ты возишь съ собою? Такъ для ней-то лишаешь себя необходимыхъ въ походѣ вещей и припасовъ, и тратишь всѣ свои деньги!

— Вандалъ, Остроготъ! вскричалъ съ негодованіемъ Антикварій: и ты называешь дрянью сборъ чудесъ, которыя обогатятъ любой народный музеумъ! Этотъ остеклѣвшій кирпичъ, напимѣръ, подаренъ мнѣ Англійскимъ путешественникомъ: онъ изъ развалинъ Вавилонскихъ. По немъ, можетъ быть, ходила стопа Семирамиды, лилась кровь Сарданапада, и огонь пожара Александра Великаго сохранилъ его для вѣчности. Этотъ прозрачный роговой щитъ восходитъ до временъ Бактріанъ; эта стальная поручь съ золотою насѣчкою — вѣка халифовъ Бармесидовъ. Вотъ двойная ликторская сѣкира съ гербомъ императоровъ: легко статься можетъ, что она была въ рукахъ предковъ нашихъ, которые занимались къ нимъ тѣлохранителями. Вотъ щиты крестоносцевъ *! Вотъ требникъ первыхъ вѣковъ христіанства, найденный въ Гюмюш-Ханѣ!

* Щитовъ сихъ множество въ арсеналахъ Турецкихъ. Они имѣютъ видъ однобокой трапеціи или

Тутъ онъ подалъ мнѣ пергаменную, законченную, скоробленную книжку, въ которой ничего нельзя было распознать, и я сказалъ:

— Вижу въ ней только доказательство, что Антикваріямъ тогда лишь годится вещь, когда она никуда не годится.

— Когда вѣки подернутъ ее своимъ дымомъ, когда печать разрушенія и ржавчины легла на нее, отвѣчалъ онъ: тогда только драгоценна она въ глазахъ знатока. А то ваши чистенькія рукописи и свѣтленькіе рублевики, на которыхъ всякой лавочникъ можетъ разобратъ буквы по складамъ — вздоръ, игрушка! Нашъ братъ, не только по тремъ — по одной литерѣ узнаетъ, какому вѣку и царю принадлежитъ книга или монета. Вотъ, на примѣръ, двѣ: угадай, какой земли? А?

— Я не вижу ни крошки.

— И не узналъбы, если бы и увидѣлъ: онъ Хозроэса II-го, который похитилъ изъ Константинополя дерево Честнаго Креста и шель, вѣроятно, по Байбуртскому ущелію, гдѣ и найдены. Эти двѣ банки содержатъ въ себѣ воду растаяв-

сдвинупаго параллелограма; выкрашены на уголь или пополамъ разными красками, иногда съ полосою чаще всего изображены цвѣты; гербовъ видѣть не случилось. Краски свѣжи. Чьи они? у Азіятцевъ щиты круглые.

шихъ льдинокъ съ вершинъ Касбека и Ара-
рата : какъ возвышается просвѣщеніе! первую
прислалъ мнѣ пріятель изъ отряда генерала
Эммануэля, другую доставилъ Парротъ.

Я перебилъ его вопросомъ : не получилъ
ли онъ при этомъ кольца отъ цѣпи Прометее-
вой, или обломка Ноева ковчега.

Онъ не удостоилъ отвѣчать на это , и про-
должалъ , бояся упустить случай къ разсказу :

— Эту львиную голову сбиль я съ однихъ
воротъ въ Байбуртъ.

— Но почему же она львиная, а не коше-
чья? спросилъ одинъ изъ офицеровъ : три
дыры, какъ на гранатѣ, и двѣ черты подлѣ
рта, изображающія усы, предполагаютъ голо-
ву: но голова и усы бываютъ и у осетра!

Нашъ старинарь запнулся.

— Потому . . . потому, отвѣчалъ онъ : что
художникъ вѣрно хотѣлъ изобразить необы-
кновенное, благородное животное, слѣствен-
но, всего скорѣе льва!

— Пусть такъ; но что за страсть къ урод-
ливымъ изображеніямъ?

— Стирина, любезнѣйшій, старина! Этотъ
полищъ — звѣно въ цѣпи исторіи художествъ.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ надобенъ огром-
ный Пандемоніумъ : Сибирскія степи и горы
населены разными идолами, которые безобра-

зіемъ и стариною не уступятъ никакимъ болванамъ въ свѣтъ.

— Мы и до нихъ доберемся, отвѣчалъ онъ серьезно. Но вотъ звѣзда моего кабинета, прибавилъ онъ, грохнувъ на столь огромный камень. При взрывѣ на воздухъ Байбуртскаго замка, камень этотъ, какъ съ неба, упалъ передо мною: на ловца и звѣрь бѣжитъ! Каковъ орелъ, изображенный на немъ? Имъ докажу я, и безъ свидѣтельства историковъ, что Байбуртъ находился во власти Восточной имперіи.

— Можетъ статься, это и другая птица, замѣтилъ одинъ товарищъ.

— Самъ ты птица, mon cher, отвѣчалъ Археологъ: развѣ не видишь этой головы?

— Вижу.

— Вотъ тебѣ и другая голова.

— Другой не вижу: можетъ, время откусило ее.

— Замѣть эту выпуклость подлѣ крыла въ видѣ занятой: она предполагаетъ кривой носъ, носъ предполагаетъ голову: дважды одинъ — два: слѣдственно, это Византійскій гербъ.

Всѣ качали головами, и я сказалъ, что онъ, кажется, сѣетъ свои предположенія на камнѣ.

— Я строю ихъ на камнѣ, гордо возразилъ онъ, и въ доказательство началъ приводить

тексты изъ разныхъ историковъ ; но ихъ упрямая память моя не запомнила на-тощакъ.

Къ счастію , скоро подали на столъ. Хозяинъ былъ очень любезенъ и веселъ , а гости между тѣмъ подтрунивали надъ его хозяйствомъ , увѣряя , что и поваръ его долженъ быть страстный Антикварій : супъ походилъ на черную Спартанскую похлебку ; алады были тверже медалей царя Хозроэса , а надъ жаренымъ пѣтухомъ само время изломало бы зубы. Вѣрно онъ принадлежитъ къ числу Арзерумскихъ древностей , сказалъ я . . .

— Онъ одной фамиліи съ Византійскимъ , прибавилъ другой.

Хозяинъ смѣялся отъ чистаго сердца , и кусокъ Голландскаго сыра , виноградъ и доброе Кахетинское вино утѣшили насъ въ неудачѣ , столъ обыкновенной въ походахъ.

— Какою славною , историческою дорогою вель насъ главнокомандующій отъ побѣды къ побѣдѣ ! сказалъ хозяинъ , прихлебывая съ трубкою кофе и заводя снова разговоръ на древность. Здѣсь двигалась часть полчищъ Ксеркса , когда онъ шелъ потопить Грецію волнами варваровъ ; здѣсь шли орды Тамерлана , разоривъ Византію ; здѣсь , по всей вѣроятности , отступалъ Ксенофонтъ съ десятью тысячами Грековъ , заведенныхъ въ горы не-

вѣрными проводниками; здѣсь промчался бурею Александръ Македонскій къ Кавказу . . .

Мы возопіяли однако жъ противъ этой догадки. Конечно историкъ его, Квинтъ-Курцій, говорить о здѣшнихъ горахъ, о Лазикѣ, неизмѣнившейся до сихъ поръ; но ничѣмъ не подтверждается, чтобы онъ избралъ берегъ Чароха дорогою для своей фаланги; равно какъ сомнительно, чтобы всѣ сказанные предводители сговорились избрать Байбуртское ущеліе для прохода. На сказки жителей полагаться нечего; на всемъ Кавказѣ нѣтъ ни одного замка, который бы не величался построеніемъ Искендера; Шамхорскій минаретъ и Дербентская стѣна поперекъ горъ — все его работа! Какъ на Западѣ всю древнюю постройку приписываютъ Юлію Цесарю, такъ въ Азіи все — Македонскому герою. Говорятъ: онъ былъ тамъ и здѣсь; говорятъ . . . но гдѣ доказательства.

— У меня въ чемоданѣ, увѣрительно отвѣчалъ нашъ лордъ Эрскинъ. Вы, я думаю, знаете, что Александръ, прогуливаясь по Азіи, велѣлъ раскидывать огромныя оружія, стремяна, узды, чтобы потомки воображали воиновъ его великанами?

— Читали.

— Очень радъ. Это не сказка: я въ Бай-

буртскомъ ущеліи, посланъ будучи засыпать перекопъ дороги, испорченной, какъ вы помните, ретирующимися Турками — нашелъ въ землѣ ужасной величины узду.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ вытащилъ перержавѣлое желѣзо, имѣющее совершенный видъ узды; большія кольца на концахъ, два среднія кольца на третьемъ, удила — да и только! Видя, что мы начинаемъ убѣждаться, онъ принесъ еще старый клинокъ съ надписью: *Marino Falieri*.

— Мечъ этотъ не слишкомъ древенъ, произнесъ онъ съ довольнымъ видомъ: но онъ принадлежалъ знаменитому — по своимъ подвигамъ, но несчастному дожу . . . и кто не читалъ трагедіи Байрона подъ этимъ именемъ? . . . Но вотъ, г-да, кладъ, а не диковника! прибавилъ онъ, вытаскивая огромный шишакъ. За эту вещь Мусульмане готовы бы дать милліонъ рублей, или столько же ударовъ кинжала, еслибъ узнали объ ея существованіи — это шлемъ Магомета!!!

Мы кинулись его разсматривать: онъ былъ граненый и остроконечный, на подобіе Русскихъ шишаковъ, и очень заржавленъ; однако жъ, богатая золотая насѣчка проглядывала сквозь, а кругомъ свѣтлѣла Арабская надпись, недавно отчищенная. Насъ приводила въ сом-

нѣніе только величина его ; при томъ же по краямъ не было обычныхъ скважинъ , для ваты и прикрѣпленія налобника и нашейника. Но догадливый Антикварій богатъ на изъясненія ; онъ утверждалъ , что голова необыкновеннаго человѣка долженствовала быть поукладистѣ нашихъ ; что вмѣсто нашейника онъ носилъ , вѣроятно , кольчатую шапочку съ лопастями , а статься можетъ , надѣвалъ его на чалму.

Въ эту минуту дверь растворилась , и вошелъ храбрый маіоръ Татарской нашей конницы , Аббасъ-Кули , человѣкъ весьма просвѣщенный и милый. Мы обступили его съ вопросами о трехъ древностяхъ. Началось съ клинка , потому , что Дагестанцы знатоки въ оружіи.

— Знаете ли , каковъ и какой этотъ клинокъ ?

— Очень знаю , отвѣчалъ онъ : шалунъ П. Б. выпросилъ у меня эту старую дрянную полосу , которая служила вмѣсто шашлыка (вертела) , велѣлъ мастеру вырѣзать буквы и потомъ положилъ въ уксусъ поржавѣть.

— А это что за вещь ? сказали мы , предлагая Македонскую узду.

— Это . . . это Турецкій треногъ , отвѣчалъ онъ ; къ тремъ кольцамъ пристегиваются путы.

Мы засмѣялись ; Антикварій поблѣднѣлъ.

— Переведите , пожалуйста , сказалъ онъ гордо, эту надпись — вотъ отсюда, гдѣ я вычистилъ сначала.

— При-над-лежитъ про-ро-ку Магомету, прочелъ Аббасъ-Кули, и хозяинъ вспрыгнулъ отъ радости.

— Не правъ ли я ? не говорилъ ли я , что эта одна вещь стоитъ сотенъ другихъ рѣдкостей !

Между тѣмъ Аббасъ-Кули читалъ далѣе.

— Мы прочли не всю надпись , сказалъ онъ : вотъ полный смыслъ ея : слава принадлежитъ пророку Магомету; счастье тому , кто слѣдуетъ корану его ; да благословитъ Алла сію пищу!

— Пищу ! воскликнули мы всѣ : да развѣ у васъ кушаютъ подъ хрѣномъ головы правовѣрныхъ ? вѣдь это шлемъ !

— Извините , господа , хладнокровно отвѣчалъ ученый Мусульманинъ : это крышка съ блюда пилаву.

Электрическая искра смѣха потрясла насъ, и долго не могли мы остановиться. Едва затихалъ одинъ, хохоть другаго опять увлекалъ всѣхъ.

— Чудесный шлемъ ! говорилъ тотъ сквозь слезы.

— Ай-да Македонская узда! прибавлялъ другой, держась за бока.

— Этотъ дожъ могъ бы выѣхать на обрученіе съ моремъ на палочкѣ, замѣчалъ третій.

Аббасъ-Кули поглядывалъ на насъ, какъ на сумасшедшихъ, и комическое отчаяніе Антикварія довершало картину.

Не такъ бываетъ пораженъ неопытный юноша измѣною любовницы; не такъ свирѣпала львица, у которой отняли дѣтей. Сперва онъ упалъ на кровать, закрывъ лице руками; но гнѣвъ превозмогъ: онъ вскочилъ, швырнулъ гигантскія удила за окошко, согнулъ Венеціанской клинокъ о колѣно и зачалъ пинать знаменитый шлемъ изъ угла въ уголъ, браня ложныхъ друзей, которые дарятъ его на смѣхъ поддѣльными диковинками, или приходятъ смѣяться весьма обыкновенной неудачѣ.

Я старался утѣшить его, обѣщая выписать изъ дому щипцы, которыми Ричардъ Львиное сердце завивалъ усы свои, и шпоры съ той самой ботфорты Карла XII, которую прислалъ онъ въ Сенатъ, для управленія Швеціею — и все это съ несомнѣнными доказательствами, съ патентовою родословною; но огорченный любитель древностей послалъ меня къ чорту, вмѣстѣ со шпорой и щипцами.

ЧАСЫ И ЗЕРКАЛО.

(Листокъ изъ денника.)

FACILE 3 SEP 1857

(LONDON: J. H. B. 1857)

«Time steal on us and steal from us.»

Byron.

— Куда прикажете ? спросилъ мой Иванъ, приподнявъ лѣвою рукою трехъ - угольную шляпу, а правою завертывая ручку наемной кареты. Къ генеральшѣ S. сказалъ я разсѣянно. Пошелъ въ Морскую ! крикнулъ онъ извозчику, хватски забѣгая къ запяткамъ. Колеса грянули, и между тѣмъ, какъ утлая карета мчалась впередъ, мысли мои полетѣли къ минувшему.

Сколько пріятныхъ часовъ провелъ я у генеральши S. . . . Милая дочь, умное общество, занимательная бесѣда, привѣтливое обхожденіе, прекрасная дочь Ахъ боже мой ! да это повтореніе ! по неволѣ приходитъ

ся начинать и заключать ею — она была душой, а может быть и предметом всего этого! Чадъ большого свѣта не задушалъ въ ней искренности, придворныя блески сверкали только на ея платъѣ, но остроуміе не имѣло въ нихъ надобности. Весела безъ принужденія, скромна безъ жеманства, величава безъ гордости, она привлекала сердце очами, и обворожала умы словомъ. Самыя обыкновенныя вещи, ею произносимыя, принимали особую жизнь отъ чувства или мысли, выраженныхъ лицомъ, отъ намека въ одушевленныхъ звукахъ голоса. Никто лучше ея не умѣлъ сливать свѣтскую вѣтреность съ сердечною мечтательностію, и храня строгій этикетъ модныхъ приличій, повелѣвать межъ тѣмъ модою — и отлично. Всегда окружена роемъ комаровъ — остроумцевъ, щеголей — мотыльковъ, и шпанскихъ мухъ — богачей, она одна какъ будто не замѣчала ни привѣтовъ, ни вздыханій, ни взоровъ, ни вздоровъ, которыми ее осыпали. Стрѣлы паркетныхъ купидоновъ отражала она своимъ вѣеромъ — и самыя мѣткія высыпались вонъ изъ корсета при раздѣваньи, вмѣстѣ съ лишними булавками. Не скажу, чтобы тщеславіе, чтобы злословіе — двѣ стихіи большого свѣта, были ей чужды, — нѣтъ! это едва ли возможно для всякой жен-

щины, и вовсе не возможно для дамы лучшаго тона. Что бы заняло ихъ дома? о чемъ бы стали онѣ шептаться на балахъ, на съѣздахъ, на зрѣлищахъ, если бѣ оставить въ покоѣ всѣ репутаціи, всѣ морщинки лицъ и складки платьевъ, всѣ ужимки и уборы присутствующихъ, и всѣ городскія вѣсти, изобрѣтенныя отъ нечего дѣлать, и повторяемыя отъ нечего сказать? По крайней мѣрѣ, она была тщеславна болѣе по примѣру, чѣмъ по сердцу; по крайней мѣрѣ, насмѣшки ея были растворены какимъ-то добродушіемъ: не уязвить того, о комъ велось слово, желала она, а только развеселить того, кому рассказывала. Далеко отъ Амазонскаго тона многихъ столичныхъ ровесницъ ея, она терпѣливо слушала лепетанье добрыхъ, неопытныхъ, доверчивыхъ новичковъ — не превращая ихъ въ мороженое уничтожительнымъ взоромъ или словомъ, брошеннымъ съ высоты презрѣнія, и ни одно умное словцо, ни одно острое замѣчаніе не оставалось безъ награды ея улыбки, кѣмъ бы ни было оно сказано.

Кладу перо, и хладнокровно себя спрашиваю: не мадригалъ ли это сочиненный моимъ сердцемъ? Не влюбленъ ли я? Но что значить это слово? Я такъ часто былъ влюбленъ, что, мнѣ кажется, люблю только тѣхъ,

въ которыхъ не влюблялся, слѣдственно не разлюбилъ. Нѣтъ! это не сердечное пристрастіе: чувства мои къ ней были нѣжныя пріязни — но тише любви. Я досадовалъ бывало, когда безотвязные пустословы мѣшали мнѣ поговорить съ ней, но не ревновалъ. Не знаю, мои ли обстоятельства или опасеніе не получить полной взаимности удержали меня между небомъ и землею — только я не надѣвалъ на себя пестраго колпака вздыхателей, и скрѣпивъ сердце, грѣлся, но не старалъ ея красотою. Бывало часы летѣли и рѣчь кипѣла ключемъ, когда она, сбросивъ свѣтскіе узы жеманства вмѣстѣ съ тафтяными цвѣтами и пышными регаліями скуки, возвращалась въ домашній кругъ свой, будто сей часъ изъ пеленъ природы. Какъ простодушно умна, какъ непритворно чувствительна тогда бывала она! Я никогда не забуду послѣдняго вечера, проведеннаго съ нею: четыре года отлучки и бивачная, разбойничья жизнь въ горахъ Кавказа не сгладили о томъ воспоминація: все это какъ вчера у меня передъ глазами.

Со мною не церемонились — я былъ у нихъ почти домашній; и послѣ обѣда мать отправилась *faire la sieste* — немножко отдохнуть, чтобы не зѣвать на балъ, на который собирались онѣ. Мы остались у камина, братъ ея, кавалеристъ,

дремалъ подъ благодатнымъ вліяніемъ Англійскихъ угольевъ, и только порой побрякивалъ шпорами: видно, мысли его танцовали тогда мазурку. Старшая замужная сестра Софьи занималась счетомъ бисера для узоровъ кошелька; за то мы вдвоемъ говорили за четверыхъ, и рѣчь шла, конечно, не о слезахъ Андромахи.

Слово коснулось живыхъ картинъ, и я сказалъ, что многія дамы наши выигрываютъ въ нихъ безмолвіемъ и неподвижностію, но что всѣ мы теряли въ вашемъ молчаніи, *mademoiselle Sophie*. Правда, вы были живою мыслию живописца; вы одушевили, возвысили ее собственнымъ выраженіемъ и воображеніемъ; но одно движеніе, одинъ звукъ, вызвалъ бы искру восторга, который таился еще въ нѣмомъ созерцаніи!

— Даже, если бъ я чихнула? лукаво спросила она, возражая на комплиментъ мой: *al-lons, m. Alexandre*, я не люблю шуму, и отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Пойдемъ-те-ка, я лучше покажу новую свою работу по бархату, свою совсѣмъ не живую картину!

Сказавъ это, она порхнула впередъ; я предложилъ руку старшей сестрѣ, которая, полусутя, полусерьозно выговаривала Софьѣ, что она безъ матушки приглашаетъ молодого че-

ловѣка въ свой кабинетъ — однако жъ встала, и мы счастливо совершили Суворовскій переходъ.

Какъ жаль, что у насъ нечѣмъ выразить Англійскаго слова: awe. Это не страхъ, не благоговѣніе, не изумленіе, но что-то такое, которое имѣетъ въ себѣ нѣчто отъ всѣхъ трехъ. Такимъ-то чувствомъ бывалъ пронизаемъ я, переступая порогъ кабинета прелестной дѣвушки, пораженъ не тѣмъ, что видѣлъ тамъ, но тѣмъ, что угадывалъ или воображалъ. Здѣсь, при лучахъ утренняго солнца, вода освѣжаетъ ее, какъ розу Здѣсь передъ зеркаломъ выбираетъ она изъ модной своей оружейницы (т. е. гардероба) самые убійственные для насъ наряды; здѣсь примѣряетъ новую шляпку, новую улыбку къ лицу, или испытываетъ небрежно живописное положеніе; здѣсь повторяетъ нечаянные взоры, вздыхаетъ за романомъ, мечтаетъ послѣ бала . . . и, кто тотъ счастливецъ, о комъ мечтаетъ она? Съ такимъ-то чувствомъ сладкаго страха вступилъ я въ комнату Софіи, какъ будто въ святилище. Нѣкоторая таинственность, нѣкоторый рискъ придали тому еще больше цѣны. Все мнѣ казалось тамъ очаровательно: уборы и вкусъ ихъ, свѣтъ и воздухъ! Бронзовые и хрустальные бездѣлки манили взоръ прелестью работы или возбу-

ждали любопытство новостью изобрѣтенія. Млечная крышка лампы проливала сіяніе луны; цвѣты и духи вѣяли ароматомъ. На канделябрѣ висѣли шляпки съ вуалемъ для гулянья по Невскому. На письменномъ столикѣ, между блестящими альбомами, умирающій Малекъ-Адель бросалъ послѣдній взоръ изъ-подъ Англійской карикатуры. Полуразрѣзанный романъ Валтеръ - Скотта заложенъ былъ пригласительнымъ билетомъ на балъ; на недокончанномъ письмѣ брошена была поддѣльная гирлянда, и журналъ модъ, развернутый на картинкѣ, осѣнялъ своими крыльями Шиллера и Ламартина; полусожженный листокъ изъ Дарленкура, служившій для зажиганія кассолета, заключалъ картину — словомъ все въ плѣнительномъ безпорядкѣ — то была ода въ Анакреонтическомъ родѣ или лучше, исторія сердца и ума свѣтской дѣвушки. Такъ я могъ слѣдить ея прихоти и склонности — борьбу вѣтренности съ жаждою познаній, съ потребностію занятій душевныхъ; желаніе блеснуть, нравиться, и побѣждать равно наружностію и умомъ въ свѣтѣ, столь скучномъ своими обычаями, и столь миломъ по привычкѣ. Привычка вторая природа, говорятъ всѣ. Мнѣ кажется, что природа сама — первая привычка. Ни больше, ни меньше.

Софія сдернула покрывало съ небольшихъ пальцевъ, въ которыхъ натянута была бархатная бѣлая полоса, и на ней яркими оттѣнками весьма искусно изображалась вязь плодовъ, перемѣшанныхъ съ цвѣтами. Я много глядѣлъ то на работу, то на Софію, и снова попеременно; она взглядывала, то на меня, то въ зеркало.

— Вы настоящая Аврора, сказалъ я: подъ вашими перстами расцвѣтають розы.

— Развѣ маки, возразила она: я встаю слишкомъ поздно для вѣстницъ Феба. Притомъ быть Петербургскою зарею, значить проститься со всѣми своими знакомыми — которые видятъ восходъ солнца только на Веретовой картинѣ!

— Я увѣрялъ, что она весь свѣтъ сдѣлаетъ раннею птичкою, введетъ въ моду утреннія прогулки, и всѣ лорнеты, всѣ трубки обратятся къ востоку, подобно очамъ правовѣрныхъ! Она возразила, что спрашиваетъ о цвѣтахъ, а не о себѣ. Я говорилъ, что невозможно глядя на нихъ, не вздумать о лучшемъ изъ нихъ. Она желала знать, хороша ли работа. Я отвѣчалъ, что въ отсутствіи художницы она казалась бы прелестною, но при ней искусство уступаетъ природѣ, и краски кажутся безжизненны, что персики могли бы позавидовать

пуху щекъ ея, а розъ надо бы занять у нея румянца. Она говорила, что я привѣтливъ (complimenteux) слишкомъ по-свѣтски. Я говорилъ, что я слишкомъ искрененъ для свѣта. — Она говорила, что иногда не понимаетъ меня. Я говорилъ, что теперь и самъ себя не понимаю. Она говорила — виновать, она молчала — но я не переставалъ говорить глупости — и не диво: благовонный воздухъ дамскихъ кабинетовъ напоенъ ихъ прелестями — взоры ихъ такъ обворожительны, божественная заря такъ прилипчива! Сердце таетъ, языкъ болтаетъ, и все это дѣлается, самъ не знаешь, какъ!

Било семь.

— Какъ они отстаютъ! вскричала Софія.

Восклищаніе это доказывало нетерпѣніе ея быть на балѣ, гдѣ найдетъ она множество поклонниковъ, затмить многихъ соперницъ. Я взглянулъ на часы, едва ли не со вздохомъ — они врѣзаны были на верху большаго трюмо. Страшное сочетаніе! Урокъ ли это нравственности? напоминаніе ли, какъ дорого время, или эмблема женскихъ занятій, посвященныхъ зеркалу? Пріятное ли, раздѣленное съ полезнымъ, или полезное — жертва пріятному? Вѣроятно, мастеру, который, для странности, или по случаю, соединилъ въ одно эти разнород-

ныя начала, не впадало на умъ ничего подобнаго; да и самъ я подумалъ о томъ, будучи ужъ дома и одинъ.

— Направо, стой! кричить Иванъ.

Карета остановилась; звонокъ дрожить на пружинѣ, и сердце мое бьется. . . Это ничего! точно также билось оно у дверей каждаго изъ прежнихъ друзей моихъ. Радость ихъ видѣть и вмѣстѣ страхъ увидѣть остывшими, или не такъ счастливыми, какъ бы хотѣлось, неизвѣстность встрѣчи или приѣма — вотъ что волнуетъ грудь странника. »Принимаетъ!» говорить старикъ швейцаръ, вдѣвая очки на носъ, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ разглядѣть и узнать меня, и удивиться, что я такъ давно не былъ — я уже на верху лѣстницы, я уже въ гостиной. Генеральша, разговаривая съ двоюродною сестрою своею, почтенною женщиною преклонныхъ лѣтъ, раскладывала грандпасьянсъ. — Очень рады. — Послѣ обыкновенныхъ распросовъ, гдѣ и какъ былъ, что выслужилъ, я навѣдался о здоровьѣ любимой дочери. Слава Богу! она у себя въ комнатѣ, отвѣчали мнѣ: и будетъ довольна, васъ увидя; не угодно ли потрудиться войти къ ней?

Я удивился, но не заставилъ повторять себѣ приглашенія. Что бы это значило? думалъ я. . . . только однажды, и то украдкою, мнѣ по-

счастливилось быть у Софіи въ комнатѣ, какъ ни коротокъ я прежде былъ въ домѣ; а теперь меня посылаютъ туда безъ провожатаго! Люди или обычаи здѣсь измѣнились?

Софія встрѣтила меня радостнымъ восклицаніемъ, какъ стариннаго друга — и въ этотъ разъ грѣшно бѣ было сомнѣваться въ ея искренности: она была такъ уединенна, такъ одинока! Она не походила на себя — на прежнюю себя. Куда дѣвалась эта свѣжесть лица? этотъ прозрачный, тонкій румянецъ, эта роса любви, въ очахъ тающая? эта нѣжность лилейной шеи, гордой груди? Тѣ же цвѣты, обновясь, красуются на ея окнахъ, но она увяла! Неужели четыре года — вѣкъ красоты? Нѣтъ, я прочиталъ иную повѣсть въ томныхъ чертахъ, въ грустныхъ взорахъ Софіи! Не отъ одной напряженной жизни большого свѣта, не отъ бессонницы и утомленія на частыхъ балахъ, такъ быстро поблекла она; — къ этому присоединились нравственные огорченія: червякъ тоски тихо сточилъ ея сердце, и роза опала, не переживъ весны своей. Колесо моды вынесло вверхъ другихъ красавицъ; и поклонники прежней умчались вслѣдъ новыхъ метеоровъ; — атмосфера вздоховъ, которою жила, дышала Софія, разсѣялась, и она, къ досадѣ своей, должна была ежедневно видѣть успѣхъ другихъ,

поглощать свое униженіе, и такъ сказать, украшать трофеи соперницъ. Слишкомъ строгая въ выборъ во время владычества, по вкусу, она и теперь не измѣнила себѣ, изъ гордости. Связи родства и приданое ея не были такъ значительны, чтобы привлечь превосходительныхъ (я не говорю, превосходныхъ) жениховъ-математиковъ; а люди, достойные ея по сердцу и лѣтамъ, удалялись невѣсты столь высокаго полета, привыкшей къ блистающей жизни, къ знатному кругу знакомства, котораго не могли, а можетъ быть и не желали бы поддерживать. Кто знаетъ: можетъ, и любовь тайная или обманутая, отвергнутая или не раздѣленная? . . . И это сердце, созданное для того, чтобъ любить — изныло въ одиночествѣ, среди людей, посреди шуму, безотвѣтно! И эта прелестная дѣвушка, которая украсила бы общество, какъ супруга, какъ мать — отжила для надежды въ 23 года, забыта свѣтомъ, которому принесла себя въ жертву. О, свѣтъ, свѣтъ! какъ мало даешь ты за все, что отнимаешь! Блестящи, но тяжки золотыя цѣпи твои, и мы еще болѣе отягчаемъ ихъ связями. Умножая наслажденія, мы умножаемъ страданія разлуки съ ними: мы срастаемся съ тобой, и рука судьбы, отрывая насъ прочь, расторгаетъ сердце!

Въ кабинетѣ Софіи замѣтно было гораздо болѣе порядка: все у мѣста, все прибрано — теперь ей болѣе досуга. Сама она сидѣла спиной къ зеркалу, которое не могло уже ей показывать, какова она была, и въ которомъ не хотѣла она видѣть себя, какою стала. Она углублена была въ чтеніе исторіи герцоговъ Бургундскихъ, доказательство, что занятія ея стали основательнѣе — нѣтъ худа безъ добра. Она показалась мнѣ любезна по прежнему, но въ остроуміи ея было менѣе живости, въ эпиграммахъ болѣе соли, чтобъ не сказать, желчи. Она смѣялась, но уже этотъ смѣхъ обличалъ досаду покинутой, а не удовольствіе торжествующей красоты. Разговоръ былъ болѣе шутливъ, чѣмъ веселъ. Она просила меня рассказать поправдивѣе о Кавказѣ. Пушкинъ приподнялъ только уголъ завѣсы этой величественной картины, говорила она: но господа другіе Поэты сдѣлали изъ этого великана въ ледяномъ вѣнцѣ и въ ризѣ бурь, какой-то миндальный пирогъ, по которому текутъ лимонадные ручьи! Я, какъ умѣлъ, вѣрнѣе старался изобразить ей ужасающія красоты Кавказской природы и дикіе обычаи Горцевъ, этотъ доселѣ живой обломокъ рыцарства, погасшаго въ цѣломъ мірѣ. Описалъ жажду славы, по ихъ образцу созданной; ихъ страсть

къ независимости и разбою; ихъ невѣроятную храбрость, достойную лучшаго времени и лучшей цѣли. Бесѣда наша была довольно любопытна, даже занимательна, но со всѣмъ тѣмъ мы оба охотнѣе бы промѣняли всѣ эти разсудительные разговоры на тотъ часъ, когда мы болтали вздоръ, склонясь надъ рисованными цвѣтами!!

Между прочимъ Софія поздравила меня съ избавленіемъ отъ страсти къ комплиментамъ. Привѣтъ это или укоръ? я въ самомъ дѣлѣ не сказалъ ей ничего лишняго: ложь замирала у меня на устахъ. Женщины однако любятъ похвалы красотъ своей, еще больше, когда она исчезла. Въ цвѣтъ онѣ принимаютъ ихъ за долгъ, въ отцвѣтъ за даръ: это наши князья безъ княжествъ, графы безъ графствъ. Сіятельство пріятно имъ и безъ сіяющихъ достоинствъ, какъ обѣтъ или воспоминаніе.

Наконецъ я взглянулъ на часы, и всталъ, чтобы сойти въ гостиную.

— Не вѣрьте имъ: они бѣгутъ! сказала Софія.

Какъ много въ немногихъ словахъ!! Давно ли, когда надежда торжества опережала время, она говорила, глядясь въ зеркало: они отстаютъ! Теперь, когда вылиняли крылья радости, и сердце не успѣваетъ уже за временемъ, те-

перь: они бѣгутъ! Такъ, они бѣгутъ! и не-
возвратно! Сочетаніе зеркала съ часами пора-
зило меня болѣе, чѣмъ когда нибудь: въ два
раза вся исторія красавицы мнѣ видѣлась въ
нихъ начертанною, мнѣ видѣлся въ нихъ жи-
вой, но бесполезный урокъ тщеславію.

Я вышелъ грустенъ.

Случайныя слова: они бѣгутъ, они отстаютъ!
произвели на меня сильное впечатлѣніе, про-
изнесены будучи особою столь несчастливою,
но столь достойною счастія. Ровными стопами
— идетъ время, только мы спѣшимъ жить въ
молодости, и хотимъ помедлить въ ней, когда
она улетаетъ, и отъ того мы рано старѣемъ
безъ опыта, иль молодимся потомъ безъ пре-
лести. Никто не умѣетъ пользоваться ни вы-
годами своего возраста, ни случаями времени,
и всѣ жалуются на часы, что они бѣгутъ или
отстаютъ. О, Софія, Софія! Не имя, а участь
твоя навела на меня этотъ порывъ *мудрости*:
твои часы и зеркало еще и теперь у меня пе-
редъ глазами!

БУДОЧНИКЪ-ОРАТОРЪ.

Темно было рано. Выходило солнце, и на небе
являлись облака. Ветер дул с севера, и в саду
дрожали листья. Вдали слышались звуки музыки.
Было тихо по улицам, но в воздухе слышался шум.
Дождь начался.

— Кто идет? спрашивает будочник.

— Я иду по делам.

— Что вы делаете? спрашивает будочник.
— Я иду по делам.

— Скажите, где вы идете?

— Я иду по делам.

В это время в саду слышались звуки музыки, и в
дальности слышались звуки музыки. Вдали слышались
звуки музыки, и вдали слышались звуки музыки.

ВЪОФЕНН-ОПТОРЪ.

Темна была ночь Петербургская; хладенъ
вѣтеръ осенній. Мелкій дождь разсыпался
дробью, фонари чуть мелкали въ туманѣ. Все
было тихо по улицамъ — на башнѣ Думы би-
ло двѣнадцать.

— Кто идетъ? вскричалъ будочникъ.

— Отвѣта не было. —

— Кто идетъ? закричалъ онъ грознѣе мимо-
идущей бабѣ.

— Солдаты! отвѣчала она.

Будочникъ задумался.

Въ это время я сидѣлъ за письмами, и кон-
чивъ дѣловыя, принялся было писать къ тебѣ,
милой N. N.; но голова моя была пустѣе дам-

скаго журнала; пальцы будто отморожены: ни одной мысли, никакой шутки не могъ я выжать изъ пера, утомленнаго прозою жизни, и очиненнаго совсѣмъ не на дружескую руку. Я бросилъ его, и отворилъ окошко. Невскій проспектъ, чуть озаренный фонарями, терялся во мракъ на обѣ стороны. Прозаическій дождикъ журчалъ по мостовой, и глухо звучали потоки его въ жестянныхъ трубахъ. Последняя карета промчалась гремя, и все опять смолкло. Гдѣ - гдѣ, усталый звонъ шпоръ и бряканье палаша по тротуару доказывали, что идетъ кирасиръ съ приказною книгой, или шарканье калошъ какого нибудь штатнаго бostonщика биргерклуба возвѣщало возвратъ его домой. Будка стояла прямо подъ моимъ окномъ, и въ охрипломъ голосѣ будочника узналъ я стараго знакома: онъ каждый торжественный день, разнося повѣстку объ иллюминаціи, заходитъ поздравлять меня съ праздникомъ, разумѣется, въ надеждѣ получить на водку. Въ молодости своей онъ учился въ семинаріи, и кажется, не дурно, потому что до сихъ поръ пересыпаетъ рассказы свои Латинскими цитатами; но выгнанный оттуда за пьянство и шалости, попалъ въ солдаты, былъ произведенъ въ ундера, опять разжалованъ, и наконецъ, переходя или, лучше сказать, нисходя по всѣмъ

степенямъ своего званія, изъ пожарной команды сталъ блюстителемъ общественнаго спокойствія. Комическая встрѣча его съ хмельною старухою очень меня забавляла, когда на окликъ: кто идетъ? она отвѣчала, солдатъ.

Будочникъ задумался.

— Солдатъ? произнесъ онъ сомнительно. Солдатъ? повторилъ онъ съ укоромъ. Не солдатъ ты, а барабанщикъ бѣсовскаго легіона, старая вѣдьма, прости Господи!

Къ чести будочника я могу засвидѣтельствовать, что при этихъ словахъ онъ сдѣлалъ съ кирою на молитву, и перекрестился. Между тѣмъ кумушка уплеталась, какъ позволялъ ей избытокъ лѣтъ и вина. Скоро поворотила она въ Морскую — и скрылась отъ исторіи. Она скрылась, но неумышленно пронесенное ею слово взворотило всѣ мысли моего мудреца въ броню сермяжной.

Онъ вытащилъ берестяную тавлинку, дернулъ за хвостикъ; крышка щелкнула, и онъ, классически переминая зеленчакъ между пальцами, началъ нюхать, что называется, съ разстановкою, ворча за каждымъ нюшкомъ: — солдатъ? Гм, гм, солдатъ!! такъ что я по разнымъ удареніямъ его голоса могъ угадать, какія мысли шевелились въ стриженной его го-

ловъ. Однако жъ послѣдній разъ произнесень
былъ такъ двоесмысленно и послѣ него мол-
чаніе длилось такъ долго . . . что я еще и
теперь въ недоумѣніи, приписать ли это мно-
госторонности зерновой идеи, наслажденію ли
нюханія, которое въ ту минуту могло прови-
кнуть до самато перекраніума, или наконецъ
виннымъ парамъ, на время затмившимъ его
память. Полагаю послѣднее мнѣніе тѣмъ бо-
лѣе вѣроятнымъ, что наконецъ онъ вскрикнулъ:
солдаты! такъ радостно, какъ будто нашелъ
въ карманѣ давно затерянный пятакъ. На
этотъ разъ роковое слово было вступленіемъ
слѣдующей рѣчи:
— Солдаты, боги безсмертные! женщина, сла-
бая женщина дерзаетъ назвать себя воиномъ!
женщина — это подраженіе человѣку или, луч-
ше сказать, человѣкъ на изнанку; обреченная
природою совершать свой орбитъ около до-
машняго очага или дѣтской люльки, нося де-
вять мѣсяцевъ грузъ подъ сердцемъ, и годъ
на груди! Существо, предназначенное *только*
производить, смѣетъ самозванно облечься въ
высокое званіе *разрушать* себѣ подобныхъ,
званіе, требующее — крѣпкихъ силъ души и
тѣла, женамъ недоступныхъ! Странная занос-
чивость, — чудный антитезисъ! Не потому
ли хотятъ онѣ владѣть копьемъ Марса, что

Геркулесъ прялъ веретеномъ у ногъ Омфалы; но орламъ случается и ниже куръ спускаться, говоритъ Крыловъ; однако жъ курамъ не подниматься наравнѣ съ орлами. Не станемъ пробѣгать царства, давно исчезнувшія, и поднимать изъ гробовъ давноистлѣвшія кости. Знаю, конечно знаю басенную исторію или, лучше сказать, историческую басню объ Амазонкахъ; слыхалъ и о дѣвѣ Орлеанской, и о Гетѣ и Виснѣ Норманкахъ — но что это доказываетъ? Онѣ явились, какъ исключенія, исчезли, какъ невозможность. Что же касается до новѣйшихъ героинь, какъ Испанки въ Сарагоссѣ, какъ наши старостихи Василисы, Бубулина и проч., — онѣ дѣйствовали въ горячкѣ какойнибудь страсти, и то на краткое время. Знаю, что онѣ могутъ славно, умно повелѣвать, да иное дѣло повиноваться, и я приглашаю всѣхъ служакъ земнаго шара привести въ дисциплину дюжину кумушекъ! Легче заставить молчать непріятельскую батарею, чѣмъ языкъ женщины; и если бы въ женскихъ рядахъ лопнула граната, начиненная для смѣху лентами и бусами — прощай служба и битва: онѣ передрались бы между собою за стеклянью. Не говорю уже о храненіи тайны: каждая наша Амазонка готова была бы съ часовъ бѣжать въ цѣпь непріятельскую, чтобъ

имѣть удовольствіе разсказать тамъ, первой, пароль и отзывъ, именно потому, что это запрещено. И такъ пусть будутъ женщины губернаторами мужей губернаторовъ, пусть юрисконсулты ѣздятъ къ нимъ *volens-volens* на совѣщаніе: это водится нерѣдко на свѣтѣ, какъ слыхалъ я отъ забритыхъ въ солдаты слугъ, да и самъ испыталъ, будучи квартирмейстромъ: бывало, моя капитанша повѣряла всю таблицу умноженія на щекахъ моихъ за недочетъ какого нибудь гарница . . . Пусть будутъ онѣ вѣчно, какъ всегда были, по словамъ поэтовъ, сокрытою виною всѣхъ войнъ, начиная съ Троянской осады, при которой многія тысячи вѣроятныхъ рогоносцевъ дрались за одного несомнѣннаго!

Пусть женская подвязка служить наградой храбрости, лишь бы кофта не предводила мундирами. Пускай даже отличаются онѣ въ домашней войнѣ, которая ведется отъ Ноева потопа до Петербургскаго наводненія. Всѣ мужья признаются, что они, не ведя войны, не имѣютъ и мира. Свидѣтель тому моя покойная половина, не тѣмъ будь помянута: бывало, что твоя труба какъ раскудахтается! . . . Жаль бы мнѣ было ея, если бъ не любила она чужихъ мужей и не была своего: окуша-

лась блиновъ прошлую масляницу, да и приказала долго жить, царство ей небесное!

Послѣ этого патетическаго эпизода, онъ пріостановился, вздохнулъ — потомъ крякнулъ, и выставя передъ собой сѣкиру перпендикулярно, въ знакъ твердости и прямизны, продолжалъ:

— Однимъ словомъ, пусть будутъ жены стихотворцами, математиками, судьями, министрами, явно или подъ рукой, по праву или на дѣлѣ — пусть будутъ, чѣмъ хотятъ — только не солдатами. Уступаю имъ пальмы — но лавры принадлежатъ однимъ воинамъ! Не для нихъ создано это прекраснѣйшее, благороднѣйшее и первѣйшее въ государствѣ званіе; всѣ другія — средства, оно есть цѣль народовъ . . . Безъ войны, для чего плодились бы люди? Что бы мы дѣлали въ мирное время? Но положивъ даже (чего Боже меня сохрани) что *cedant arma togae*, что война есть болѣзнь, и что люди созданы жить въ мирѣ — изъ этого не выведемъ еще, что женщины способны для строю. Да и какъ могутъ быть онѣ полезны войску, когда самъ великій Петръ въ артикулѣ своемъ запретилъ имъ на выстрѣлъ приближаться къ лагерю, чтобъ не вносить туда сѣмянъ раздора и нѣги! Въ самомъ дѣлѣ, когда подумаешь о терпѣннѣи и подчиненности нашего солдата —

о его безкорыстїи, о его храбрости — онъ защищаетъ отечество снаружи, охраняетъ его внутри, лѣзетъ въ огонь, очертя голову — когда вообразить неустойчивость трудовъ его въ походахъ и осадахъ, безстрашіе въ битвахъ — такъ уму чудно, а сердце радуется. Съ пудовымъ ранцемъ за плечами прыгаетъ онъ на стѣну, какъ серна, съ голоднымъ брюхомъ дерется, какъ левъ, на приступъ! Нѣтъ для нихъ горъ непроходимыхъ, нѣтъ крѣпостей неодолимыхъ. Кто измѣритъ ихъ завоеванія, сосчитаетъ подвиги, — оцѣнитъ славу! Кто?

Мой Демосѣенъ вѣроятно истощилъ бы весь запасъ троповъ и фигуръ риторическихъ и все общія мѣста, изъ которыхъ дѣлалъ онъ эту окрошку, не исчерпавъ своего предмета; но шелестъ шаговъ заставилъ прервать рѣчь о вѣнцѣ.

— Кто идетъ? затапулъ онъ.

— Свой! отвѣчалъ голосъ.

Это былъ квартальный офицеръ.

— Все ли тутъ въ порядкѣ? спросилъ онъ.

— Все благополучно! отвѣчалъ будочникъ, вытянувшись.

— А зачѣмъ же у тебя въ фонарѣ, вмѣсто четырехъ свѣтиленъ, горятъ только двѣ? Отучу я васъ воровать казенное масло въ кашу.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, вѣтромъ задуло.

— То-то вѣтромъ! подливай масла, чтобъ не гасло. Кликни сюда подчаска.

Другой будочникъ выльзъ изъ каморки, зѣвая.

— Сведи-ка этого молодца въ часть, сказалъ ему офицеръ, указывая на мертвопьянаго человека во фризовой шинели, безъ шляпы, который тащился за нимъ, и никакъ не могъ отыскать своего центра тяжести. При каждомъ шагѣ онъ спотыкался и мѣрялъ землю носомъ, или, вспоминая невинный возрастъ младенчества, двигался на четверенькахъ.

— Веди, веди!

Пьяный. Помилуйте, за что-съ? . . .

Кварт. оф. За пьянство и буянство и ночное шатаніе.

Пьян. Ни въ чемъ не причинень-съ: маковой росинки во рту не было.

Кварт. оф. Видишь, какая малиновка! Росю питается . . .

Пьян. Извольте спросить-съ хоть у кума Василья Мать-вѣ-и-ча-съ: былъ у всеночной . . . у-у . . .

Кварт. оф. Набожный человекъ, набожный человекъ! То-то, видно, ты помолиться орлу ломился въ кабачныя двери?

Пьян. Вотъ из-воли-те видѣть: кумъ Васи-
лій Мат-вѣичъ-съ и говоритъ: пойдѣмъ! я то
есть и сказалъ: пойдѣмъ! пошли-съ анъ нѣту.
— Пожалуйста табачку-съ!

Кварт. оф. Куда конь съ копытомъ, туда и
ракъ съ клешней!

Пьян. Вы развѣ конной-съ? У васъ кажет-
ся, не конный мундиръ . . .

Кварт. оф. Разглядишь поутру. Въ сибир-
ку его!

Пьян. Въ сибирку-съ? Не извольте оби-
жать-съ; я самъ четырнад-ца-таго класса.

Кварт. оф. Самъ? покажи плакатъ! покажи
плакатъ, говорю: по какому ты виду шатаешь-
ся? А, что, нѣту? завтра все разберемъ. XIV-го
класса! — Видишь, что выдумалъ! да, братъ,
ты лапчатый гусь; ты самозванецъ, ты сочи-
нитель! . . .

Пьян. За мной такого художества не води-
лось . . .

Кварт. оф. Тащи, тащи!

Будогникъ. Изволь-ка подыматься на заднія
лапки, господинъ сочинитель; тебѣ еще не
слѣдуетъ ѣздить четвернею!

Торжественное шествіе удалилось, и я за-
хлопнулъ окошко.

Вотъ тебѣ и содержаніе письма, поду-
малъ я: съ друзьями нечего чиниться — при-

сѣлъ и написалъ, что видишь. Я нарочно приклеилъ альманачное начало, чтобы заманить въ чтеніе изъ любопытства, которое бы, можетъ быть, бросилъ ты, не смотря на дружбу. Какъ гражданскій чиновникъ, ты безъ сомнѣнія скажешь, что будочникъ мой съ лоскутною своею философіею очень смѣло возвышаетъ воинское званіе надъ прочими; что всѣ званія въ свѣтѣ достойны уваженія, и многое множество прекрасныхъ вещей, которыя въ устахъ твоихъ обновятся и окрѣпнутъ. Я и не спорю ни за его умъ, ни противъ твоей правоты; я хочу только сказать, что не одинъ онъ замѣшкался въ Наполеоновомъ вѣкѣ, не одинъ онъ застарѣлъ въ войнолюбіи.

Что касается до выходки противъ женщинъ — я умываю руки. Это верхъ невѣжества — да чего и требовать отъ будочника! Жаль только, что онъ во многихъ книгахъ, которыми покланяется публика, можетъ найти себѣ подкрѣпленіе. Не то же ли почти говорили древніе философы? Не то же ли утверждаютъ Нѣмецкіе мыслители? Не такъ ли очертилъ Байронъ прекрасную половину нашего пола, въ разговорахъ съ Мидвиномъ! Не мудрено дать щелчокъ этому смурому врагу дамъ — не досталось бы только носу какогонибудь мудреца! —

ОБЩЕСТВО ПРАВИ НОРИ.

Меня приглашаютъ ѣхать на Исыхъ. Но что такое Исыхъ? — Вообще это имя всякаго Якутскаго празднества; но въ особенности оно присвоено празднику *нагатковъ-кумыса*. Кто нибудь изъ богатыхъ стадами Якутовъ скопляетъ его большое количество, скликаетъ родныхъ и родовичей, зазываетъ гостей изъ другихъ улусовъ: старъ и малъ собираются, пьютъ — пляска и конская скачка Что жъ, ѣдете? — Ёдемъ. — Ногу въ стремя и вонъ изъ Якутска. Погода прекрасная, лѣтнія травы благоухаютъ, листья трепещутъ жизнію. Вы бы сказали, что природа сама вполне наслаждается. Вотъ видны Якутскія юрты, разбросанныя по берегу величавой Ле-

ны. Близъ нихъ, въ большой загородкѣ, березки, вонзенныя въ землю, образуютъ бесѣдку и дорожки. Множество Якутовъ обоюго пола сидятъ кругомъ на колѣняхъ; въ серединѣ пылаетъ пламя. По просьбѣ нашей, праздникъ будетъ по старинѣ, со всѣми прежними обрядами. Три шамана приближаются къ огню; одежда ихъ уже описана отлично бардомъ нашимъ, и мнѣ нечего прибавлять; только вмѣсто рогатыхъ шапокъ, волосы ихъ падаютъ по плечамъ. Они умоляютъ духовъ не вредить ихъ стадамъ, не насылать падежа и болѣзней. Голосъ ихъ то пронзителенъ, то ропотенъ — бубны звучатъ повременно, и каждый изъ нихъ, черпнувъ ложкою кумыса изъ огромныхъ деревянныхъ кубковъ (аяхъ), брызжетъ имъ на огонь. — Это умилоостивительное возліяніе. Старшины подводятъ бѣлую кобылицу, и старшій шаманъ, возложавъ руку на ея голову, проситъ Небеснаго Бога благословить размноженіе стадъ, изобиліе травъ и здравость сего кумыса. Онъ вырываетъ нѣсколько волосъ изъ гривы и бросаетъ въ огонь; съ этой минуты благословенная кобылица становится неприкосновенною. Ни сѣдло, ни удило не будетъ ей знакомо: никогда ножницы не уронятъ съ нея ни волоска. Тутъ началось подчиванье: въ большихъ и малыхъ

чашахъ разносятъ гостямъ кумысъ — между тѣмъ, какъ умный разскащикъ говоритъ похвалу ему, и громкіе клики одобренія летятъ со всѣхъ сторонъ: ораторъ неистощимъ. Женщины, схватя другъ друга подъ руки, образуютъ кругъ для пляски подъ ничего незначащій припѣвъ, похожій на крикъ тянущихъ матросовъ. Пляска эта есть не что иное, какъ ходьба кругомъ въ одну сторону — ставя лѣвую ногу въ бокъ, а правую впередъ: ни красы, ни занимательности — это тающая зима. — Платье Якутское весьма красиво: короткое полукафтанье, широко опушенное краснымъ сукномъ, шелковый кушакъ и красные замшанные сапоги. Якутки въ лучшихъ своихъ нарядахъ: многія въ лѣтникахъ, большая часть въ шубахъ суконныхъ или шелковыхъ съ соболіною или бобровою окладкою, съ подвѣсками на косахъ, на серьгахъ, на плечахъ. Изъ нихъ нѣкоторыя очень не дурны — но огромныя мѣховыя шапки безобразятъ всѣхъ.

Мужчины скачутъ и бѣгаютъ на перегонки; — прыгаютъ на далекое разстояніе на одной ногѣ или черезъ веревочку — движенія ихъ медленны и неловки — климатъ видѣнъ во всемъ. Борются полупагіе, упершись головами и схватя другъ друга за руки выше локтей. Кто первый коснулся земли спиною,

тотъ побѣжденъ. Смѣхъ и клики привѣтствуютъ атлетовъ.

Но вотъ открывается поприще, на которомъ каждый Якутъ можетъ быть героемъ: это проба объѣдалъ. Одинъ съѣдаетъ едва ли не четверть быка, другой глотаешь 30 фунтовъ растопленнаго масла съ разу, третій осушаетъ аяхъ ведра въ полтора, не отнимая его отъ губъ: это доказало эластичество желудка; — вотъ примѣръ быстроты челюсти: — удалецъ, пустивъ стрѣлу вверхъ изъ лука, съѣлъ пять карасей, прежде чемъ она упала на землю. Товарищи не съ удивленіемъ, но съ завистію любовались на счастливецъ.

И только? только, друзья мои! На это пріятно взглянуть, какъ на Китайскія тѣни. Одно и то же, накучило мнѣ въ часъ. Я покинулъ грязныхъ дѣтей природы для вѣчно-юной ихъ матушки, и скоро шумъ ключей Кангаласскаго камня утѣшилъ мой слухъ, утомленный нескладнымъ пѣніемъ Исыха.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Б. у. 10. 10. 10.
Staatsbibliothek
München

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стран.</i>	
Латникъ	3	
Замокъ Венденъ	97	
Ревельскій Турниръ	115	
Романъ въ семи письмахъ	185	×
✠ Военный антикварій	205	×
Часы и зеркало	231	×
Будочникъ-Ораторъ	249	×
Сибирскіе нравы. Исыхъ	263	>

Содержание. Часть первая. Описание

Историческое описание. Описание

ОТДЕЛЕНИЕ

Описание. Описание. Описание

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Описание. Описание. Описание

Описание. Описание. Описание

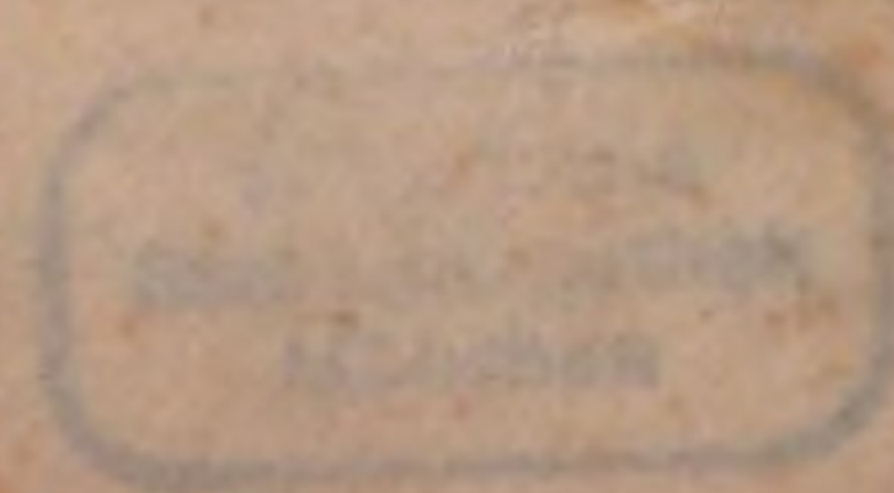
Описание. Описание. Описание

Описание. Описание. Описание

Описание. Описание. Описание

Описание. Описание. Описание

ПОСЛЕДНЕЕ ОТДЕЛЕНИЕ

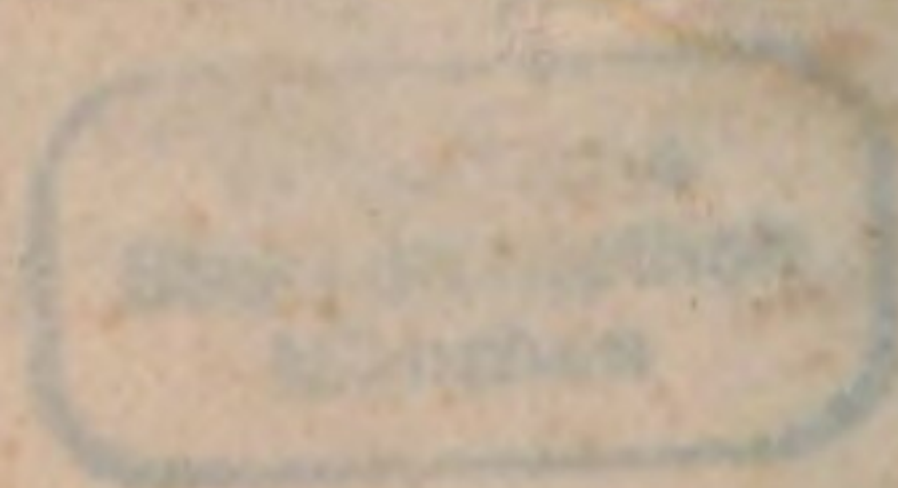

О Т В Е Т

ПЕТЕРБУРГСКАЯ

Введение	1
Глава I. Общие сведения	15
Глава II. Описание местности	25
Глава III. История местности	35
Глава IV. Описание местности	45
Глава V. Описание местности	55
Глава VI. Описание местности	65
Глава VII. Описание местности	75
Глава VIII. Описание местности	85
Глава IX. Описание местности	95
Глава X. Описание местности	105
Глава XI. Описание местности	115
Глава XII. Описание местности	125
Глава XIII. Описание местности	135
Глава XIV. Описание местности	145
Глава XV. Описание местности	155
Глава XVI. Описание местности	165
Глава XVII. Описание местности	175
Глава XVIII. Описание местности	185
Глава XIX. Описание местности	195
Глава XX. Описание местности	205
Глава XXI. Описание местности	215
Глава XXII. Описание местности	225
Глава XXIII. Описание местности	235
Глава XXIV. Описание местности	245
Глава XXV. Описание местности	255
Глава XXVI. Описание местности	265
Глава XXVII. Описание местности	275
Глава XXVIII. Описание местности	285
Глава XXIX. Описание местности	295
Глава XXX. Описание местности	305
Глава XXXI. Описание местности	315
Глава XXXII. Описание местности	325
Глава XXXIII. Описание местности	335
Глава XXXIV. Описание местности	345
Глава XXXV. Описание местности	355
Глава XXXVI. Описание местности	365
Глава XXXVII. Описание местности	375
Глава XXXVIII. Описание местности	385
Глава XXXIX. Описание местности	395
Глава XL. Описание местности	405
Глава XLI. Описание местности	415
Глава XLII. Описание местности	425
Глава XLIII. Описание местности	435
Глава XLIV. Описание местности	445
Глава XLV. Описание местности	455
Глава XLVI. Описание местности	465
Глава XLVII. Описание местности	475
Глава XLVIII. Описание местности	485
Глава XLIX. Описание местности	495
Глава L. Описание местности	505

ПЕТЕРБУРГСКАЯ

Bestužev, Aleksandr Aleksandrovič,

Polnoe sobranie sočinenij

Bd.: 4. Russkie pověsti i razskazy. - 3. izd. - 1838

Sanktpeterburg 1838

P.o.rel. 3271-3/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036350-6